Вл. Ставский

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

ГОСЛИТИЗДАТ

1942

Вл. Ставский

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

МЫ БЬЕМ ТАНКИ

1

Опушку сосновой рощи рассекает пыльное хрящистое шоссе. Красные стволы сосен — в полтора обхвата — вымахнули к самому синему небу. Шумят неумолчно могучие кроны. Впереди, за опушкой, — ржаное поле. Рожь отцветает, ходит под ветерком тугой дымчатой волной.

Королинский глядит на поле, и мысли его сейчас далеко-далеко...

На опушке — зоркая тишина. С поля и не увидишь и не скажешь, что здесь, среди этих сосен и кустарников, держит оборону целый стрелковый батальон со взводом ПТО.

Ухо лейтенанта Королинского ловит далекое железное урчанье. Он глубоко вздыхает, быстро оглядывает расчеты своих орудий. Весь взвод превратился сейчас в слух, внимание, зрение. Боевые, надежные друзья.

Из-за поля слышен рев моторов, он становится резче. Вдруг возникает над зелено-дымчатой волной ржи башня немецкого танка. Лейтенант коротко и четко приказывает:

— Взвод, к бою!

Расчеты уже на местах. Наводчик Петров нацеливает орудие в лоб танка. А танк, с ревом, лязгая гусеницами, все ближе, ближе... Башенный люк закрыт. На борту, на темносерой противной краске, отчетливо видны белые линии прямого креста.

— Орудие! — командует лейтенант, вскидывая к глазам бинокль. — Огонь!

Звенит выстрел. Лейтенанту очень хорошо видно, как с немецкого танка набок слетает разбитая башня. И танк грузно оседает.

— Молодец! — горячо говорит лейтенант.

— Служу Советскому Союзу! — чеканно отвечает Петров.

Королинский не сводит глаз с танка. Это средний фашистский танк «Т-3». В экипаже — трое.

— И не вылезает никто! — говорит командир взвода.

— А они никогда уже не вылезут!

Снова настороженное внимание. Снова нарастает грохот приближающегося танка. Над рожью опять появляется башня. Танк подходит и останавливается у подбитой машины. На опушке сосновой рощи никто не шелохнется.

Башня поворачивается. Угрожающе глядит жерло пушки. Потом танк вплотную подходит к подбитому. Передний люк открывается, и через него один за другим вылезают фашистские танкисты.

Петров в недоумении глядит на командира взвода, тот предостерегающе поднимает ладонь.

Немцы быстро разматывают толстую буксирную цепь, подтягивают ее и набрасывают на крюк подбитого танка. Только теперь командир взвода подает команду. Выстрел. Снаряд разворотил дыру в бортовой броне. Из-за куста, левее орудия Петрова, коротко проговорил наш ручной пулемет. Оставшийся в живых фашист, согнувшись и бросаясь из стороны в сторону, бежит по ржи вдоль шоссе. Мелькает его темносерый комбинезон.

— Поймать бы его, товарищ лейтенант! — жарко просит красноармеец.

— Не угнаться! Это же блиц-удирала! Смотри!

— А я бы все равно догнал!

— Отставить! — говорит Королинский. —Внимание на шоссе и на лощинку справа! Что же вы думаете — их всего два? Скоро еще явятся!

— А мы им еще подсыплем!

— Правильно! А сейчас — смотреть!

Красноармейцы все еще улыбаются, весело переглядываются.

Лейтенант устало вздыхает. Ему очень хочется прилечь на этой травке. Которая уже ночь без сна!

— Танк по лощине справа! — докладывает Петров.

Усталости у лейтенанта как и не бывало. Немецкий танк словно плывет, раскачиваясь над рожью. Он останавливается в полусотне метров от шоссе. «Боится, гад! Еще удерет, чорт бы его забрал!» — думает лейтенант и машет Петрову рукой. Гремит выстрел. Танк качнулся. Триплекс в люке механика-водителя вдребезги расколот бронебойным снарядом.

— Ну, разве уцелеет кто-нибудь внутри после такого удара? — смеясь, говорит Петров.

— А вооружение-то надо снять сейчас! — вслух думает лейтенант. Оставив за себя Петрова, он бежит к командиру стрелкового батальона. Это здесь же, в двух-трех десятках метров, под соснами. Тот, выслушав, отдает приказание. К танкам со всех ног бросается отделение стрелков с командиром. Лейтенант идет к себе. И пока отделение не возвратилось, он ни на мгновенье не спускает глаз с шоссе, не перестает прислушиваться.

Стрелки отбегают от танков и падают, прижимаются к земле. Томительные секунды. И — разом грохочут разрывы, танки исчезают в дыму и столбах земли. Лейтенант и все товарищи улыбаются.

— Теперь вот доконали, одно слово: доконали!

С пулеметами и пистолетами парабеллум возвращаются стрелки. Они приносят, кроме того, потре-

панную полевую сумку и «Железный крест», черный с белым, напоминающий спину отвратного паука. В первом танке убит обер-лейтенант Руттенберг.

В полевой сумке его — обязательства Берлинского банка на 690 тысяч марок. Рядом — карта Франции.

— Смотрите, отметки на карте. Это он там был!— восклицает лейтенант. — Париж, Сен-Назар, Сент-Этьен, Лион...

— Сколько же он крови пролил! — с ненавистью говорит Петров.

2

На соседнем участке обороны капитан Тыртычный, командир 3-го батальона стрелкового полка, стоит на коленях в канаве, буйно заросшей травой. Шаровары отсырели, и весь он в густой черной грязи. В полутора десятках метров от него на шоссе—немецкий танк, объятый ревущим огнем, и смрадные клубы черного дыма идут в синеву неба.

Совсем недавно капитан Тыртычный залег в этой придорожной канаве. У него пистолет, две гранаты и бутылка с бензином. Из горлышка бутылки торчат смоченные бензином тонкие тряпочки.

Из глубины леса, обступившего шоссе с обеих сторон, затаив дыханье, следит за капитаном батальон.

Капитан Тыртычный спокойно пошел от товарищей сюда, в эту канаву. Когда же издалека донесся гул и грохот идущего по шоссе танка, капитан вздрогнул. Перед глазами его, словно впервые в жизни, встали и небо, и деревья, и заросли высокого иван-чая с розовыми цветами над канавой. Сердце забилось сильно и больно, и душно стало в зеленом сумраке под этой травой, в канаве.

Гул становился явственнее, ближе. Капитан спокойно привстал на коленях и вынул из кармана коробок спичек. Еще невидимый, грохотал танк.

«А если меня увидят? — подумал капитан. — Да ни за что в жизни не увидят! Искать будут, и то не найдут! Как там товарищи? Смотрят ли?»

Земля дрожала все сильнее. И вот громада танка поравнялась с канавой. Капитан раздвинул траву. Он увидел борт танка, бегущие траки гусениц. Выхватил пучок спичек, чиркнул и ткнул в лохмотья, торчащие из бутылки. Они вспыхнули. Капитан поднялся и сильным взмахом кинул бутылку в танк, туда, откуда глядели, словно жерла пушек, выхлопные трубы.

Сверкнули, разлетаясь, осколки бутылки. По металлу побежал, побежал, побежал синеватый огонь. Вдруг вымахнуло, закрыв башню, огромное пламя, заревело, закрыло весь танк. Сквозь огненные языки капитан увидел, как распахнулся башенный люк и оттуда головой вниз, защищая лицо рукавом, бросился фашистский танкист.

Капитан метнул в него гранату.

Ползком возвращается капитан Тыртычный к товарищам. Они встречают его восторженно и сердечно. В их глазах, на их суровых лицах капитан видит, угадывает, какую смертельную тревогу пережили они за него. И его охватывает всеобъемлющее чувство любви, горячей дружбы. И он только жмет им руки, порывисто и крепко.

— Товарищ капитан, разрешите мне в засаду с бутылками! — просит секретарь комсомольского бюро младший политрук Шнейдерман. Он щуплый, к лицу его не пристает никакой загар. Черные глаза его пылают. Капитан Тыртычный согласно кивнул головой.

Инструктор политуправления Западного фронта старший политрук Мартынов поздравляет капитана Тыртычного.

— Ваш подвиг мы сделаем достоянием всей армии, — говорит Мартынов.

— Да что такое? Это же не ДОТы-«миллионеры» брать! — вспыхнув, говорит Тыртычный и глядит на орден «Красное Знамя», сверкающий на гимнастерке Мартынова.

— ДОТы — одно, а танки рвать и жечь — другое! — отвечает Мартынов.

Они быстро переглядываются, полные взаимной симпатии.

3

Финские ДОТы на Карельском перешейке. Линия Маннергейма. Узел Хоттинен. Пятидесятиградусные морозы, сугробы выше пояса. Невинные с виду бугорки с березами в колючем инее. Под ними были железобетонные ДОТы — в два этажа, с броневыми плитами, прикрывавшими амбразуры, пулеметные и артиллерийские.

1 февраля 1940 года стрелковая дивизия прорвала, взломала Хоттиненский узел с его «миллионерами»-ДОТами. Орденом Ленина награждена дивизия за бои против белофиннов. Из рядов дивизии вышли Герои Советского Союза Сипович, Ватагин, Коровин, Кириллов, Фомичев, Ахмеладзе и другие.

И теперь, в эту великую отечественную войну, дивизия ордена Ленина наносит удар за ударом врагу.

В первом же бою, под Минском, на реке Паперне, к ночи на 27 июня, артиллеристы дивизии расстреляли десятки танков и бронемашин, уничтожили сотни мотоциклов и автомобилей с пехотой. Только

взвод ПТО старшего сержанта Ардышкина, тоже участника боев на Карельском перешейке и орденоносца, — только его взвод разбил шестнадцать немецких танков.

Но и дивизия понесла потери. Танков у нее не было. А немцы усиливали нажим, подбрасывая новые танки, бронемашины, мотоциклы. В воздухе перевес был тоже на стороне врага.

Командование решило отвести войска на более выгодный рубеж, на реку Волму. Дивизия получила приказ об отходе.

— Мне бы хоть один полк танков, да сверху прикрыть! И никуда бы я не ушел и немцев не пропустил! — вырвалось у командира дивизии генерал-майора Руссиянова. Среднего роста, чуть сутулый, он сидел в углу блиндажа. В светлых глазах его отражалось пламя свечи. Он склонил загорелое горбоносое лицо над картой. Правая рука его была в непрерывном движении: в прошлую войну он был тяжело, с переломом кости, ранен в плечо, и теперь рука часто немела и ныла.

В дивизии он был лишь несколько месяцев. Это высокая честь — командовать орденоносным соединением.

Генерал еще раз перебрал в уме все доводы за и против. Решение было принято: отходить только ночью, днем занимать круговую оборону на промежуточных рубежах.

И вот дивизия отходит по ночам. Днем на выбранных заранее рубежах, используя опушки и овраги, болота и высотки, зарывается глубоко в землю, выставляя на передний край противотанковую артиллерию, отбивая, расстреливая и уничтожая врага. А враг жмет все сильнее. Перед самым вечером на командный пункт прибегает младший командир, бледный, растерянный:

— Товарищ генерал-майор, прорвались немецкие танки, угрожают командному пункту!

Все умолкают. Генерал чувствует на себе взгляды всех присутствующих. Двинуться с места — потерять связь с частями, бросить их... Да и куда уйдешь от танков днем? Догонят, раздавят...

— Надо уходить, товарищ генерал! — вырывается у младшего командира.

— Все в порядке. Давайте-ка сначала чайку напьемся! — говорит генерал.

Младший командир с изумлением смотрит на него, на лице появляется робкая улыбка, и вот оно уже пылает от восхищения и... стыда.

— Товарищ начальник штаба, выбросить комендантский взвод. Каждому связку гранат. Усильте взводом ПТО. К каждому орудию штабного командира. И что?

На суровом лице начальника штаба—еле заметная усмешка. Чудная привычка у генерала: приказывать и вдруг озадачить этим своим: «И что?» Как будто генерал проверяет, слушают ли его. Оно так и есть. Но генерал знает и другое: толкового боевого человека его вопрос лишь подбодрит и толкнет на выдумку...

— Уничтожить танки противника! — четко говорит начальник штаба.

Все облегченно вздыхают. Так просто и ясно стало все.

— Правильно! Исполняйте!

Командиры выходят, приподнимая закрывающую вход плащ-палатку. Врывается свет, грохот боя. Генерал прислушивается:

— Что там у Шварева? Связист, вызовите полковника Шварева. А вы что же стоите? Давайте чаю! И варенья. Того — вишневого.

Связист вызывает командира N-ского полка. Генерал подходит к аппарату.

— Двадцатый? Доложите обстановку... Танки атакуют? Давай расстреливай... Правильно. Три орудия подбиты?.. Плохо. Прислать? У меня тут артиллерийского завода нет. Держись. За флангами смотри! Оглядывайся. Я на тебя надеюсь! И что? Правильно.

Генерал отдает связисту трубку. Перед умственным взором его сейчас простирается весь участок обороны дивизии: лес и болото на правом фланге и в тылу, сосновая роща в центре, кустарник слева. Местность не очень-то удобная. Но во что бы то ни стало надо продержаться до вечера. А орудий выбыло еще три... Наверху, рядом с блиндажом, рвется снаряд. Связист вздрагивает. В щель между бревен течет желтый песочек. Генерал осматривает койку: его автомат, гранаты, каска и противогаз на месте. Легче было бы ему, Ивану Никитичу Руссиянову, броситься сейчас наверх, а там — в самую гущу боя. Но тогда сразу оборвется управление частями...

Генерал приказывает вызвать другой полк своей дивизии. Командир полка докладывает, что капитан Тыртычный, командир батальона, лично зажег бутылкой с бензином немецкий танк. Вскоре в засады пошли десятки коммунистов и комсомольцев с зажигательными бутылками. Инструктор Мартынов побежал в соседний батальон налаживать это дело, расставлять коммунистов и комсомольцев.

— Так горит танк от бутылки? — переспрашивает генерал. — Бросал вдогонку, в моторную группу танка? Правильно!

Командиру своего третьего полка, занимавшему оборону в тылу, на выходе из леса, генерал приказывает:

— Против танков примени зажигательные бутылки.

Все громче слышен грохот боя. В блиндаж вбегает адъютант генерала.

Горят! Товарищ генерал, оба танка немецких горят! Снаряды внутри рвутся!

— Хорошо. Кто разбил, зажег?

— Орудия ПТО. Танки подошли, обстреляли. Наши молчат. Тогда танки двинулись. Тут их и трахнули в упор.

— Правильно!

4

Пылает сквозь ветви и листья деревьев закат. Не умолкают раскаты боя. Генерал вызывает полки, разговаривает с командирами. На столике давным-давно остыл стакан крепкого чая, и рядом на блюдечке рубиново отблескивает вишневое варенье.

Генерал знает, как это важно каждому командиру — услышать спокойный голос своего высшего начальника, уловить в интонациях уверенность.

Но важно и ему, генералу, услышать и узнать по голосу всю истинную правду, проверить себя, свои приказы.

И от разговора к разговору глаза генерала светятся все ярче, и в голосе его все чаще звенящие нотки.

Полковник Шварев отбил три атаки немецких танков огнем артиллерии.

Батальон капитана Тыртычного отбил две атаки и зажег бутылками с бензином пятнадцать немецких танков. Секретарь комсомольского бюро Шнейдерман и политрук Осокин сожгли три танка и две бронемашины.

Секретарь комсомольского президиума 6-й роты N-ского полка Иванов, когда нехватило бутылок, забрал у красноармейцев стеклянные фляжки. Он

налил в них бензина из «эмочки» и сам запалил три танка.

А капитан Коврижко сам, лично, спалил десять танков.

Генерал встает, развернув плечи, переполненный счастливым и гордым чувством.

— Народ-то у нас какой! — говорит он громко, смотрит на связиста. — И что?

— Геройский народ!

— Пусть брешут фашисты, что их танки непобедимы. И что?

— Мы бьем танки, товарищ генерал.

— Правильно, товарищ красноармеец!

БЕССТРАШНЫЙ СЫН КРЫЛАТОГО НАРОДА

— По самолетам! — звучит команда.

Над посадочной площадкой взлетает, шипя, сигнальная ракета. Истребители стремительно взмывают в воздух, ложатся на курс и исчезают вдали.

Погода пасмурная, несутся низкие рваные облака. Надо зорко смотреть и не прозевать жестокого и коварного врага. Командир эскадрильи старший лейтенант Николай Терехин пристально всматривается и в прогалы между облаков, и вперед, и по сторонам, и назад. Где-то поблизости идут бомбардировщики фашистов. Они летят бомбить мирный и прекрасный Могилев — детей, женщин, стариков.

Эскадрилья Терехина ищет врага в небесных просторах.

И вот в серых глазах командира блестит острая радость. Крепкая рука легким движением качает самолет с крыла на крыло, предупреждая товарищей. И все они бросают свои послушные боевые машины на пять «Хейнкелей», только что вынырнувших из-за облаков. Терехин быстро заходит в хвост немецкому бомбардировщику. Он видит, как фашистский стрелок-радист, судорожно вертя маленькой черной головой, ведет по нему огонь из своих пулеметов. Несколько пуль попали в машину. Но у Терехина хватает выдержки, чтобы, несмотря на огонь, подойти на верную дистанцию. Он крепко жмет гашетку пулеметов, когда уже

хорошо видны шлем и очки фашиста. Нити трассирующих пуль в упор хлещут по бомбардировщику. Буйное пламя возникает над фюзеляжем, неуправляемый «Хейнкель» валится прочь.

Терехин оглядывается. Он видит еще два «Хейнкеля», тоже в пламени и дыму. Расстрелянные товарищами Терехина, они падают. Победа!

Но надо уходить к себе на посадочную площадку. Мотор работает с перебоями, плохо действует управление.

При посадке машину вдруг бросило в сторону. Только хладнокровие и умение Терехина предотвратили неминуемую аварию.

Товарищи, подбежавшие к самолету, поздравляют Терехина с победой. Он застенчиво улыбается.

Летный состав эскадрильи — молодежь. Но и сам Терехин тоже молод: ему всего 25 лет. Он из села Чардыма, Лопатинского района, Пензенской области. Отец и мать его и сейчас живут там. Они колхозники. Жизнь Николая Терехина проста и обычна: школа, пионерский отряд, 10 лет в комсомоле, на работе в руководящих организациях. Все эти годы — мечты об авиации, и только об истребительной! А как он волновался, что его не примут в авиацию из-за его неполных 18 лет. И как буйно радовался он, когда в 1934 году стал курсантом авиашколы!

Мечтательный мальчик, он стал мужчиной, опытным летчиком, членом партии, комиссаром истребительного полка. И 22 июня сам попросился в бой.

— Товарищ старший лейтенант, — обращается к Терехину механик,—два цилиндра в моторе разбиты.

— Отлетался ястребок! — грустно восклицает кто-то из летчиков.

Вместе с товарищами Терехин осматривает свой самолет. В памяти встают все подробности боя, и он волнуется: «Да как же я вывернулся и долетел!»

— Шестьдесят пробоин! — приподнято докладывает механик. — Шестьдесят пробоин в фюзеляже, в крыльях, в центроплане. А еще пробита пневматика шасси, продырявлен винт и повреждено управление.

— Скорее бы получить новую машину! — говорит Терехин тихо. Товарищи быстро оглядываются на него; такая страсть слышна в этом тихом голосе.

На другой день в 7 часов вечера Терехин снова подымается в воздух. Он летит на другом самолете, который ему пришлось силою приказа взять у летчика своей эскадрильи. Задача та же — перехватить группу немецких бомбардировщиков и уничтожить ее. Как и вчера, пасмурна погода. Как и вчера, нелегко разыскать врага среди серых облаков.

Но так же, как и вчера, старший лейтенант Терехин находит группу немецких бомбардировщиков и атакует ее. Он стремительно бросается на крайний, самый близкий к нему, стреляет в упор и сразу убивает стрелка-радиста. Следуют короткие очереди. Бомбардировщик падает — и на земле пламя взрыва.

Но впереди еще два! Они удирают. Их нельзя отпустить! Терехин преследует. Ведет огонь по ближайшему бомбардировщику, но вдруг патроны кончились! Теперь враг может уйти. Но ведь этого не должно быть! Врага надо уничтожить любой ценой, любым способом.

В сознании Николая Терехина проносятся события последних дней, встают лица товарищей, погибших в бою за родину, за честь и свободу советского народа, встают картины пожаров, зажженных фашистами и полыхающих над родными землями. И, отчетливо и радостно сознавая, что

вот сейчас он сам погибнет, охваченный восторгом смертельного удара по врагу, Николай Терехин бросает свой истребитель на врага, как таран.

Воздушная струя от винтов бомбардировщика относит Терехина чуть в сторону, и плоскостью своего самолета он рубит не по мотору, а по хвосту врага. Навсегда остается в памяти, как срывается вниз немецкий бомбардировщик, а своя правая плоскость задирается вверх и корежится.

Но истребитель еще управляем. А впереди последний самолет врага. Его также надо уничтожить! Не думая ни о чем другом, Николай Терехин стремительно сближается с бомбардировщиком. По его истребителю с сухим треском бьют пули немецкого стрелка. Вдруг обжигает ногу. Ранен. Мокро и горячо от крови. Только бы успеть! Быстрыми и точными движениями он отбрасывает борт кабины, отстегивает ремни, сбрасывает со лба очки, и тотчас же истребитель тараном бьет по вражескому бомбардировщику. Тот разлетается в куски.

Но и боевая машина Терехина тоже распадается на части. И сам Терехин, ошеломленный ударом, с рассеченным об управление лбом, падает. На высоте 400 метров, придя в себя, он раскрывает парашют. Он видит, как под ним приземляются два немецких парашютиста и бросаются наутек. Им не уйти! Терехин радуется, видя, как немецкие летчики попадают в руки красноармейцев.

И его принимают эти же руки. Но для него — какие они ласковые и родные, советские руки!

РАЗГОРАЕТСЯ ПЛАМЯ ВСЕНАРОДНОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Пленный немецкий капитан признался: его напугало и поразило то, что он видел с воздуха, со своего «Хейнкеля».

Вдоль рек, вдоль опушек бескрайных лесов, на буграх и в лощинах с восхода и до захода солнца работает миллионная рать белорусского народа. Она, эта народная рать, готовит отпор фашистским полчищам. Она строит укрепления.

Свое вторжение на советскую землю фашистские изверги отметили зверствами, равных которым не знает история человечества. Орды Атиллы и Тамерлана, «святые» отцы инквизиции, заплечные мастера Тевтонского и других немецких рыцарских орденов — все они с их кровавыми делами и в сравнение не могут итти с гитлеровскими палачами и их злодеяниями.

Человечество, которое живет и мыслит, никогда не забудет, никогда не простит Гитлеру и его подручным этих злодеяний. Вот сухие, проверенные, страшные факты.

На рассвете 22 июня немецкие пушки прямой наводкой расстреляли мирные кварталы пограничного советского города Бреста.

Несколькими днями позже немецкие фашисты ворвались в санаторий Наркомздрава в Августове. Они изнасиловали всех женщин, которые были в этом санатории. А потом изуродованные, избитые

страдалицы были расстреляны. Сейчас на пепелище народной здравницы — обугленные трупы женщин, детей...

Женщины, дети, старики отправились из города по шоссе на Могилев. Немецкие летчики расстреливали уходящих беззащитных людей. Скорбная и молчаливая, текла по дорогам народная толпа. Для немецких летчиков это была отличная цель. По ней нельзя было промахнуться. И река народа стала кровавой рекой. Дорога была усеяна трупами.

В захваченных селах и местечках Белоруссии немецкие фашисты расстреливали, насиловали, грабили белорусский народ. В Бегомльском районе жену советского работника изнасиловали, а потом посадили на штык. Тут же на глазах у потрясенного отца немецкие фашисты из пулеметов вели огонь по мальчику 14 лет, который все же успел убежать и скрыться в ближайшем лесу. В Смолевичах фашисты согнали весь народ на площадь; тем временем солдаты бросились по пустым домам, и начался неудержимый грабеж. В город Червень фашистская танковая группа вошла с красными флагами, выдавая себя за друзей. Когда навстречу вышли советские люди, все они были тут же на месте расстреляны из пушек и пулеметов.

Неисчислимы злодеяния фашистов.

И белорусский народ, придя в себя после внезапного и коварного нападения подлого врага, ответил всенародной отечественной войной. Слова великого и родного Сталина глубоко запали в душу каждого советского патриота.

«К оружию!» — несется гневный и пламенный призыв по городам и селам Белоруссии.

Все мы, советские люди, воспитаны и привыкли действовать организованно. И вот стихийное всенародное движение отпора врагу выливается в орга-

низованные формы белорусского народного ополчения. По берегам рек, по опушкам лесов, на буграх и в лощинах — всюду, где возможно, белорусский народ готовит отпор врагу.

Это на территории советских районов Белоруссии.

Но и за линией фронта, на землях, захваченных немецкими фашистами, разгорается пламя всенародной партизанской войны.

Переплывая многоводные реки, по горло в воде переходя топкие болота, пробираясь между колоннами немецких танков, броневиков и мотоциклов с пулеметами, советские белорусские патриоты держат связь с великой родиной, выполняют свой священный долг борьбы за честь, за свободу.

Они сообщают нам глубоко волнующие каждого советского человека известия.

В Березинском районе 4 июля партизанский отряд в 100 человек произвел нападение на немецкую мотопехоту, расположившуюся биваком в белорусском селении и занявшуюся по обыкновению грабежом. Сто пятьдесят фашистских грабителей были убиты партизанами, остальные рассеяны.

Другой партизанский отряд устроил в лесу засаду. По дороге двигались танки противника. Партизаны залегли в густой траве и кустах близ самой дороги. Когда танки фашистов поравнялись с тем местом, где поджидали их партизаны, навстречу полетели бутылки с горящим бензином. Восемнадцать немецких машин сгорело в этой беспримерной схватке.

Третий партизанский отряд взорвал мост на реке Птичь. Немецкие фашисты наткнулись здесь на меткий огонь партизан. Целый день партизаны сдерживали продвижение врага, подтянувшего сюда значительные силы.

В Несвижском районе крестьяне разобрали же-

лезнодорожный путь, а рельсы утащили лошадьми в болото, в лес.

В Полоцком районе отряд в 65 смельчаков сжигает немецкие танки, расстреливает немецкую пехоту на дорогах и в селах. Секретарь Домбровского райкома партии, товарищ Гончаров, вместе со всей своей парторганизацией устраивал одну засаду за другой, беспощадно уничтожая немецких насильников. Окруженная кольцом врагов, вся парторганизация билась до последнего и погибла в неравном бою смертью храбрых.

Партизаны, приходя в Совнарком и ЦК за помощью, сообщают, что в оккупированных районах власть немцев только там, где проходят фашистские танки, то есть на дорогах, да и то не везде. Вчера мне рассказывал представитель пинских партизан, что в городе Пинске до сих пор власть наша, советская. Четыре дня тому назад три немецких танка ворвались в город Пинск. Фашисты не рассчитали, у них кончилось горючее. Танки остановились на площади. Пинские партизаны вмиг окружили немецкие машины. Ловкие и сильные удары кувалдами по стволам пулеметов — и фашисты уже не могут стрелять. Но их защищает броня. Как же добраться до них? Кряжистые пинские молотобойцы и кузнецы в десятки кувалд и молотов начали лупить по броне танков. Вскоре не выдержавшие этого своеобразного испытания грохотом немецкие фашисты сдались.

В одном из селений Пинского района немцы согнали население на так называемое собрание. Наглый обер-лейтенант на ломаном русском языке спрашивал:

— Какая власть нужна вам?

Народ молчал.

Обер-лейтенант, угрожая, уставился на одного старика:

— А тебе какая власть по душе?

— Да мне по душе такая власть, которая наше селение в покое оставит, — ответил старик уклончиво.

Больше никаких ответов немцы добиться не могли.

Вскоре немцы ушли, и старику, который ответил немецкому обер-лейтенанту, его ровесники, тоже старики, надавали крепких подзатыльников.

— Как ты мог такую гадость сказать им? Или тебе советская власть не мила?

Старик разрыдался:

— Вы же знаете меня не первый год. Да ведь страх какой! Уставился он на меня. Думаю, вот расстреляет.

— Нехватило духу сказать за советскую власть, так просто помолчал бы, — продолжали стыдить его односельчане.

Единый и монолитный, встал против заклятого врага своего белорусский народ. И немцы знают о неистребимой ненависти к ним всех белорусских людей.

Они пытаются терроризировать белорусский народ. Над станцией Р. появились 26 немецких бомбардировщиков. Они прошли над путями на бреющем полете. Летчикам было очень хорошо видно, что на станции находился поезд с детьми и женщинами. Немецкие летчики развернулись и сбросили бомбы. Загрохотали зловещие разрывы. Это было 8 июля, в жаркий день, когда благоухали поля.

Я участник четырех войн. Я перебираю в памяти эпизоды этих четырех войн. И я не знаю ни одного подобного этому — по неслыханному зверству, варварству...

И я думаю: до какой же степени боится немецкий фашизм советского народа, если женщины и дети для него враги, которых он стремится уничтожать!

На линии фронта грохочут залпы. Красная Армия громит врага.

За линией фронта, в тылу врага, пылают пожары, звенят выстрелы. Белорусские партизаны уничтожают фашистов.

Усилим же отпор! Усилим борьбу! Наше дело правое, победа будет за нами!

«Правда», 12 июля.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

1

Истребители эскадрильи капитана Титенкова так хорошо замаскированы, что с высоты их заметить трудно. Да и с земли, проезжая мимо, не сразу сообразишь, в чем тут дело. Да, вот они, грозные «ястребки»! Но что это? Недалеко от истребителя, между молодыми березками, — волейбольная сетка, поодаль — турник. Сухощавый юноша, медленно, как будто с ленцой, выбрасывает тело вперед на вытянутых руках и делает полный размах. Неуловимый толчок вскинутыми к турнику ногами, взмахнула прядь волос — и юноша уже над турником и оттуда легкой, стремительной дугой спрыгивает далеко вперед.

— Давайте вы, лейтенант Бокач! А то что-то вы много ворчите, что дела нет!

— И сейчас скажу: обида, товарищ капитан! На фронте люди скоро месяц дерутся!

— И на нас войны хватит!

В карих глазах капитана вспыхивают лукавые искры.

— А посидеть здесь все-таки придется. Знаете, лейтенант, как мы на Дальнем Востоке охотились на кабанов? Сидишь в засаде, всего тебя комары, мошкара облепила, лезет в рот, в глаза, в уши, а ты сидишь, ждешь! — с воодушевлением продолжает капитан.

— При чем тут Дальний Восток, кабаны — горячится Бокач.

В глубине души капитану Титенкову крепко хочется тоже на фронт, подраться. Да, понятно, эскадрилья обороняет Москву, патрулирует, но...

— Не пускают! — вздыхая, говорит Бокач, и в голосе его такое огорчение, и губы такие сейчас детские.

— Знали бы вы, что меня два года совсем не пускали в авиацию, браковали! — говорит капитан.

— Браковали? — недоверчиво спрашивает Бокач. — Как это браковали?

— И по нездоровью, и за неподготовленность.

— Не может быть!—шумно изумляется Бокач.— Да как же это?

— Очень просто. Мы жили в Ярцеве. Отец работал слесарем на ярцевской текстильной фабрике имени Молотова. Учился я в школе фабзавуча. Очень любил читать книги. Увлекался рассказами о гражданской войне. Засиживался, пока мать не гнала спать. Попала мне в руки книга «Слава боевым орлам». Помните — летчик Нестеров? Я и решил стать летчиком. У нас ребята уже ушли в летчики. Приезжали, рассказывали. Я весь загорался: «А я бы тоже смог стать летчиком!»

В двадцать девятом году с путевкой Осоавиахима поехал на испытания в Смоленск. Увидел я на сборе здоровенных парней. Ну, думаю, дело плохо. Я — невысокий, сложение у меня не ахти какое, прямо сказать — щуплое. Но все-таки комиссия утвердила кандидатом в летную школу, хотя и не в числе первых. Поехали мы в Ленинград. Здесь мне отказали. Даже не допустили к испытаниям по общеобразовательным предметам. От Ленинграда до Ярцева глаз не сомкнул. Обидно было.

Мать обрадовалась, увидев меня, и ахнула:
— Что с тобой, сынок, Костенька?
— Не пускают. А я буду летчиком!
На фабрике подшучивали:
— Эй, летчик, загнул бы какую мертвую петлю, что ли?
— А где же твой пропеллер, товарищ пилот? В кармане носишь?
Я через силу смеюсь и говорю:
— А я буду летчиком!
Записался я в физкультурный кружок. Инструктор сначала морщился, а потом стал отдельно заниматься со мной. В первые дни мускулы сильно болели. Не уснешь. Больно.
Месяца через два я легко выполнял упражнения, а потом занимаешься и чувствуешь: выходит легко, и радость тебя охватывает!
Вечерами сидел я за геометрией и алгеброй. Потом за физикой и химией, русским языком, географией, историей. Надо было овладеть знаниями в объеме средней школы.
Зимой 1929 года опять поехал в Ленинград. Снова не приняли.
— Это же возмутительно! — перебивает капитана лейтенант Бокач. — Почему вас не приняли?
— Не выдержал испытаний по общеобразовательным предметам! Ну и пришлось опять возвращаться, переносить насмешки, засесть за учебу! Пришлось опять взять выдержкой, характером.
— Я не знал! — тихо, стыдясь, говорит лейтенант Бокач.
Капитан понимает его волнение.
— А как же дальше было?
— Выдержка взяла! — гордо продолжает капитан. — В декабре 1930 года приняли в авиашколу в Ленинграде. В 1933 году меня выпустили. Ну, пять лет прослужил на Дальнем Востоке, но ни на

Хасан, ни на Халхин-гол не попал, несмотря на все старания. Опять пришлось выдерживать характер. Терпеть и ждать!

2

На пышных, высоких облаках гаснут розовые отблески, и острые вершины елей чернеют тревожно на дымно-желтой полосе отбушевавшего заката.

Летчики эскадрильи капитана Титенкова дежурят в кабинах самолетов.

Воентехник второго ранга Полин Михаил, хоть и давно работающий вместе с капитаном, поглядывает на него с уважением и удивлением. День был неспокойный. Пользуясь погодой, крадучись, за облаками, не раз пытались прорваться к Москве немецкие разведчики. Они и раньше летали, но так много их еще ни разу не бывало. Откуда же у капитана такое спокойствие?

Капитан Титенков думает, что завтра ровно месяц войны, и немцы, видно, что-то затевают. Он пристально поглядывает в ту сторону, где командный пункт полка.

Тихо. Блекнет небо. Между облаками мерцают звезды. Здесь, на земле, сгущаются сумерки, уже неразличимы лица.

С командного пункта — сигнал тревоги, приказ:

— Идут девять и двенадцать фашистских бомбардировщиков. Идут под облаками, по одному прорываются к Москве. Поднять в воздух звено!

Капитан Титенков решает лететь в этом первом звене. С самолетов сбрасывается маскировка, ревут моторы. Вздымая клубы пыли, истребители пробегают по аэродрому и по одному взмывают в сумеречную высь. Они рассредотачиваются — каждый летчик знает свой район, свою зону.

Капитан Титенков ведет самолет под облаками,

патрулирует в своей зоне. Сначала внизу — лишь слитный мрак. Потом глаза капитана различают темные массивы лесов, светлые пятна и пространства полей. Яснее виден блеск воды — это плесы Москвы-реки и озера.

Капитан Титенков представляет себе по этим призрачным ориентирам, как бы это виделось днем. Все в порядке: ни сбиться, ни заплутаться невозможно.

Далеко на северо-западе он видит резкие красные вспышки. Зенитный огонь. Неужели немцы прорвутся?

В той же стороне взмахивает трепетный луч прожектора. Другой. Третий. Синевато-белые полосы мечутся в небе, скрещиваются, падают и вновь взлетают. И правее тоже лучи прожекторов и вспышки зенитного огня. Прожекторы видны по всему горизонту, враг явно нащупывает, где бы прорваться.

Родина моя, Москва моя, враг над тобою, у сердца страны!

Капитан Титенков стискивает зубы. Он ведет самолет к Москве. Оглянувшись, видит позади справа скрестившиеся лучи прожекторов и в точке скрещения ослепительно сверкающий самолет.

Капитан, добавив газу, бросает свой истребитель в сторону врага. В тот же миг он замечает, что по фашистскому бомбардировщику кто-то из наших летчиков уже ведет огонь, но робкий, а вот и его уже нет!

— Эх, отошел! — досадует капитан.

Впереди, преграждая путь врагу, плещут зенитные разрывы. Капитан подходит к бомбардировщику с его левого борта. В это же время лейтенант Бокач, пристроившись в хвост к «Хейнкелю», первым открывает огонь. Но он стреляет слишком издалека, и голубовато-зеленые трассы его пуль

гаснут позади бомбардировщика. Когда Бокач подходит ближе, немецкий стрелок-радист дает очередь за очередью, красные нити проносятся над самолетом лейтенанта, и тот сворачивает вниз и вправо.

«Надо было подойти и расстрелять в упор»,— думает капитан. Он подводит свой истребитель на расстояние пятидесяти—семидесяти метров к «Хейнкелю». Из патрубков бомбардировщика хлещет голубое пламя, сверкают искры.

«Вот теперь дам!» — Капитан выпускает прямо в кабину врага три неотразимых очереди изо всего своего оружия. Немецкий стрелок-радист молчит, а летчик увеличивает скорость. Он дает штурвал от себя, рвет его к себе, нажимает педали, бросая громаду бомбардировщика вниз, вверх и в стороны. И все же он продолжает лететь на Москву, и два наших прожектора держат его. Капитан Титенков заходит в хвост врага и дает еще шесть очередей.

На правой плоскости бомбардировщика вспыхивают два разрыва. Пропеллер правого мотора сверкает; это уже малые обороты, значит, мотор сдает!

Лейтенант Бокач, подойдя к врагу справа, бьет прямо по борту. Бомбардировщик круто пикирует. Лучи прожекторов уходят в сторону. Теряет врага и лейтенант Бокач. Но капитан Титенков разгадывает маневр врага и тоже пикирует вслед за ним. Он не упускает из виду голубое пламя из патрубков и силуэт бомбардировщика.

«Хейнкель» сбрасывает бомбы, и они рвутся внизу, выхватив из тьмы лес.

«Опытный пилот», — думает Титенков, следом за бомбардировщиком выведя свой истребитель из пике и ударив по врагу еще несколькими очередями.

— Но почему же ты не горишь, проклятый?

Бомбардировщик уходит на запад снижаясь.

Внизу — смутные отблески на изгибах Москвы-реки. Туман. Титенков дает еще очередь, другую. Только перед сплошной стеной тумана он разворачивается назад.

Надо возвращаться. Где он? Капитан проводит самолет над рекой. Знакомые места. Он мог бы лететь здесь с закрытыми глазами. И он уверенно летит на свой аэродром.

Расстрелянного «Хейнкеля» разыскивают на другой день в лесу. Пилотировал его полковник. На мундире три фашистских ордена. Второй пилот, подполковник, тоже убит. Два фашиста, раненные, живыми взяты в плен.

3

Через день у капитана Титенкова происходит новая встреча с врагом.

С командного пункта полка приказ: перехватить фашистский бомбардировщик «Юнкерс-88», пытающийся прорваться к Москве.

Капитан посылает в воздух двух своих летчиков. Смотрит в бинокль. Сверкает утреннее солнце. Летчики быстро набирают высоту. Они еще не видят врага, а он, заметив их, поворачивает вправо на юг, затем на запад.

— Эх, удирает! Проворонили! — говорит Титенков, видя, что его летчики идут не в ту сторону. Он приказывает воентехнику Полину заводить мотор.

Во время взлета капитан теряет из виду врага. Сдерживая досаду, он летит на запад. Вскоре он видит впереди белые барашки зенитных разрывов и летит туда.

Вот он где — враг! Два летчика все-таки разыскали его и клюют, клюют! Жаль, что фашист далеко и капитану нельзя стрелять.

Первый летчик вдруг отваливает. Он пролетает назад мимо Титенкова.

«Расстрелял весь боекомплект!» — догадывается капитан.

Другой гонится за врагом, ведет огонь. «Юнкерс» отстреливается, удирая на полном газу. Дымные полосы свисают за ним в синеве. Капитан выжимает из своей боевой машины всю ее скорость, всю ее мощь. Он гонится, легонько выбирая ручку на себя, выгадывая каждый метр высоты.

Вот и второй летчик, расстреляв патроны, отваливает в сторону. От аэродрома уже больше ста тридцати километров. Капитан слышит, что мотор его начинает работать хуже.

— А я догоню!

«Юнкерс», видя, что оба преследовавших его летчика отошли, сбавляет скорость. Капитана фашисты не замечают. Они летят спокойно. А он уже пристраивается в хвост к бомбардировщику. У него сейчас преимущество в высоте.

Капитан открывает огонь в ста метрах от врага. Он стреляет хладнокровно, наблюдая за противником. Три мощных очереди бьют прямо по бомбардировщику. Фашист-пилот добавляет оборотов, моторы дымят от напряжения. Немецкий стрелок-радист начинает отстреливаться. Темные при свете дня, трассы пуль ложатся то ниже, то выше самолета капитана.

Спасаясь, «Юнкерс» ныряет в облако.

«Как утопающий за соломинку хватается!» — Капитан пронизывает своим истребителем облако, выгоняет врага на ясную синеву. «Юнкерс» бросается в пике, чтобы оторваться. Стрелок-радист перестает стрелять. Капитан замечает это и, чувствуя, что и у него патроны на исходе, пикирует следом за врагом, сближается с ним почти вплотную, стреляя короткими очередями.

Правый мотор «Юнкерса» на мгновенье закрывает белая шапка разрыва. Взвивается яркое пламя. Пилот-фашист ведет самолет зигзагами — он делает «змейку». Капитан следит за врагом не стреляя.

«Если пламя погаснет, я добавлю!» — решает он и летит дальше рядом с бомбардировщиком. Пламя потухает и вспыхивает снова, и вот уже до самого хвоста бомбардировщик в огне, и черный густой дым клубится позади. Чувство жгучей радости охватывает капитана Титенкова.

«Юнкерс» снижается на бреющий полет. Капитан думает, что стрелять сейчас нет смысла. Он набирает высоту в шестьсот метров, рассчитывая, что если фашистские бомбы разорвутся, то здесь осколки его не достанут.

Фашист сбрасывает бомбы. Они рвутся на огородах за деревней.

Бомбардировщик мчится над полем, разрушаясь в полете. От него отлетают дюралевые листы, детали, катятся, кувыркаются по траве. Винт правого мотора останавливается. «Юнкерс» летит все тише и тише.

Спереди надвигается лес, и бомбардировщик врезается в него, проложив среди деревьев широкую просеку. Капитан виражит над лесом. Бомбардировщик весь в пламени. Правая плоскость его, оторвавшись, висит на огромной сосне и горит.

Капитан улыбается, и ему хочется петь.

ФАШИЗМ НЕСЕТ СТРАДАНИЯ, РАБСТВО, СМЕРТЬ

На просторах Белорусской советской республики пылают деревни, стонут старики и женщины, плачут дети, на дорогах валяются трупы. Прекрасные селения, чудесные города преданы варварскому уничтожению.

Я спрашиваю пленного немецкого летчика:

— Зачем вы бомбили в целом ряде пунктов поезда с женщинами и детьми? Вы летели на высоте 400—500 метров и не могли не видеть, что, кроме женщин и детей, в этих пунктах никого не было.

Немецкий летчик, оголтелый фашист, сказал:

— Те женщины и дети имели неосторожность быть как раз в местах, куда мы бросали бомбы.

Беженцы, пробирающиеся из фашистского тыла, рассказывают о зверствах и ужасах, от которых леденеет кровь в жилах.

Но обратимся к свидетельству врага. В руках у меня приказы генерала немецких танковых войск Лемельзена, командира 47-го танкового корпуса. Приказы дают полное представление о бескрайной, разнузданной жестокости немецких варваров.

Генерал Лемельзен эпически-спокойно повествует в своем приказе № 87/41 секретно, что «продолжает наблюдаться расстрел пленных», что он видит «картину неслыханного количества валяющихся

по дорогам трупов людей, которые расстреливались в голову в упор».

Генерал Лемельзен хочет внести в это жуткое массовое убийство советских людей немецкий порядок. Он пишет в своем приказе:

«Приказ фюрера требует безусловного наступления на советский строй, на большевизм. Лиц, коих принадлежность к советскому строю точно установлена, надо истреблять и расстреливать исключительно по приказу офицеров».

Дальше в этом же приказе генерал Лемельзен говорит, что пленные тут же в частях должны быть использованы на принудительных работах (строительстве дорог и мостов).

В другом приказе тот же генерал запрещает стрельбу по курам, собакам, кошкам и другим животным, а также запрещает уничтожение награбленного добра.

В двух этих приказах — картина того, что несет с собой немецкий фашизм советскому народу. Сам немецкий генерал откровенно утверждает, что фашисты расстреливают без пощады советских людей, трупы советских людей устилают дороги. Немецкий генерал признается, что немецкие войска — это кровожадная орда убийц и грабителей, которые уничтожают все живое — и людей, и домашних животных. Таково лицо врага.

Товарищ Сталин сказал всем нам, что прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности.

Великий Сталин сказал нам всем, что враг жесток и неумолим, он хочет превратить свободные народы Советского Союза в рабов немецких князей и баронов.

«Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР...»

Товарищ Сталин говорит всем нам, что необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей.

Истинные патриоты Страны Советов уже сделали практические выводы из мудрых указаний товарища Сталина. И на фронте, и в тылу ежедневно творятся героические дела. Наши летчики ежедневно сбивают многие немецкие самолеты, наши мужественные наземные войска расстреливают и жгут без пощады немецкие танки, уничтожают немецкую пехоту.

Гитлер просчитался. Он рассчитывал на молниеносную победу, но его отборные дивизии и танковые корпуса уже разбиты, а победы ему не видать, как своих ушей.

Очень интересно письмо немецкого ефрейтора Карла Хермса в Германию обер-лейтенанту Сандеру:

«Мы постепенно продвинулись в Россию. Так скоро, как мы предполагали сначала, не вышло. Мы считали на дрянные 1200 километров до Москвы 10 дней. Мы не сделали и половины, и это в 20 дней. Вдруг — опять стоп. Русские пришли к разумным мыслям и уничтожают многочисленные деревянные мосты. Самое неприятное — русские летчики. Ефрейтор Карл Хермс. Полевая почта 24/535».

Немцы понесли уже страшные потери. Но силы врага еще не иссякли. Озверелый и наглый враг продолжает еще лезть в Страну Советов, и решительная борьба с ним еще впереди. Каждому советскому человеку надо это понять, и каждому на деле

каждый день, каждый час осуществлять, проводить в жизнь указания товарища Сталина.

Надо беспощадно вытравить расхлябанность, неорганизованность, беспечность, разгильдяйство. Против них надо поднять неистребимую большевистскую ярость.

Наше дело правое. Победа будет наша. Но победа не свалится сама с неба к нам. Победа придет в результате организованных усилий всех нас и напряжения всех сил каждого из нас.

«Правда», 21 июля 1941 г.

ЛЕТЧИК-ИСТРЕБИТЕЛЬ КОНСТАНТИН КОККИНАКИ

Среднего роста, широкоплечий, он и на земле движется стремительно, бурно, потряхивая рыжеватыми курчавыми волосами и посмеиваясь. Там, где он появляется, кипит веселая деятельность, звучит жизнерадостный смех, сверкают улыбки. А в глазах у него самого плещет, играя, озорная зеленая вода, словно следы родного Черного моря и ставшего ему родным воздушного океана.

Советская страна знает Героя Советского Союза Владимира Коккинаки, славного летчика-испытателя. Оказывается, за широкими плечами брата поднялся, вырос и возмужал — так растет и тянется на простор молодой и крепкий дубок! — младший брат, Константин Коккинаки.

Ему тридцать один год. Чудесное здоровье. Неиссякаемая бодрость. Детство в городе Новороссийске с его чудесной бухтой, Мархотским хребтом, дикими натисками норд-оста и ослепительными летними днями. Пять лет увлекательной тяжелой матросской жизни на кораблях Черного моря. С девятнадцати лет в авиации по путевке Осоавиахима. По всему складу характера он борец, напористый и страстный. И думается, что иначе и не могло быть: да, он должен быть летчиком-испытателем, летчиком-истребителем.

Уже многие десятки боев с фашистскими налетчиками проведены капитаном Константином Кок-

кинаки. За дни войны его группа уничтожила 39 немецких самолетов; сам он сбил три вражеские машины и еще четыре уничтожил в содружестве с товарищами. И о враге у него сложилось свое твердое мнение: основы их тактики — семеро на одного и неожиданность. Так и смотри, чтобы тебя не подловили. А кроме того, они же нахалы! Ух, какие нахалы! И не очень храбрые! Однако противник серьезный!

Патрулируя однажды со звеном над нашими войсками, Коккинаки заметил два фашистских самолета, сбрасывающих бомбы на пехоту. Капитан ринулся в атаку. Немецкий стрелок-радист успел выпустить по самолету Коккинаки только одну очередь. Капитан Коккинаки убил его, потом спокойно и деловито перенес огонь. Мощными очередями разбил правый мотор бомбардировщика. С удовлетворением и злорадством он увидел, как задымил мотор. Фашист, панически сбросив бомбы, на полном газу с принижением метнулся к линии фронта.

Капитан оглядел небо — его товарищи преследовали второго фашиста. Немецких истребителей поблизости не было. Коккинаки целиком занялся «своим объектом». Метким огнем он разбил второй мотор. Бомбардировщик все снижался, и пламя охватило его от плоскостей до конца фюзеляжа.

«Значит, есть где прикурить!» — озорно подумал капитан. Острая радость блеснула в его зеленых глазах.

Капитан Коккинаки повернул обратно, к родному аэродрому.

Возвращение домой... Это очень ответственное дело. Тут надо быть всегда на-чеку, опасаться внезапной и коварной атаки вражеских истребителей. Зорко следя за воздухом, Коккинаки заметил, что далеко впереди ему перерезают путь

два фашистских истребителя. Он принял решение: «Не уходить, с двумя можно драться!»

Он кинулся за левым, тот мгновенно юркнул в облака. Еще немного, и враг уйдет. Капитан мгновенно заставил свою боевую машину отдать всю ее мощь, всю ее скорость. Зайдя чуть сбоку, он дал очередь. Фашистский истребитель вспыхнул, словно это была горсть пороха... Другого истребителя как и не было.

День 24 июля памятен Коккинаки на всю жизнь. Со своим звеном капитан возвращался после боевой операции. За линией фронта, в тылу врага, он сбил «Юнкерс-87». Тот загорелся с первой очереди.

— Легкая добыча! — презрительно усмехнулся Коккинаки.

Солнце клонилось к горизонту. И вот по пути домой из-за облаков напали на капитана фашистские истребители. Один сразу зашел в хвост. По фюзеляжу застучали пули. Искусно маневрируя, капитан выводил себя из-под огня. Но позиция у врага была слишком выгодная. Капитан почувствовал, что управление его самолета отказывает. В этот миг фашистский летчик ударил очередью по бензиновому баку. Вспыхнуло пламя...

«Скучать поздно!» — почему-то подумалось капитану. Отстегнув ремни, он со всей силой нажал ногой на педаль руля поворота. Машина рванулась в сторону, сильно клюнула, и его выбросило из кабины. Не раскрывая парашюта, капитан камнем падал вниз; его начало штопорить. Он выбросил в сторону руку и вывел тело из штопора. Затем раскрыл парашют.

Поздно вечером Коккинаки добрался до своего аэродрома. Он подошел к летчикам. Их радость, мужественные и ласковые слова глубоко тронули капитана

— Ничего, мальчики, ничего! — говорил он, а

самого подмывало невыразимо прекрасное чувство суровой и сердечной дружбы.

Капитан Коккинаки рассказывал боевым друзьям о происшедшем, разбирал по косточкам последний свой бой. Он строго сказал о том, что врагу надо противопоставить большевистскую бдительность, всегда замечать противника прежде, чем тот откроет огонь. Капитан говорил друзьям о боевой дружбе, и перед взором его стояла белокурая головка, синие большие глаза мальчика-колхозника.

Мальчик встретил его после приземления, с подозрением поглядывая на парашют, допросил и, обрадованный встречей с советским летчиком, показал ему дорогу. И, как часто бывает, этот, казалось бы, не такой уж значительный факт вызвал в капитане новый прилив чувства любви к родине, к своему народу.

Над лесочком поднялся туман. Пала прохладная роса на траву. Около боевых самолетов хлопотали самоотверженные верные друзья летчиков — оружейники, мотористы, техники и инженеры. Гудели моторы и трещали контрольные очереди пулеметов, и трассирующие пули зелеными звездами летели и таяли во тьме.

Выруливали на старт тяжелые корабли — на ночную бомбежку тылов врага. На одном внутри зажглись на мгновенье огни. Капитану вдруг вспомнился Юг, море, волнистый след за кормой корабля и залитая огнями далекая Ривьера, Сочи...

Вспыхнули и погасли огни на бомбардировщике. Летчики увидели над горизонтом тревожные взмахи голубых лучей прожекторов.

— На Москву опять ползут, проклятые! — с ненавистью сказал один из летчиков.

Нарастал, приближаясь, перемежающийся воющий гул немецких бомбардировщиков.

— Утро бы скорее! Ох, и бить буду! — сказал Коккинаки. — А теперь спать, мальчики!

Утром капитан вновь повел свои истребители над линией фронта — прикрывать наши войска, искать и жечь фашистские самолеты. Немцы падали, подожженные его огнем и огнем его боевых соратников.

Смелый и неустрашимый в воздухе, капитан Коккинаки день ото дня становится все более опытным командиром. В каждом своем летчике он видит не только соратника, но близкого, родного человека. Вот он ждет возвращения истребителей с боевого задания. Все рассчитано по минутам. Летчиков не слышно. Капитан Коккинаки пристально следит за небом. Издали нарастает шум моторов. Капитан Коккинаки — на своем наблюдательном пункте. Загорелое лицо его перекипает волнением. Все ли возвращаются домой?

— Все! — торжествуя и ликуя, восклицает капитан. Он встречает летчиков, выслушивает их, осматривает самолеты. Он рассказывает летчикам, из какого положения враг вел огонь, — пробоины в самолете рисуют ему полную картину боя. И тут же быстро и энергично показывает он ладонями протянутых рук, как надо было маневрировать, чтобы не подставить себя под фашистскую очередь. Он расспрашивает, как работала материальная часть, какой был в воздухе режим работы мотора, каковы температура масла, расход горючего. И тут же оценивает работу, дает советы — боевой командир, сердечный товарищ, задушевный советский человек.

Провожая взглядом стремительную и сильную фигуру капитана, летчики одобрительно говорят:

— Наш капитан, наш командир!

ОРУДИЕ НАВОДЧИКА КАВУНА

По обе стороны дороги зеленым прохладным коридором стоял лес. Дорога убегала метров на триста и круто сворачивала вправо. Оттуда, из-за веселого деревца как раз на повороте, должны были показаться немецкие танки.

Старшина Ворошилов приказал расчету поставить орудие сбоку дороги, направив его к повороту. Наводчик Кавун, ловкий, стройный, сдвинув пилотку на затылок, прильнул к панораме. Перед ним маячила свежая зелень того деревца, и он подумал, что это прекрасный ориентир. Он ждал появления врага всем своим существом. Еще бы! Ведь ему командование доверило выполнение такой ответственной задачи.

«Комсомолец не подкачает!» — радостно и гордо думал он.

Кавун волновался. Настороженный слух его вбирал гул и грохот боя. Казалось, уже лязгают гусеницы немецких танков. Но когда он увидел на повороте первый танк, темносерые глаза Кавуна блеснули спокойно и остро, смуглое лицо его в этот миг казалось литым из бронзы.

— Дивись, тут как туточки! — вымолвил он, отрываясь от панорамы.

Через мгновенье Кавун выстрелил. Над танком взвилось пламя. Громада его развернулась поперек дороги. Кавун увидел противотанковую пушку на прицепе. Пушка в тот же миг разлетелась на

куски от второго меткого выстрела. У поворота клубились вихри дыма, бушевали языки пламени.

— А ну еще разок! — Кавун опять ударил по танку снарядом. И тут впервые на невозмутимо-спокойное лицо его набежала усмешка. Танк содрогался от разрывов собственных снарядов внутри.

Ствол орудия Кавуна опять стерег поворот дороги. Появился второй танк. Кавун выстрелил. И этот остановился.

— Скильки ж их тамочки! — усмехнулся Кавун.

— А ты смотри, смотри! — предостерег его командир взвода.

— Та я смотрю! Нехай идуть в порядке живой очереди! — ответил Кавун и прильнул к панораме.

Показался третий танк. Командир взвода скомандовал Кавуну:

— Бей по центру!

Иван Кавун навел орудие. Снова выстрел, и третий танк запылал и остановился, словно прибитый к земле гигантским гвоздем.

Кавун выстрелил еще два раза. У поворота горели все три танка, валялись разбитые три противотанковых немецких пушки. Клубы дыма поднимались над лесом. Кавун, глубоко и часто дыша, утирал рукавом пот с усталого лица.

— Сколько же ты набил их, фашистов! — восхищенно воскликнул прибежавший старшина.

— Я ж туда не ходив! — скромно и с хитрецой ответил Кавун.

Из-за темной стены елового леса, иззубрившего вечернее небо, с воем пронеслись и разорвались близ огневых позиций батареи немецкие снаряды. Расчеты батареи ответили беглым огнем. Немецкие орудия вскоре замолчали. Артиллеристы возбужденно и радостно переговаривались. И наводчик

Кавун принимал участие в общем разговоре, но по лицу его скользила тень огорчения и печали.

Товарищи знали, что̀ волнует наводчика Кавуна. Да он и не скрывал этого. Его орудие было подбито, и сейчас он не стрелял, остро завидуя другим наводчикам.

Он всегда был весел, любил чудесные украинские песни, любил порассказать про родной колхоз на Днепропетровщине, в котором он работал прицепщиком у трактора. Теперь же, оставшись без орудия, наводчик Кавун становился все молчаливее.

О печали наводчика Кавуна доложили генералу армии Герою Советского Союза товарищу Жукову.

— Что? Такой наводчик без орудия? — переспросил генерал. — Послать ему немедленно орудие! Адъютант, проследите!

Через несколько дней в батарею доставили новое орудие. К щиту была приклепана светлая металлическая пластинка, и на ней вырезана надпись:

«Орудие наводчика Ивана Павловича Кавуна».

БОЕВОЙ КОМИССАР

В каком-то звене воздушного наблюдения, оповещения и связи произошла заминка. Когда в эскадрилью дошел сигнал — дежурному звену подняться в воздух! — над аэродромом с ревом и свистом пронеслись девять немецких истребителей «Мессершмитт-110».

— К запуску мотора! — скомандовал из кабины своего самолета комиссар эскадрильи старший политрук Авилов.

Механик кинулся сбрасывать маскировку. Дробно трещали пулеметные очереди. На аэродром, визжа, падали бомбы, и разрывы грязными пыльными кустами вставали тут и там.

— Давай! Давай скорее! — не своим голосом кричал Авилов. Взревел мотор, комиссар стремительно поднял в воздух свой истребитель.

Налетчики уже скрылись из поля зрения, и Авилов рванулся в ту сторону, куда они улетели.

Вдруг ударили зенитные орудия, в небе повисли тугие белые облачка разрывов.

«Неужели бьют по мне!»

Оглянувшись, Авилов увидел восьмерку «Мессершмиттов». Развернувшись, они опять летели на аэродром. Прибавив газу, комиссар бросился к вражеской группе. Но тут он заметил идущий справа девятый самолет. Авилов ринулся на него. Первой же очередью он убил немецкого стрелка. Новыми очередями он поджимал «Мессершмитт»

к аэродрому и, наконец, зажег его мотор. Немецкий самолет упал на землю.

Но впереди была еще целая свора врагов. Комиссар Авилов отважно бросился вдогонку, подхватил в прицел второй немецкий истребитель и вложил очереди прямо в моторы. Моторы задымили. Раненый стрелок на вражеском самолете молчал. Авилов подошел к «Мессершмитту» на пятнадцать метров. В эту минуту немецкий стрелок выбросил из кабины открытый парашют. Купол развернулся и вырвал стрелка из кабины в воздух. Летчик спастись не успел: «Мессершмитт» прочертил стремительную кривую и вспыхнул на земле.

Авилову было хорошо видно, как, ударившись о землю, парашютист судорожно отстегнул стропы и юркнул в реденькие кусты.

«Эх, площадки нет! — с досадой подумал комиссар. — До чего же охота самому его поймать».

Он летал над кустами до тех пор, пока не увидел колхозников, бегущих к месту падения самолета. Пролетев над их головами и махнув им рукой туда, где надо искать немецкого парашютиста, Авилов вернулся на свой аэродром.

Доложил командованию о результатах боя. Похвала, одобрение командования вызвали на его широком лице краску смущения.

Но он не забыл о запоздалом сигнале к вылету и успокоился лишь тогда, когда услышал, что командир приказал наказать виновного.

Собрав в сумерках, как он делал каждый день, летный состав эскадрильи, комиссар говорил о настоящей боевой готовности каждого военнослужащего, кто бы то ни был — летчик, техник, связист, писарь.

— Головы должны у нашего брата вертеться, как на шарнирах, чтобы все было видно. Прозе-

ваешь в воздухе и будешь сбит! А на нас-то родина, товарищ Сталин надеются!

Голос комиссара чуть дрогнул. Он вдруг увидел себя мальчиком-подпаском в жаркой приволжской степи, тоскующим по родительской ласке. Матери, отца он не помнил, они умерли, оставив его совсем маленьким. Он увидел себя учеником, потом слесарем в мастерских сталинградского депо.

— Подумайте, каждого из нас родина и партия в люди вывели. Какую ценную, первоклассную технику нам доверили! Сколько людей с любовью над каждой машиной работало! Это тоже надо знать и помнить.

Обычно скупой на слова, комиссар говорил долго, с глубоким и страстным чувством. И у каждого горячая волна ответно вздымалась в сердце.

Разговор продолжался за ужином и после ужина. Летчики от души восхищались действиями своего комиссара.

— Кушайте вы лучше! Чайковский, вы почему плохо кушаете?

— Свеженького захотелось чего-нибудь. А то мясо и мясо!

После ужина комиссар вызвал интенданта. И строго-настрого приказал ему добиться разнообразия в пище.

— Поймите: летчик возвращается усталый, вялый. Это очень важно — накормить летчика. Дать ему такую пищу, чтобы он охотно поел. Тогда он и силы скорее восстановит!

Потом комиссар говорил с парторгом. Улегся он, когда все летчики давно уже спали, и долго ворочался, переживая все минувшее за день.

Вскоре комиссар Авилов по тревоге вылетел в составе звена. Вместе с товарищем он атаковал и зажег машину врага. Немец пытался скрыться в

облаках. Но Авилов нагнал его, подошел вплотную и кинул последнюю горсть огня. Фашистский самолет качнулся и врезался в землю. Было это вблизи от наших передовых позиций. Разворачиваясь, Авилов видел, как с земли ему приветно махали руками красноармейцы, бросали вверх пилотки.

И он широко и весело качнул с крыла на крыло свой самолет.

Патрулируя над городом С., комиссар Авилов заметил четырнадцать идущих в строю «Юнкерсов-88». Сверху их прикрывали три «Мессершмитта». Авилов дал сигнал летчику Чайковскому. Вдвоем они атаковали врага. Три фашистских истребителя ринулись сверху на комиссара. Авилов стремительно развернулся вправо и атаковал ближнего противника, но за ним самим погнался второй «Мессершмитт». Чайковский бросился на помощь комиссару и отогнал его преследователя. Через несколько секунд Авилов подошел вплотную к «Мессершмитту» и короткой очередью сбил его. Четырнадцать «Юнкерсов» после первой же атаки наших истребителей сбросили как попало бомбы, повернулись и удрали.

Весь этот бой протекал на глазах у товарищей.

— Хорошо дерется комиссар! Безотказно дерется! — с восхищением говорили они.

Комиссар Авилов имеет уже несколько десятков боевых вылетов. Он лично сбил четыре вражеских самолета и приложил руку к двум другим фашистским машинам, сбитым товарищами.

Он — невысокого роста, широкоплечий крепыш. Вряд ли можно назвать красивым его широкое, обветренное, со светлыми глазами и толстыми губами лицо. Но это простое русское лицо прекрасно в минуты страстного боевого напряжения и в минуты короткой и задушевной беседы с боевыми друзьями.

КОНТРАТАКА

1

По молодой сосновой рощице гулко раскатываются орудийные выстрелы. Свежее утро. Недалеко от опушки в непролазной чаще — три блиндажа, легкая палатка, столик со скамейкой; поодаль — замаскированные автомобили. Вот и весь командный пункт N-ской стрелковой дивизии. К блиндажам в сосняке пробиты тропки, и раннее солнце, продравшись сквозь буйную яркую хвою, переливными зайчиками пятнает землю.

Из блиндажей слышны голоса, зуммеры телефонов. Связь с полками — стрелковыми и артиллерийскими — непрерывна. По тропкам быстро движутся командиры, красноармейцы, политработники. Лица озабочены, возбуждены.

За опушкой сосновой рощи стелется спелая рожь. Над могучим бугром синеет легкое чистое небо. За бугром — передовые позиции. Оттуда доносится разноголосица боя — грохот пулеметов и автоматов, резкие разрывы мин и снарядов. Туда над головой с шорохом и свистом летят снаряды наших батарей.

Из блиндажа выбегает связист-красноармеец. Лицо у него встревоженное.

— Что там? — спрашивает его вполголоса другой красноармеец.

Связист тревожно озирается. За сосенками слышен шум машины. Раздвигая ветви, к блиндажу

подходит командир дивизии майор Утвенко. Связист порывисто докладывает:

— Товарищ командир дивизии, «Сочи» доложил, что немцы контратакуют. С танками. Пять танков!

— Давненько не було! — Со смуглого лица сверкают синие глаза, задорно блещут зубы.

— А ну, вызовите мне ОРБ [1].

— Есть, товарищ командир дивизии.

— И начальника артиллерии.

— Есть!

Связист исчезает в блиндаже.

— Коля! — зовет майор.

— Есть! — Из-за сосен выбегает красноармеец.

— Ох, и кушать хочется!

— Сейчас, товарищ майор!

Связист, высунувшись из блиндажа, докладывает:

— ОРБ у аппарата.

Майор Утвенко мгновенно исчезает в блиндаже.

— ОРБ, ОРБ. Я — Утвенко. Доложите обстановку! — слышен его сильный чистый голос.

Красноармеец Коля появляется из-за сосен, расставляет на столике тарелки со снедью. Улыбается, кивая в сторону блиндажа. И часовые, только что остро и настороженно всматривавшиеся вдаль и прислушивавшиеся ко всему, тоже улыбаются. И на тропках от блиндажей движение становится быстрее.

Майор Утвенко, словно выкинутый пружиной, выскакивает из блиндажа.

— Ось, мы им задамо! — говорит он быстро, с азартом. — Слухайте, хлопцы!

Красноармейцы прислушиваются. Майор Утвенко уже сидит за столом. На крепких белых зубах

---

[1] ОРБ—отдельный разведывательный батальон.

отчаянно хрустит курчонок. Быстрые глаза Утвенко не пропускают никого.

— Вы что? Ко мне?

— Разрешите, товарищ майор! — взволнованно говорит красноармеец, выходя из-за сосны.

— Что такое?

— Товарищ майор, пустите родную землю отбивать. Хочется на фронт, я в обозе! Не могу терпеть! Я же снайпер и пулеметчик хороший!

Красноармеец выпаливает все это залпом. Утвенко смотрит на него с живейшим интересом.

— Откуда вы?

— Из деревни Вороново. Красноармеец Новиков Александр Игнатьевич!

— Хорошо. Идите. Вас переведут в строй!

— Спасибо, товарищ майор!

Красноармеец Новиков чеканно поворачивается и уходит. Майор Утвенко вдруг вскакивает из-за столика.

— Гей! Товарищ капельмейстер. А ну, идить сюды! — громко зовет он.

Выходит подтянутый и запыхавшийся капельмейстер.

— Собрали трофеи? Как идет дело?

— Жара! И жена из головы выскочила!

— А трофеи?

— Пятнадцать пулеметов, тридцать автоматов привез, товарищ майор!

— Ночью собирали?

— Как приказано, товарищ майор.

— Орудия вывезли?

— Одно уже стреляет! Снарядов к нему — целые горы! А другое ночью вывезем!

— Чтобы мне завтра все было сделано.

— Товарищ майор...

Майор Утвенко резко вскидывает руку. В гроз-

ном хоре канонады слышны звонкие и частые выстрелы противотанковых орудий.

— ОРБ!

— Точно, товарищ майор! — сияя смуглым лукавым лицом, откликается красноармеец Коля.

— А это 76-миллиметровые! — говорит Утвенко. — Ой, дают огня, хлопчики!

Из блиндажа выбегает связист.

— Товарищ командир дивизии, «Сочи» докладывает — танки тикают. Две роты фашистов залегли.

— Не залегли, а прижаты к земле! — поправляет Утвенко. — А где начарт?

Начарт дивизии, суровый и молчаливый подполковник Федоров, уже подходит к командиру дивизии.

— На высоте за Клематиным две немецких роты залегли.

— Уничтожить!

— Приказал! Гранатами и шрапнелью.

— Хорошо! — Утвенко быстро встает из-за стола, вынимает карту, ловко разворачивает ее. — Я сейчас был в батальоне с Макогоновым. В Паукове у немцев укрепленный узел. Простым глазом ДЗОТы видны. Пехоте не по зубам. Надо пробить артиллерией. Разбейте их прямой наводкой!

— Есть!

— Исполняйте!

Они идут по тропе. Майор Утвенко кричит в блиндаж:

— Вызовите мне «Сухуми».

— Есть вызвать «Сухуми»!— весело отвечает черноусый связист-сержант; он южанин, и потому в очередную смену позывных в дивизии оказались... одни курорты.

Начартиллерии уходит в свой блиндаж.

Майор говорит по аппарату с «Сухуми» — командиром полка, чей темп продвижения явно не

удовлетворяет командира дивизии. Майор приказывает немедленно усилить огонь пулеметов и винтовок:

— Я совсем не слышу огня пехоты. Что же ты хочешь, чтобы по каждому автоматчику целой батареей стрелять?

Вызвав начальника политотдела, майор говорит ему, что надо послать в этот полк политработника.

— Надо нажать!

Потом он вызывает начальника разведки дивизии.

— Допросили уже пленных? Какой дивизии?

Начальник разведки докладывает, что показаниями пленных подтверждается: дерется 15-я кадровая дивизия. Она только что сменила 11-ю, тоже кадровую, которая понесла огромные потери. 15-я три дня тому назад на грузовиках переброшена из Могилева. Эта дивизия у немцев в славе. Она действовала в Бельгии, во Франции, в Греции. Но и в ней уже недочет целых двух батальонов, по словам пленных, да и трупов одних не меньше четырехсот только за эту ночь. Это уже сами видели.

Начальник разведки кладет на столик груду фотографических снимков. Утвенко разглядывает их. Немецкие солдаты и унтер-офицеры запечатлены с бутылками вина.

— Мародеры! — Утвенко рукавом смахивает карточки в сторону. — А полки какие?

— Восемьдесят восьмой, командует граф фон Цанген. Пленный говорит, что ни разу не видел его.

— Артиллерия?

— Новых данных нет.

— Добывайте! Выбросьте еще группу в тыл!

— Есть!

После начальника разведки майор Утвенко говорит с полками, вызывает к себе штабных командиров. Стараются, кричат в блиндажах связисты, по тропкам в соснах — оживленное движение.

Майор Утвенко бранит одного командира за неразборчивый почерк. Тот пытается отшутиться:

— Я академии не кончал, я из простых рабочих!

— Я сам сын машиниста локомобиля. Батраковал с малых лет — чуть в штаны влез!

Устыдившийся командир заверяет, что будет писать лучше.

— От-то добро! — смеется Утвенко.

У начальника санитарной службы он после доклада расспрашивает о здоровьи младшего лейтенанта Черенкова, командира взвода конных разведчиков N-ского полка. Утвенко командовал этим полком, пока не был назначен, две недели тому назад, командиром дивизии. Черенков вместе с четырнадцатью красноармейцами отважно ходил в тыл к немцам. Разведчики взорвали немецкие склады боеприпасов, склад горючего, забросали гранатами грузовики, разогнали группу в полсотни немцев. В последний раз Черенков достал языка — привел пленного. И был ранен сам.

— Выберу часок, сам заеду в госпиталь! — мягко говорит майор Утвенко.

И снова закипает пышущий здоровьем, шумный, веселый украинец.

2

Возвращается из части начальник штаба дивизии майор Данилович. Подстать командиру, он тоже проворный, сильный и ловкий. Они углубляются в карту.

— Вот эти высоты возьмем, — показывает Утвенко на извилистую цепь гребней, — тогда немцы сами к Ельне покатятся!

— Точно, товарищ командир дивизии!

— Опять какой-нибудь адский план надо придумать, а? Чтобы опять у немцев батальончика

два — как корова слизнула. — Утвенко лукаво смотрит на Даниловича.

Адский план. Один такой план майора Утвенко уже осуществлен. Вчера дивизия получила приказ отбросить врага контратакой. С утра Утвенко провел командирскую разведку. Он побывал на наблюдательных пунктах батальонов, у артиллеристов. Простым глазом можно было видеть и определить, что у немцев на участке дивизии два укрепленных узла, сработанных по всем правилам немецкого инженерного искусства. Все командные высоты были в руках у немцев. Фашистские автоматчики засели в кустах и во ржи впереди укреплений и между ними.

Живой силы у немцев было больше, чем у майора Утвенко.

После рекогносцировки и совещания с командирами майор Утвенко принял решение: артиллерийскую подготовку провести засветло; наступать в сумерках; ДЗОТы врага сковать буквально горсткой бойцов; против укрепленных узлов выставить заслоны; главные силы свои бросить в обход двумя группами. Наконец, с целью морального подавления противника, ввиду отсутствия танков, пустить... тракторы! Пустить их где-либо в рощице или балочке — пускай гремят, наводят страх!

Вечером ударили все орудия дивизии. Огневой налет сменился методическим огнем. Немецкие батареи открыли ответный огонь. Командир батареи старший лейтенант Колесников с двумя бойцами и командиром стрелкового подразделения выбрался вперед. Из кустов на высоте хорошо было видно все поле, березовая роща и в ней, как на ладони, четыре орудия, блеск их выстрелов. Старший лейтенант Колесников бегом вернулся на свой наблюдательный пункт. Быстро подготовил данные. Довернул орудия. В рощу на батарею

фашистов грянули полторы сотни снарядов. И той батареи не стало.

Младший лейтенант Бредихин также выдвинулся вперед, увидел скопление немецких машин и уничтожил их.

Уже в сумерках был проведен второй огневой налет на немцев. Тем временем две горсточки бойцов продвинулись и залегли перед ДЗОТами, перед укрепленным узлом врага. Немцы вели ожесточенный и неприцельный огонь из автоматов, из пулеметов. Синие сумерки были расчерчены путанным скрещивающимся пунктиром трассирующих пуль. Непрерывно взлетали зеленые и красные шары немецких ракет, над округой полыхало тревожное сияние.

Немногочисленные батальоны дивизии сближались с противником под грохот артиллерийского огня. Они двигались скрытно, переползая по-пластунски, пользуясь каждым бугорком, каждой балочкой. Высокая рожь, доспевающие овсы помогали укрываться от наблюдения врага.

Батальоны обошли вражеские окопы с флангов, просочились в тыл фашистов.

Время атаки. Командир дивизии майор Утвенко на оперативном наблюдательном пункте посмотрел на часы, поднял голову. Издали, из сумерек, по речной долине прокатилось звонкое «ура-а!»

— Пошли! В окопы ворвались!

Утвенко вскочил, трепетно напряженный, готовый двинуться вперед, в самое пекло боя.

Красноармеец Алексей Катков первым вскочил в немецкий окоп. Он выстрелил в грудь солдата и, ринувшись вперед, вонзил в другого немца штык.

— Русс! Муттер! — выдохнул фашист, схватившись за штык и опускаясь наземь.

Красноармейцы Тимофей Макаров и Иван Под-

ставин — колхозник и рабочий — захватили в плен ефрейтора и офицера.

Капитан Погребной с группой в 16 красноармейцев прорвался в тыл немцев. Когда фашисты стали выбегать из окопов, их встретили огонь, а потом штыки Погребного. Раненный, капитан Погребной продолжал командовать. И красноармейцы забросали гранатами и зажгли немецкие автомобили и грузовики со снарядами. В кровавом свете огня было видно, как немцы разбегались, падали намертво.

Красноармеец Дорошенко увидел, как сбоку, в кустарнике, появился огромный немец с ручным пулеметом. В любое мгновенье враг мог открыть губительный огонь. Дорошенко скользнул по траве к немцу. Кинувшись, задушил его.

Из N-ского полка от майора Монахова не было донесений. Комиссар дивизии послал в полк младшего политрука Карелина, заместителя начальника политотдела дивизии по работе с комсомольцами.

— Толкни их вперед! Что они там молчат!

— Есть, товарищ комиссар.

Федор Карелин, черноглазый и худощавый, со всех ног побежал выполнять задание. Это было еще в сумерках. Он спустился в долину речки, кустами пробрался вперед.

Из ржи его обстрелял немецкий автоматчик. Карелин упал, притворяясь убитым. Над ним синело мягкое летнее небо, зажигались звезды, мигали острыми ресничками. Автоматчик умолк. Карелин пополз, переплыл речку, опять пополз. Он нашел командира полка майора Монахова и его комиссара политрука Клеме́нтьева в немецком ДЗОТе. Майор уже организовал свой командный пункт, связисты подали сюда провод.

В окопе у ДЗОТа разместились семь красноармейцев. У Попова был ручной пулемет.

Один красноармеец только что вернулся. Он подполз по-пластунски и внезапно свалился в окоп.

— Вон там, в семидесяти метрах, немецкий окоп. Битком набито фашистов. Галдят, ничего не поймешь.

Все замолкли, прислушиваясь. Вдалеке, справа и слева, грохотали разрывы, трещали автоматы. В сгустившихся сумерках неслись и гасли трассирующие пули, вспыхивали ракеты, над горизонтом плясали отблески орудийных выстрелов.

Из немецкого окопа слышался злой говор, потом резкая команда:

— Айн, цвай, драй!

Ударил миномет, и мина со скрежетом и воем пронеслась над группой Монахова.

— Опомнились, черти! — сказал майор и передал по телефону заявку артиллеристам. Те дали три выстрела и перенесли огонь. Со стороны немецкого окопа опять послышались голоса, потом они стихли, возник шум движения.

Карелин встал к брустверу. Справа от него стояли пулеметчик Попов и красноармеец. Слева — политрук Клементьев и красноармейцы. Майор Монахов говорил по телефону в ДЗОТе. Бойцы, ловя немцев на мушку в мерцающем свете ракет, стали стрелять. Огонь задержал движение врага. Монахов, выйдя из ДЗОТа в окоп, приказал Карелину подсчитать, сколько осталось боеприпасов. Патронов было мало. Гранат — всего семь. Пулеметный диск — один.

— Не стрелять, пока не подойдут. Бить наверняка!

Немцы продолжали двигаться.

— Русс, сдавайся! — крикнул немец.

— Разобьем Гитлера! Уничтожим фашистскую гадину! — яростно крикнул пулеметчик Попов, дал очередь.

Послышались стоны.

— Не любишь! Не то еще получишь.

Немцы приближались. Пулеметчик Попов стрелял по немцам, приподнимавшимся, чтобы бросить гранату. Красноармейцы слева сказали:

— Товарищ майор, патроны кончаются!

— Гранаты есть! — успокоил их майор. — Приготовьте штыки.

Он обнял политрука Клементьева:

— Беги что есть духу за подкреплением! Торопись!

Тот крепко пожал руки товарищам и исчез в темноте.

— Собери все патроны для пулемета! — приказал Монахов Карелину.

— У меня две обоймы.

— Собери у бойцов.

Карелин собрал патроны у бойцов. По два, по три патрона. Три десятка. Передал Попову. Тот немедленно набил ими диск.

Немецкая граната разорвалась перед Карелиным. Его оглушило, засыпало землей.

Майор Монахов твердой рукой метнул в фашистов гранату, вторую, третью.

— Ох, и навалило их там, товарищ майор! — азартно сказал пулеметчик Попов.

— А как же! — изменившимся голосом ответил Монахов. Он был уже два раза ранен — осколками гранаты и пулей. Но не сказал, чтобы не тревожить товарищей. Привалившись к земле, положив руку на бруствер, он стал стрелять из нагана. Гранаты взял пулеметчик Попов.

Карелин, наблюдавший и за тылом, увидел внизу, на речке, всплеск.

— Наши идут!

— Беги скорее за патронами, — приказал майор, — а то гранат только четыре, а в нагане один патрон.

Когда Карелин вернулся в окоп с бойцами, с патронами, немцы были в двух десятках метров.

Красноармейцы метнулись к Карелину.

— Дайте! Мне дайте патроны!

В немцев полетели гранаты.

— Как бы не разбежались гады! — сказал Монахов. — Надо атаковать, товарищи!

— Надо атаковать!

У Карелина больно сжалось сердце: сейчас ему надо броситься вперед, в эту первую в жизни атаку. Но он овладел собой, и жаркое чувство отваги вдруг обожгло и подняло его.

— За родину! — крикнул он звонким, молодым тенорком, оперся на бруствер и выбросился из окопа. Он обернулся с криком: — В атаку! Ура!

И тут по горлу его чиркнула немецкая пуля. Падая в окоп, он видал, как бойцы бросились вперед.

И горькие слезы обиды и ярости хлынули из его глаз.

Рана была легкой. Его перевязал красноармеец. Потом его проводили в тыл.

Бросившиеся в атаку не вернулись назад. Они заняли немецкие окопы впереди и закрепились в них.

3

Уже к полночи командир дивизии майор Утвенко определяет размеры боевого успеха. Батальоны продвинулись километра на четыре. Захвачены ДЗОТы фашистов. Разбиты две батареи. Захвачены два тяжелых орудия.

Утвенко принимает решение нанести дальнейший удар правым флангом. Он выезжает в полк майора Шитова. К утру произведена перегруппи-

ровка. Подтянута вперед артиллерия. Красноармейцы хорошо накормлены. Боеприпасов подвезено достаточное количество.

Перед рассветом майор Утвенко перебрасывается на левый фланг и оттуда поутру заезжает в свой штаб. И вот они вдвоем с начальником штаба сидят над картой.

Связист зовет майора Утвенко к телефону. Командир спускается в блиндаж. Берет трубку.

— Що? Обе роты тикають? Де же воны тикають? По кустам? Так вы же их ловите, хлопцы! Бейте, ловите!

Утвенко возвращается к начальнику штаба.

— Видишь! Нажала батарея осколочными — и побежали обе роты немцев!

— Так и надо.

— Слушай, майор, — в раздумьи говорит Утвенко, — а ведь скоро надо немцев не так бить. Смотри, ночного боя не принимают, флангов боятся, штыка не любят и не выносят и артиллерии не уважают! Эх, дождусь я своего часу! Сейчас махну к Шитову.

Темная «эмочка» майора несется проселком по ржаному полю, спускается в долину речки, проскакивает три деревеньки, наполовину сожженные немецкими бомбардировщиками. Адъютант командира дивизии, занявший место на заднем сиденьи, всю шею себе отвертел, наблюдая за небом. «Мессершмитты» гоняются за каждой легковой машиной. У начальника штаба уже две машины сожгли на дороге.

Майор Шитов перенес свой командный пункт вперед, на высоту, подальше за линию захваченных немецких окопов. Командир дивизии добирается к нему долиной реки, потом оврагом и дальше прямиком по кустам. Впереди, в лощинах и на буграх,

в рощах и перелесках, рявкают мины, грохочут снаряды, дробно стучат пулеметы.

В хлебах, в траве Утвенко видит трупы немцев. Их много. Сотни врагов положили бойцы за эту ночь.

Майор Шитов — невысокого роста, ловкий. На широком лице его лежит плотный румянец. Майор докладывает, что его стрелки залегли в ста метрах от немецких окопов. Продвигаться не дают огневые точки, минометные батареи где-то за рощей.

— Ваше решение?

— Я взял лично в свои руки всю полковую артиллерию и дивизион Бондаренко. Сейчас дорогу пехоте буду пробивать.

— Хорошо. Надо бы пораньше это сделать!

Майор Шитов вспыхивает:

— Немцы молчали, не открывали огня, пока стрелки не подошли.

— А разведка?

— Мы же почти без перерыва наступали!

— Вот за то, что не разведали, и платитесь!

Майор Утвенко уходит на макушку высоты, на ходу вынимая из футляра бинокль. Шитов поспевает за ним.

И роща, и немецкие окопы вдоль опушки отсюда хорошо видны.

На скатах, обращенных в нашу сторону, лежат в овсах красноармейцы.

— Так лежать — только напрасные потери. И не стреляют даже наши!

— Головы не дает поднять! Из пулеметов и автоматов срезает.

— Пробить дорогу артиллерийским огнем!

— Товарищ командир дивизии, я только что приказал командиру гаубичной батареи младшему лейтенанту Бредихину лично выдвинуться к пехоте и разбить немецкие окопы.

— Хорошо! А вон ту балочку вы разведали?
— Там продвигается рота.
— Хорошо! Видите — блеск?
— Где?
— Левее рощи на три пальца. Немецкие машины! Поставить задачу артиллерии.

Шитов убегает кустами вниз. Майор Утвенко провожает его внимательным взглядом. Замечательный командир, это его полк забрал ночью у немцев тяжелые орудия. А утром что-то вяло действует.

«А достал я у него огонька!» — хитро усмехается Утвенко.

Он наблюдает опять за рощицей, за окопами. На скатах, в овсах — движение.

Командир батареи Бредихин проползает со своими разведчиками и связистами дальше нашей пехоты. Связисты, мокрые насквозь, задыхающиеся, тянут, разматывая с катушек, провод.

Бредихин останавливается в дождевой вымоине. Осторожно приподнимает над кустами бурьяна ствол стереотрубы, обвязанный стеблями овса. Метрах в ста, под тремя березами, он видит блиндажи. Из бойниц торчат тупые рыла пулеметов.

Бредихин, сдерживая дыхание, разглядывает и другие блиндажи вдоль опушки. Острая и злая радость блестит в его глазах. Рядом с ним появляется командир стрелкового батальона.

— Куда вас занесло?
— Сейчас вам расчисточку сделаем!

Бредихин улыбается круглым румяным лицом. Из-под пшеничных усов его сверкают белые зубы.

Подтянув телефонный аппарат, Бредихин передает команду на огневые позиции. В речной долине мягко бьет гаубица. Снаряд, посвистывая, журчит над головами. Разрыв доносится из рощи. Бредихин ведет огонь с дальнего прицела. Спокойно выводит он снаряды ближе, ближе.

Наконец удар прямо в блиндаж. Взлетает земля, бревна. Еще разрыв.

— Беглый огонь! — кричит Бредихин в трубку.

Вдоль опушки — гряда разрывов. Из блиндажей выбегают, осатанело мечутся немцы. Трое бегут в нашу сторону. Офицер — он мчится впереди — прикрывает голову рукой. Бредихин и командир батальона стреляют из наганов. Немцы падают в овсы. Командир батальона кричит Бредихину:

— Сейчас иду в атаку!

Бредихин кивает.

— Давайте! — И передает приказ на огневую позицию перенести огонь.

Командир дивизии говорит вернувшемуся к нему майору Шитову:

— Ой, и пошли ж чесать хлопчики! Ой, чешут! Ой, чешут!

Он жмет майору Шитову руку.

— Зараз треба до левого фланга бежать! Действуй!

Они мужественно и дружелюбно улыбаются друг другу.

СЕМЕРО СМЕЛЫХ

Батальон занимал район обороны на широком фронте. Каждый боец был на учете. Вот почему, когда командир роты Стрельников приказал командиру взвода Жукову обеспечить левый фланг батальона и связь с соседом, тот крепко призадумался. Но думай, не думай — от этого людей не прибавится.

Подступы к деревне Вараксино должен был оборонять младший сержант Кузьма Перепелицын с восемью бойцами.

Двое вскоре были ранены; их перевязали, и они ушли в тыл, поддерживая друг друга. Оставшиеся продержались ровно семь суток, пока не подошла свежая часть.

Утром и вечером каждый день — и таких было семь дней — немцы вели бешеный огонь из минометов и станковых пулеметов по деревне Вараксино. Вслед за этой огневой подготовкой они шли в атаку; их было до роты.

У младшего сержанта Перепелицына, двадцатилетнего комсомольца, правой рукой был пулеметчик Косматов Николай Фадеевич, 1910 года рождения, беспартийный, тракторист из Воронежской области. Остальные — Кузнецов Василий, Киреев Григорий, Смольянинов Петр, Саулин Дмитрий, Покалитов Василий — все колхозники, тоже из Воронежской области.

Немцы в первую же ночь зажгли деревню, и тревожное зарево осветило огороды и деревья, листва которых затрещала от жара, порыжела и свернулась. Кузьма Перепелицын сказал Косматову:

— Смотри, родня наша горит. Я тебе, а ты мне клятву дай — не простим гадам! До последней капли крови будем биться с немцами!

На рассвете немцы атаковали деревню слева. Косматов со своим ручным пулеметом прополз по грядкам на левый фланг. Словно бурьян на колхозных полях, он выкосил немецкую ораву. Так была отбита первая атака.

Вскоре немцы пытались атаковать деревню справа. Перепелицын приказал Косматову переползти на правый фланг. Косматов и здесь встретил немцев таким же уничтожающим огнем. Остальные красноармейцы вели скупой и точный огонь по врагу. И эта попытка врага была отбита.

Это было в первый день, и день этот был для наших товарищей бесконечно долгим. Палило солнце, немцы обстреливали деревню и подступы к ней. Меж кустами, по ржи пытались подкрасться немецкие «кукушки» с автоматами. Они открыли внезапный огонь. Вот тут-то и были ранены два бойца.

Николай Косматов, неугомонный, пытливый, тщательно обследовал всю деревню. За одной избой он нашел седого деда. Дед рассказывал про бесчинства немцев, и в выцветших глазах его горела лютая ненависть к врагу. Только два дня была деревня Вараксино в руках немцев, а что они успели наделать!

Они угнали весь скот, переловили всю птицу, до последнего куренка. Угнали все взрослое население куда-то в свой тыл.

Дед повел глазами, сердито постучал клюкой:

— Да когда же вы эту окаянную силу выбьете!

Николай Косматов угрюмо и страстно произнес:

— Подожди, дед! Дорвемся!

Вечером немцы снова атаковали деревню. Красноармейцы, как и утром, открыли огонь. Тут подоспела на помощь и наша артиллерия. Она вела огонь по пристрелянным рубежам. И на этот раз немцы тоже не прошли!

Наступала вторая ночь. В темноте красновато-желтыми шмелями неслись трассирующие пули. Над расположением немцев взлетали белые ракеты. Перепелицын перебегал и переползал от одного бойца к другому.

— Видите, как ракеты бросают? Это они нас боятся! Хотя и говорят, что они вояки, а вот мы их как били! И еще побьем.

— Бить их можно, — рассудительно и спокойно отозвался Николай Косматов, и на загорелом, с облупившимся носом, лице его было удивительное спокойствие, как будто речь шла вовсе не про войну, а про какое-нибудь хозяйственное мероприятие в колхозе.

Оба они — и Перепелицын и Косматов — проверили окопы каждого красноармейца. Поговорили с каждым, предупредили: самое главное — заройся в землю, крепко сиди в хорошем окопе, чувствуй себя спокойно. Зря, без цели, не стреляй!

Красноармейцы вошли в боевую страду. Днем ни одного из них нельзя было обнаружить, так тщательно они маскировались. Пекло солнце. Мучила жажда. Терпели.

Ползали они к колодцу между картофельных борозд ночью, опускали фляжки на веревочках и жадно пили ледяную влагу.

Утром опять был огневой налет врага. И опять, быстро переползая на подготовленные заранее огневые позиции, Косматов бил по врагу меткими очередями, уничтожали врага стрелки.

Днем бойцы по очереди чистили винтовки, готовились, изредка подползали друг к другу пошептаться, поделиться своими думками. Николай Косматов написал письмо жене.

Из лощинок, из ржи, из кустов тянул тошнотворный запах немецких трупов. С каждым днем этих трупов у деревни Вараксино становилось больше и больше. И это было самое страшное: смрад, от которого мутило на душе.

Перепелицын с беспокойством оглядывал товарищей. Он страдал сам и видел страдания друзей. Но ни один не оказался малодушным. Все были стойки, держались мужественно.

Бойцы и командиры части, пришедшей в деревню, с глубоким уважением разглядывали храбрецов, подробно расспрашивали их. А те семеро были скромны и немногословны. Самый разговорчивый из них — все тот же Николай Косматов — сказал:

— Что ж такого? Мы отбили немцев — и все. Если отпор как следует дашь, они не лезут. Вот мы и дали!

ОГОНЬ НА СЕБЯ

1

Как только пехота заняла немецкие окопы на высотках перед Клематино, лейтенант Бутко, командир батареи, тотчас перенес туда свой наблюдательный пункт. Но и сейчас он был недоволен. Заслоненные раньше этой высотой, впереди открылись другие. Обзор попрежнему был ограниченным. От деревни Клематино, лежавшей в балке, виднелись лишь вершины берез.

— Что̀ бы им вперед хоть на километр продвинуться! — с досадой сказал Бутко, поглядывая на красноармейцев, закопавшихся впереди по склону высоты в желтеющих посевах льна.

— Уберите вы хоть здесь! — Бутко брезгливо дернул безусой губой. В окопах, брошенных немцами утром, валялись немецкие винтовки, противогазы, грязное, вонючее тряпье.

Полковой отсекр комсомола Царев усмехнулся. Лицо его забавно сморщилось. Серые глаза хитро блеснули из щелочек.

— Полк «Дейчланд»! Дивизия СС «Рейх», что значит «Империя»! — торжественно произнес командир отделения разведчиков Сурыгин, подняв от груды бумаг и солдатских книжек задорное веснущатое лицо. — Товарищи командиры и политработники, подтверждается документами наличие против нас отборной гитлеровской дивизии. Пред-

положительно — недавно переброшена в район боевых действий.

Лейтенант Бутко покосился на Сурыгина, явственно слыша смешливые нотки.

— Отправь скорее майору!

— Есть, товарищ лейтенант!

Сурыгин мгновенно вскочил и откозырнул. Лейтенант Бутко рассмеялся. Всегда он так, Сурыгин: заметит плохое настроение или просто, вот как сейчас, досаду и непременно рассеет чем-нибудь, отвлечет.

— Как раз мне надо к майору, я и передам!

Царев встал, потянулся, глянул на жаркое солнце, клонившееся к закату.

— Сейчас бы искупаться, товарищи! — сказал он мечтательно. Бутко и Сурыгин молча вздохнули, тоже вставая. Загорелые, с выцветшими бровями, по виду все трое были мальчиками — ловкими, подвижными, проказливыми. Но и красноармейцы — связные и разведчики — двигались так же легко и ловко. В этом чувствовалась особая выучка. Полк майора Асатурова славился спортивной подготовкой.

— Вернешься? — спросил Сурыгин.

— А как же? Смотри, без меня никуда не ходи! — озабоченно и торопливо сказал Царев и глянул на Бутко. — Когда заявление в партию напишешь, Лев Иванович?

Бутко застенчиво потупился, на лицо его выбежала легкая краска.

— Рано ведь! После первой настоящей победы напишу!

— Действуй!

Царев засунул в полевую сумку немецкие документы, подхватил автомат. Попрощавшись, он ловко выбрался из окопа.

Лейтенант Бутко взглядом провожал Царева, пока тот не скрылся в долине реки.

— Вот ведь как выбирают позиции, черти фашистские! — сказал лейтенант Сурыгину. — И высоты у них, и все перед окопом голо — попробуй подойди!

— Это они здорово умеют!

Бутко прислонился к стенке окопа и задумался. Какой все-таки прямой этот Царев, прямой и простой. Когда заявление в партию напишешь... А как его написать? Товарищи спросят: почему же тебя надо принимать в партию? Что ты сделал? Жил на хлебах у отца-колхозника из-под Киева, учился в средней школе, учился в военном училище. Пришел в жизнь на все готовое и шагал по просторной дороге — без тягот и без лишений. Но ведь я предан партии. Я люблю свою родину. Белая хатка на Киевщине, мерцанье звезд и голос матери: «Левко, иди вечерять», и шумные вздохи волов, и трубочка отца, озаряющая усы, и морщинки — это родина. И залитая солнцем Красная площадь, гром танков, грозный гул самолетов, кремлевские башни, темнокрасный гранит мавзолея, сомкнувший своды над Лениным, и великий Сталин с отцовскими усами и морщинками у глаз — это тоже родина. И сладкая усталость после огромного и напряженного дня на ученьи с батареей, и разговор по душам на комсомольском собраньи, — забыта повестка дня, и льются признания из самой глубины сердец, — это тоже родина. И бескрайные просторы, и корпуса заводов, и столетний парк над рекой и вокруг костра — пионеры, словно стайка воробышков, — это тоже родина. Как мы пели тогда!

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры — дети рабочих.

А мы сдали Ельню, мы отскочили по родной земле еще на двадцать километров, там, на станции, сгорел состав с керосином; всю ночь металось в полнеба тревожное зарево, и батарея, отходя по полям, приминала и вытаптывала гневно шуршащие хлеба.

Родина моя!..

Из-за дальней высотки ударило немецкое орудие. Снаряд разорвался невдалеке от красноармейцев, во льну. Еще выстрел, еще и еще.

Бутко наклонился над норой окопа:

— Как связь с батареей?

— В порядке, товарищ лейтенант!

Лейтенант Бутко осмотрел свой автомат и встал в окопе рядом с Сурыгиным.

— Чего ты так высовываешься?

— Я смотрю, откуда немцы атаковать нас будут. Эх, подход-то для них хорош.

Снаряды рвались на поле, и в той стороне лен почернел от выброшенной земли и поганой едкой гари. Солнце над горизонтом ослепило Бутко. Когда он, отвернувшись, открыл глаза, метрах в двухстах над льном поднимался немец, в руках у него блестел автомат. Справа и слева от него Бутко увидел ползущих солдат. Один, приподнявшись, махал рукой.

— Немцы! — прошептал Бутко. Не спуская глаз с фашиста, он поднял свой автомат. Немец шел, то и дело вертя головой.

Бутко выпустил короткую очередь. Немец упал. Из лощинки слева перебегали другие — короткими быстрыми перебежками. Красноармейцы тоже стали стрелять. Бутко почему-то запомнилось, каким сухим и слабым показался ему огонь винтовок.

— Накапливаются за высотой! — крикнул Бутко. — Смотри здесь!

— Смотрю-у! — отозвался Сурыгин, стреляя очередями.

Бутко спрыгнул в окопчик и прокричал в трубку команду на батарею — дать заградительный огонь за высоту.

— На макушке высоты движение! — сказал Сурыгин.

Бутко приказал батарее уменьшить прицел на два деления.

— Хорошо кладут! — восхитился Сурыгин.

Наши снаряды рвались на высоте и за нею. На густой синеве вечернего неба был ярко виден блеск огня. Бутко очень ясно представил себе, что немцы за высотой сейчас разбегаются; нет, они бегут влево. Они бегут к той лощинке, по которой прошла вот эта группа — с убитым немцем.

— Сейчас я и здесь их обрежу! — прошептал Бутко.

Он скомандовал связисту, и тот повторил команду батарее в трубку телефона. Через мгновенье разрывы послушно возникли левее высоты.

— А эти ползут, смотри, ползут! — Сурыгин тронул Бутко локтем и выругался.

— Я им сейчас!

Он ловко выпрыгнул на бруствер. Бутко еле успел сдернуть его в окоп. В этот миг прогремели гранаты, которые наши красноармейцы бросили в немцев.

— Теперь смотри: горячка! — Бутко толкнул Сурыгина легонько в плечо. По полю бежали обратно в лощинку пять немцев. Передний солдат перебирал ногами очень часто, и это было очень смешно.

— Ну и смолит! — рассмеялся Сурыгин.

2

Солнце стало огромным, малиново-кровавым. Оно коснулось горизонта и сплюснулось. В окоп

к Бутко прибежали командир дивизиона старший лейтенант Мокрый и отсекр Царев. Вместе с ними были начальник связи дивизиона лейтенант Солодовенко, связные, расчет со своим станковым пулеметом.

Лейтенант Бутко торопливо и четко доложил обстановку.

— Правильно действовали! — сказал командир дивизиона и с облегченьем глубоко вздохнул. — А мы-то забеспокоились!

— Товарищ старший лейтенант! — горячо заговорил Бутко. — Прошу разрешения перенести наблюдательный пункт вперед, вон на ту высоту!

— Впереди пехоты? — Командир дивизиона удивленно уставился на Бутко.

— Вот именно! Посмотрите, какая у немцев здесь позиция! — Бутко широко повел рукой. — В нашу сторону все просматривается, а из глубины у них скрытые подходы, хоть целую дивизию тащи. Они обязательно полезут сюда! Вот бы их и расчесать. Обязательно надо выдвинуться на ту высоту и дать им жару.

Командир дивизиона вынул бинокль и стал рассматривать местность. Обычно Бутко завидовал невозмутимому спокойствию командира дивизиона. Но сейчас это спокойствие сердило его.

— Товарищ командир дивизиона, ох, и подловил бы я немцев! — тихо и просительно вымолвил Бутко.

Старший лейтенант Мокрый обернулся.

— Не только ваш НП выдвинем, но я сам перейду с вами! — сказал он. — Ваше решение о выдвижении на высоты совершенно правильно! Сейчас донесу командиру полка.

Наблюдательные пункты командиров дивизиона и батареи были перенесены на высоту юго-восточнее деревни Клематино. Здесь были немецкие

окопы и горелый советский танк. Он с хода попал гусеницей в окоп, накренился и погиб. Башню немцы срезали, видимо, с помощью кислорода, догадался лейтенант Бутко. И экипаж танка погиб, не сдавшись в плен. Обугленные кости, обгоревшие пистолеты лежали внутри танка. И Мокрый, и Бутко, и все товарищи молча сняли каски и пилотки...

Из горелого танка было видно вокруг на десятки километров. Справа, в огромной балке внизу, еще тлели пожарища в Клематине, струился, сверкал ручеек. Тянуло тяжелым смрадом и дымом. Светлая рубашка дороги вилась от деревни между буграми и терялась вдали. Слева, до самого неба, распахнулось поле спелой пшеницы. Над дальними буграми против боевого участка соседнего полка взлетали огни орудийных выстрелов немецких батарей. Недалеко от наблюдательных пунктов падали и рвались с визгом мины врага.

Сурыгин и Царев, посмеиваясь, возбужденные, ушли вдвоем в разведку, исчезли в быстрых синих сумерках. Возвращаться они должны были по лощинке, косо тянувшейся к линии окопов. В случае если б их стали преследовать немцы, Бутко должен был прикрыть их отход отсечным огнем.

И лейтенант Бутко зорко всматривался в ту сторону — не взлетит ли сигнальная ракета разведчиков. Командир дивизиона сам выбрал позиции для станкового и ручного пулеметов, и расчеты тотчас выставили машины и заняли места около них.

Связисты протянули провода на новые наблюдательные пункты.

Командир дивизиона ушел с лейтенантом Солодовенко и своими связными. Бутко обошел наблюдательные пункты и выставленных на полсотни метров вперед часовых. Все думы его были о разведчиках. Что с ними? Почему они так долго? Ну, командир

отделения разведчиков — это его прямое дело. А этот непоседливый Царев. Вот именно — непоседа. Не посидит на месте. Все лезет. Всюду лезет. Ну, конечно же, всюду лезет. А все-таки молодец, настоящий боец. Всюду лезет!

Ночь шла в отдаленных вспышках артиллерийского огня, в грохоте разрывов, в сухом и дробном разговоре пулеметов. По синему-синему небу неспешно двигались звезды, кружился вокруг Полярной звезды ковш Большой Медведицы, тихо струились реки Млечного пути. Где-то недалеко просвистела птица. Из балки от Клематино несло гарью и сыростью. Старшина разыскал командира батареи, принес борщ в термосе, и все с аппетитом поели. А разведчиков не было!

Возвратился командир дивизиона — невозмутимый, грузный.

— Договорился с командиром батальона, сейчас он две роты продвигает вперед, на высотки правее Клематина. А у тебя как?

— Разведчиков пока еще нет! Больше не буду Царева пускать! — с сердцем сказал Бутко.

— Удержишь его! Ну, сосни-ка ты часок, лейтенант, а потом я.

— Давайте вы вперед!

— Ладно.

Командир дивизиона, растянувшись на плащепалатке, сразу уснул. Вдалеке — в левой стороне от Клематина — затрещали автоматы. Потом взлетели немецкие ракеты, они медленно опускались голубоватыми шарами, отбрасывая сильное и тревожное сияние. Вдруг резко рявкнули мины.

— Что такое? — тихо и спокойно, не шевелясь, спросил командир дивизиона, как будто и не он только что посвистывал носом в глубоком сне.

— Разведчики, видно, напоролись!

Ракеты взлетали одна за другой. Рвались мины.

Бутко думал: «Ох, ты, батюшки, где же они застряли? Прямо сердце сосет из-за них!»

Он вздрогнул от злого и напряженного окрика часового и счастливо улыбнулся, услышав голоса разведчиков.

Сурыгин и Царев появились совсем не оттуда, куда поглядывал Бутко.

— Докладывайте! — приказал командир дивизиона, когда разведчики соскочили в окоп и приставили к стенке две немецких винтовки.

— Мы прошли через Клематино. Трупов немецких там — не продохнешь! — начал Царев.

— А живые где? — спросил командир дивизиона.

— И до живых добрались, товарищ старший лейтенант! В роще юго-западнее Клематина большое движение пехоты. По дороге к Клематину, между буграми, — тоже пехота.

— Покажите на карте!

Командир дивизиона, ловко повернувшись, приподнял плащ-палатку и накрылся им. Развернул карту и подсветил фонариком.

Разведчики и Бутко, стоя на коленях и накрыв головы плащом-палаткой, склонились над картой.

— Вот здесь, а минометы здесь

Командир дивизиона погасил фонарик, отбросил палатку.

— А что за шум был?

— Смех и грех! — Царев лукаво прищурился. — Расскажи лучше ты, Сурыгин!

— Рассказывайте, Сурыгин!

— Мы обратно пошли, — начал тот посмеиваясь. — Идем—балочка за балочкой, лощинка за лощинкой. Прошли окопы. «Да ведь это же те окопы, которые мы уже отбили», — говорит Царев. Идем вдоль окопов. Я нагнулся — двое сидят, у одного котелок. А у меня горло пересохло, страсть пить хочу. Я ему говорю: «Дай попить».

Он молчит. «Дай попить». Молчит. Царев нагнулся: «Что же тебе, чудила, воды жалко?» Схватил его котелок, а тот как вскочит, да как заорет: «Русс! Русс!» И другой тоже за ним следом.

— Немцы? — спросил Бутко.

— Ну да! Они бежать, а мы из автоматов.

— Недалеко убежали! — Царев рассмеялся.

— Ну, мы винтовки забрали и ходу, а тут ракеты, мины, полный дивертисмент. Пришлось залечь. Потом сюда, вот и все.

— В каких же вы окопах были? — озабоченно спросил Бутко.

— Сам не пойму! Балочки, лощинки. Все похожи! Запутался. Другие окопы были.

— Покажи на местности.

Сурыгин встал, повернулся осматриваясь.

— Вон там!

Окопы оказались левее и впереди наблюдательных пунктов.

Бутко порывисто встал. На востоке светало. Он передернул плечами от предутренней прохлады. Он думал: «За этой стороной, где окопы, смотреть да смотреть».

3

Когда рассвело, Бутко полностью оценил все выгоды наблюдательного пункта. Забрался вместе с Сурыгиным в горелый танк. Неясные вчера, отчетливо просматривались все балочки и лощинки, и роща за Клематиным, и дороги между буграми. Там заметно было движение.

Послышался гул самолета.

— Воздух! — нараспев доложил наблюдатель.

— По щелям! — резко скомандовал командир дивизиона. — И чтобы никто мне носу не высунул.

Бутко и Сурыгин присели в танке.

— «Рама» летит, товарищ старший лейтенант.

— Это наша постоянная! Она же приписана к нашей дивизии!

На лицах появились улыбки. С низким ноющим гулом летел огромный двухфюзеляжный аэроплан. Бутко разглядел желтые и черные полосы крестов на крыльях, свастику на рулях. «Рама» пролетела — серая, чудовищная, странным видом своим вызывая омерзение.

— Первый номер программы! — Веснущатое лицо Сурыгина светилось неиссякаемым задором.

— С тех окопов глаз не спускать! — приказал ему Бутко.

— Есть!

Бутко, приставив карабин к борту танка, поднялся над срезанным краем башни. Связист Шестопалов улыбнулся ему из окопчика. Старший лейтенант Мокрый, лейтенант Солодовенко, связисты, разведчики и пулеметчики напряженно вглядывались в сторону врага.

«Где-то Царев сейчас?» — подумал Бутко и вздохнул. Командир дивизиона отправил Царева с донесением в полк, и Бутко было очень жалко его, до того тот поник и расстроился.

Вдоль опушки леса за Клематиным и между буграми шли четыре колонны немцев, рядом с ними по траве двигались густые тени. Лучи солнца играли на оружии. Немецкие колонны шли открыто, словно и не было вблизи никакого противника.

— Товарищ старший лейтенант, четыре немецких колонны идут у рощи и по дороге! — доложил Бутко.

— Вижу! Пулеметы — к бою! Без моей команды огня не открывать! Передайте на батарею!

Связист Шестопалов, гордясь и радуясь, передал на батарею приказ Бутко изготовиться к бою.

Немецкие колонны приближались. Лейтенант

Бутко схватил свой карабин, дослал патрон в ствол и положил карабин на срез брони. Бутко то и дело поглядывал на командира дивизиона, негодуя, что тот медлит с командой, и возмущаясь.

— Товарищ лейтенант, разрешите офицера смазать! — прошептал Сурыгин.

— Отставить!

Немецкие колонны были уже не дальше, чем в шестистах метрах. Бутко хотел уже обратиться к командиру дивизиона, чтобы тот приказал стрелять. В этот миг старший лейтенант Мокрый, приподнявшись над краем окопа и нахмурившись, прокричал:

— По врагам нашей родины — огонь!

Заработали оба пулемета. Лейтенанта Бутко охватил восторг. Перегнувшись через борт, Бутко крикнул сквозь треск пулеметов связисту Шестопалову команду на батарею. И стал стрелять из карабина. Он видел, как первые пулеметные очереди подняли пыль перед колоннами между буграми. Потом в колоннах стали падать немецкие солдаты. Над головой Бутко прошелестел снаряд. Тугой клубок разрыва появился как раз посредине колонны у опушки рощи.

— Батареей беглый огонь!

— Батареей беглый огонь! — повторил в окопчике Шестопалов.

Лейтенант Бутко слал из карабина пулю за пулей.

— Бегут! — в азарте вскрикнул Бутко, видя, как кипящей дымной грядой рвались снаряды и как метались и падали немецкие солдаты. И так же метались, вытягиваясь и ломаясь, уродливые тени на траве. Колонны уже не было. На дороге лежали и ползали под пулеметным огнем солдаты. К опушке рощи мчалась дикая толпа.

— Правее ноль два!

— Правее ноль два!

Солдаты попроворнее уже добежали до кустов, там их и накрыли разрывы.

— Никуда вам не укрыться на нашей земле! — ликуя, вскрикнул Бутко. — Давайте, давайте сюда!

Словно стадо баранов, немецкие солдаты бросились от опушки в лощину. Вот их уже и не стало видно за бугром.

— Товарищ старший лейтенант, уж не обойти ли они нас хотят?

Командир дивизиона посмотрел на Бутко и взмахнул рукой:

— Довернуть!

— Есть довернуть!

Снова Бутко через Шестопалова отдал приказ на батарею. Снова, только изменив направление, прошелестели снаряды, и над бугром встали рыжие в лучах солнца разрывы.

— Водички надо? — Сурыгин протянул лейтенанту свою фляжку.

Тот сделал глоток, задержав его во рту.

— Ух, хорошо!

Лицо Сурыгина, смотревшего в сторону врага, вдруг поразило Бутко: таким оно стало мрачным и злым. В лощинке, косо тянувшейся к линии окопов, по пояс во ржи шли немцы. До них было всего метров семьдесят. Ударили немецкие автоматы. По ржавой броне танка защелкали, взвизгивая и скрежеща, пули. Бутко выпустил из своего автомата сразу весь диск. Отбросив его, он выхватил из кобуры трофейный парабеллум.

«Почему молчат пулеметы?» — Бутко обернулся и увидел, как падал старший лейтенант Мокрый, для чего-то выскочивший из своего окопа. Расчету станкового пулемета из окопа не было видно немцев в лощине. «А где же ручной?»

— Антипов, огонь! — крикнул Бутко.

— Есть огонь! — отозвался ручной пулеметчик Антипов, но уже с другой стороны танка.

«Молодец! Переменил позицию!» — подумал Бутко с нежностью.

Сурыгин и Антипов стреляли длинными очередями. Немцы залегли. Рожь скрыла их.

— Ползут! Ползут, товарищ лейтенант! — сказал, продолжая стрелять, Сурыгин.

— Нажму огоньком!

Бутко, на-глазок сделав вычисление, скомандовал на батарею: «Дать в лощину три снаряда» — и тотчас, перегнувшись через срез башни, спросил у лейтенанта Солодовенко, ползком тащившего командира дивизиона под танк:

— Убит?

— Дышит! Челюсть разбило.

— Давай перевязывай.

В лощинку, где залегли во ржи немцы, грохнули три снаряда. Бутко увидел, как немецкие солдаты побежали вниз по лощинке. С правой стороны доносился сплошной грохот пулеметов.

Солодовенко перетащил старшего лейтенанта Мокрого под танк. Бутко услышал стон — короткий и словно изумленный.

— В себя пришел! — В сердце Бутко плеснула острая горечь сочувствия. — Я сам перевяжу!

Бутко оперся руками на срез башни и хотел выпрыгнуть. Сурыгин схватил его за руку.

— Товарищ лейтенант, вон они!

На бугре слева, у сарайчика, немцы расставили пулеметы, а один солдат закладывал в приемник станкового пулемета ленту.

— Сейчас я им задам!

Бутко опять скомандовал на батарею. Немцы уже стреляли. Но Бутко, не обращая внимания на свист и взвизгивание пуль, выводил снаряды на сарай. Он одновременно видел и разрывы, и всех своих

товарищей. Спокойный и скромный, стрелял из винтовки красноармеец Федоров. Станковый пулемет тоже обстреливал бугор. Но складка земли — наверное, межа или большой огрех — перехватывала пули. Связист дивизиона отчаянно дул в трубку, кричал и снова дул.

«Зря стараешься — порыв провода! — подумал Бутко. — Только бы моя линия уцелела!» — И он с любовью глянул на своего связиста Шестопалова, в три погибели согнувшегося в окопчике.

Первый номер станкового пулемета вдруг поднял голову и спокойно положил ее на руку сбоку. Второй обнял его, послушал, потом бережно отодвинул и лег за пулемет.

Наконец снаряды накрыли сарай, крыша его разлетелась, вспыхнуло пламя.

— Ага! — вырвалось у Бутко.

Снаряд разорвался как раз у немецкого пулемета. Высоко над столбом огня и земли взлетел кожух пулемета, оторванная выше колена нога немецкого пулеметчика. Больше на бугре немцев не было. Сарай пылал.

Сурыгин рассмеялся, и вдруг простое веснущатое лицо его вытянулось.

— Ну, что ты?

— Чем стрелять будем? У меня в автомате диск неполный.

— Сейчас вызову батарею, прикажу поднести.

Бутко, вздохнув, медленно поднялся. Метрах в пятнадцати из ржи вставал с колена немец. К правому боку он прижимал черный блестящий автомат. Белесые оловянные глаза его не мигали.

— Русс, сдавайсь! — завопил он свирепо.

Бутко положил на край брони трофейный парабеллум и, пригнувшись, прицелился в грудь немцу, в крылья имперского воинского значка. Немец хотел вскинуть к плечу автомат, но Бутко первым же

выстрелом убил его. Тот упал, подмяв рожь и судорожно всплеснув руками. Но рядом с ним из ржи выскочил другой, тоже с автоматом. В глаза Бутко глянуло черное смертельное кольцо—ствол автомата. В неуловимые доли секунды, — за миг до того, как его самого перерезала бы очередь, — лейтенант Бутко выстрелил. Автомат клюнул в землю.

— Эх, чтоб... — вскрикнул из-за танка с правой стороны Антипов.

— Ранен?

— Пулемет разбило. Не ранен, руки ушибло.

— Лезь в окоп.

— Есть!

Сурыгин стукнул по броне своим автоматом.

— Все! Ни одного патрона!

— Бери наган. В нагане не останется — зубами будем грызть!

Умолк станковый пулемет. В груди Бутко захолонуло.

— Что у вас?

— Ленты все!

— Приготовить гранаты!

— Есть приготовить гранаты.

Бутко огляделся кругом. По лощинке опять ползли немцы. И справа, во ржи, он заметил движение врага. Неужели сомнут? Как назло, патроны кончаются. Обходят, сволочи! У сарая тоже немцы. Вот именно, обходят. Так и в плен нехитро попасть... А командир?.,

— Солодовенко!

— Я!

— Командир жив?

— Дышит.

Деловито и редко стрелял красноармеец Федоров. У него кончались патроны. После каждого выстрела еще один немецкий солдат оставался на месте.

А солнце-то печет! Бутко облизнул сухие жесткие губы. В плен? Нет, биться до последней пули, а ее — себе в сердце. Нет, в висок. Вот именно — в висок. Родина, ты слышишь? Мы бьемся до последнего вздоха. Но немцам эту высоту сдать никак нельзя! Сейчас им, гадам, будет здесь тошно!

Бутко отдал батарее приказ открыть огонь по танку. Голос у связиста Шестопалова, повторившего в трубку приказ, прерывался.

— Товарищ лейтенант, старший по батарее младший лейтенант Дымченко требует вас к телефону самого!

— Смотри здесь! — сказал Бутко Сурыгину и выпрыгнул из танка. Веером брызнули над ним пули немцев. Но он уже скользнул в окоп к связисту. Из неглубокого окопчика под танком молча и внимательно смотрел на него лейтенант Солодовенко. Он лежал на боку, поддерживая голову командира дивизиона. На повязке, сковавшей лицо, проступила алая роса. Но глаза — крупные и прекрасные глаза, тронутые дымкой страдания, — смотрели на Бутко. Они спрашивали, они звали... В горле Бутко встал ком. Лейтенант приложил трубку к уху. Он слышал голос старшего по батарее, звавшего его по имени, и не мог вымолвить ни слова. И тут радость вдруг захлестнула все его существо. Он представил себе свою батарею так сильно, словно она была здесь, перед ним. Младший лейтенант Дымченко, командиры орудий Иванов, Белый, Вязиков, наводчик Зибарев, Золотухин, Чехардин, все остальные — наводчики, правильные, замковые. Вот они — молодые, поджарые, лихие футболисты и восторженные мастера своего дела.

Голос лейтенанта Бутко звенел, когда он подавал команду на батарею.

— Товарищ лейтенант! — робко переспросил Дымченко.

— Исполняйте приказ!

Бутко приказал Сурыгину выскочить из танка. Тот немедля выскочил и залег у гусениц танка.

— В окоп!

— Есть в окоп!

Бутко ждал. До свиста первого снаряда прошла томительная, жаркая вечность.

«А где-нибудь рожь уже начали косить...»

Снаряд разорвался метрах в сорока, там, где были немцы. Над окопчиком взвизгнули осколки. Бутко услышал стон.

— Что ты делаешь? Осколки в танк бьют! — закричал из-под танка Солодовенко.

— Это свои! Не бойся, не тронут! — пошутил, стараясь улыбнуться, Бутко и плотнее прижал к уху трубку.

— Три снаряда! — приказал он младшему лейтенанту Дымченко. — Будешь вести огонь каждым орудием самостоятельно.

Первый снаряд второго орудия ударил в ту косую лощинку. Бутко приказал дать туда пять снарядов.

— Товарищ лейтенант, отбежали!

— Вот именно! Сейчас мы окаймим НП. Пусть тогда лезут!

Орудие за орудием вели огонь. Снаряд за снарядом летели и рвались там, где было нужно Бутко. Вокруг танка, вокруг наблюдательных пунктов дивизиона и батареи возникала огненная подкова разрывов.

— Товарищ Солодовенко, отходите! Товарищи красноармейцы, взять на руки старшего лейтенанта Мокрого! Всем приготовить гранаты!

Связные проползли к танку. Солодовенко передвинул раненого. Тот застонал.

— Тише вы! Да скорее!

Лейтенант Бутко продолжал и управлять огнем

орудий своей батареи, и следить за разрывами, и в то же время он не упускал из виду товарищей, ползком удалявшихся с командиром дивизиона. От разрывов взлетала черными фонтанами земля. Комья сыпались в окопы, стучали о каску лейтенанта.

— Скорее! Скорее!

Из соседних окопов редко стреляли Федоров и Сурыгин. Связист Шестопалов, заслоняя своим телом лейтенанта Бутко, тоже стрелял из винтовки.

Группа с командиром дивизиона уже скрылась в долине реки.

— Беглый огонь! — скомандовал Бутко.

Огненный смерч закипел вокруг танка. Задрожала земля. Стенки окопа осыпáлись. Лейтенант Бутко посмотрел назад и ахнул. От долины реки по полю стремительно бежали сюда, к танку, красноармейцы. Бутко ясно различал знакомую и родную фигуру Царёва.

— Наши! — вскрикнул он и тихо уронил голову на руки.

РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ДИВИЗИЙ В РАЙОНЕ ЕЛЬНИ

По обе стороны большака, тут и там, в ложбинах, в кустах, на обратных скатах бугорков и просто у обочин пути, высятся штабеля немецких снарядов, горки винтовочных патронов в картонной упаковке, различное военное имущество. Поодаль, на огневых позициях немцев, видны орудия. В нескошенной ржи, в дубовых кустах, в окопах валяются винтовки, автоматы, пулеметы. Все это оставлено, брошено, рассеяно... Какая же здесь была паника! В каком животном страхе, забыв обо всем, кроме собственной шкуры, удирали отсюда хваленые дивизии Гитлера.

Да и как им было не удирать! Обратите внимание: позиции противника все в воронках от разрывов наших снарядов. Все места, где были немцы, исклеваны огнем нашей артиллерии. Балочки, канавы, долины у деревень, — вернее, у пепелищ на местах, где были немцы, — сейчас завалены трупами насильников, топтавших здесь нашу священную землю.

Порыв ветра вдруг обдает тошнотным трупным запахом. Дуй же крепче над родной землей, ветер, выдувай, уноси этот запах фашистской мертвечины!

Деревенька за деревенькой. У дворов — крестьяне-колхозники. Радостные возгласы слышны в вечернем воздухе. И тут же — сдавленное рыдание женщин, плач детей над пожарищами.

Все это — и сожженные деревни, и истоптанные, загаженные немецкими, кованными в двадцать шесть гвоздей, сапогами поля и перелески, — все это свидетельствует о гнусном облике фашизма, все это вопиет о священном возмездии заклятым врагам.

Позади остались высотки. Впереди в котловине расположен город Ельня. Здесь, в ельнинской округе, свирепствовали гитлеровские банды. Город Ельня выжжен. По улицам, полным пепла, гари и смрада, ходят бездомные жители.

Аня Сергачева рассказывает, как она вместе с подругами спасалась от пьяных насильников в сыром и зловонном подвале...

В это время немецкие варвары устроили два публичных дома для своих ландскнехтов.

В это время пьяные солдаты и офицеры насиловали пятнадцатилетних девочек. В это время фашистские орды грабили советских людей, разоряли их жилища.

В это время фашистским грабителям и мародерам помогал назначенный ими комендант города Ельни Розалинский. Усердствовал в предательстве вернувшийся из Смоленска, где он скрывался многие годы под личиной бухгалтера, помещик Домбровский с женой. Эта пара достойных супругов уже предвкушала всю радость возвращения им родового имения под Ельней.

В это время в деревнях немцам помогали насиловать, грабить русских людей назначенные захватчиками старосты.

И вот всей этой фашистской нечисти здесь уже нет!

Красноармейцы собирают трофеи, закапывают трупы. Красноармейцы помогают жителям строить взорванные немцами мосты. Гром артиллерийской канонады доносится с запада за добрых два десятка

километров. Там доблестные части наши продолжают бить врага. Здесь, в освобожденных от гитлеровских бандитов местах, началась новая, полная напряженных трудов и усилий страница жизни. Более полусотни сел и деревень отбито у врага. А Ельня, вся ельнинская округа вошли накрепко в историю великой отечественной войны как места, где были ожесточенные бои и где наголову разбита целая армейская группировка немцев.

Ельня... Сюда после Смоленска ринулись фашистские орды. Главное немецкое командование тянулось к Ельне. Здесь, в этом старинном русском городе, сходились пути. Отсюда шли большаки на север, на северо-восток, на восток и юго-восток. Отсюда, из этого узла дорог, немцы думали развивать наступление, с тем чтобы двигаться и на Москву, и на юг.

Немецкое командование учитывало особый рельеф Ельнинского района. Окруженный командующими над прилегающей местностью высотами, покрытый лесными массивами, изрезанный оврагами и балками, Ельнинский район казался немцам особенно удобным для сосредоточения крупных воинских сил, для накапливания фашистских полчищ перед их прыжком к столице Советской страны.

Не жалея сил, устлав пути к Ельне трупами, залив их кровью своих солдат, фашистское командование добилось захвата Ельнинского района. Это было в июле месяце сорок первого года. Советское командование полностью разгадало все замыслы врага.

После вдумчивой подготовки и выработки плана действий наши войска перешли в наступление. Удар был рассчитан методично и точно. Нанесен

он был неотразимо. В первые же дни были разгромлены части 10-й танковой дивизии немцев. Наша дивизия, которой командовал энергичный и веселый украинец полковник Утвенко, растрепала и уничтожила полки 15-й дивизии немцев, захватив при этом тяжелые орудия, боеприпасы и пленных. К слову сказать, отбитые немецкие орудия были тут же обращены в сторону врага, и наши артиллеристы уничтожали немцев огнем немецких же орудий.

Умело и доблестно действовали части полковника Миронова, командиров Некрасова и Батракова. Немцы перешли к обороне. В их руках были командные высоты, где они создали крепкие узлы сопротивления. Они построили отличные окопы, ДЗОТы, проволочные заграждения. В их блиндажах были не только бревенчатые перекрытия, накаты и полутораметровые настилы земли, но и рельсовые перекрытия. Несмотря на все это, немцы несли огромные потери. Особенно велики были их потери от артиллерийского огня.

Я говорил с пленными. Они рассказывали, что советский артиллерийский огонь подавляет их морально, уничтожает в убежищах и укрытиях. Обер-ефрейтор Миттермайер из полка «Дейчланд» дивизии СС говорил мне, что из его отделения в девять человек убито семь человек, двое ранены и попали в плен.

Однако в эти дни немецкая группировка полностью не была еще разгромлена. У отдельных товарищей это вызвало недоумение. Они считали, что силы немцев в районе Ельни незначительны. Это было глубоким заблуждением. Главное командование немецкой армии, придававшее очень большое значение району Ельни как выгоднейшей позиции для дальнейшего наступления в глубь страны, стремилось любой ценой удержать в своих

руках этот район. Немецкое командование не жалело для этого жизни своих солдат и офицеров. Оно подтягивало в район Ельни все новые и новые дивизии, оно не считалось с тем, что по существу этот район оказался гигантской мясорубкой для немецких полков.

Дивизия за дивизией прошли здесь. Они появлялись, вводились в бой. На головы немецких солдат сыпался огненный дождь металла. Потрепанные дивизии отводились немецким командованием в тыл. И все-таки оно продолжало цепляться за район Ельни.

Наши доблестные части после короткой передышки, во время которой они привели себя в порядок, а немцы успокоились и считали, что все уже обошлось, — доблестные наши части с новыми силами ринулись на врага. Пехота, артиллерия, танки и авиация действовали согласованно, соревнуясь в стремлении уничтожать живую силу противника.

В первых числах сентября натиск наших войск усилился. К 4 сентября стало бесспорным, что разгромлены пехотные дивизии врага: 137-я, 178-я, 292-я, 268-я, 15-я, 17-я мотодивизия, дивизия СС. Но это еще не все. В результате упорных, настойчивых действий наших частей вся группировка немцев, являвшаяся по существу серьезной армейской группировкой, оказалась в полуокружении. Связь ее с тылом осуществлялась через узкое, не более восьми километров шириной, горло. И это горло простреливалось вдоль и поперек огнем нашей артиллерии. Это горло было устлано трупами немецких солдат.

Натиск все возрастал.

Дивизия товарища Утвенко прорвалась к окраине города. Дивизия товарища Миронова нависла угрозой над дорогой немцев в тыл. И немецкие дивизии, прошедшие с грабежами, разбоями и насилиями

города и поля Франции, Бельгии, Югославии и Греции, дрогнули под могучими советскими ударами!

В ночь на 5 сентября под покровом темноты, оставив обреченных на смерть автоматчиков и минометчиков для прикрытия, открыв яростный артиллерийский и минометный огонь по нашим стягивающим горло частям, немецкие войска в беспорядке и панике отступили.

В полях и перелесках ельнинской округи немцы оставили не закопанными несколько десятков тысяч трупов своих солдат и офицеров. Они успели увезти такое же количество раненых.

В боях под Ельней гитлеровским ордам был нанесен могучий удар.

«Правда», 10 сентября

КАЗАКИ

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Отсюда, с этого бугра с шапкой кустов, была видна вся окрестность.

Впереди тянулись болотистые низины, поросшие ольшаником и березняком. В зеленой листве кое-где прорывались золотисто-желтые отметки приближающейся осени. Но еще сильно грело августовское солнце.

На горизонте синела кромка леса. Справа и слева, словно ворота, замыкая низины, высились холмы. На них скучились избы деревень.

В низинах разведчики обнаружили лишь редкие заставы немецких автоматчиков. Но в обеих деревеньках были укрепленные узлы. Оборону этого участка нес батальон, усиленный артиллерией и минометами. Расстояние между высотками было около восьми километров, и низины простреливались в любом месте.

Полковник Доватор, командир казачьей группы, перехватил бинокль из правой руки в левую и опять стал всматриваться. Рядом с ним стоял командир дивизии комбриг Кондрат Мельник [1] — коренастый, с вьющимся русым чубом. Он тоже смотрел в бинокль — настороженно, зорко.

Командир дивизии полковник Плиев[1], подняв

[1] Ныне оба — генерал-майоры.

голову, прислушался. Очередь из немецкого автомата протрещала где-то совсем недалеко в кустах справа. Коноводы с лошадьми были в той стороне. Полковник Плиев взглянул на своего адъютанта. Тот бесшумно исчез в кустах...

«Ну и молодцы! Без слов действуют!» — с легкой и хорошей завистью подумал Доватор, а губы его дрогнули в усмешке. Он высоко оценил и настороженность Плиева, и это безмолвное понимание между ним и подчиненным. Плиев стоял, чуть выставив левую ногу, откинув широкие плечи. Смуглое лицо его с черными усиками и крупным с горбинкой носом было невозмутимо. Маузер, шашка в серебряной оправе висели на нем так, словно они были живыми членами его сухого и сильного тела.

«Но и тот тоже молодчина!» — Полковник Доватор глянул на Мельника. Это по совету Мельника они, выехав в командирскую разведку, поднялись сюда на бугор. Комбриг Мельник ориентировался на местности дьявольски хорошо. С каждым днем узнавая их, полковник Доватор относился к обоим со все возрастающим чувством симпатии и уважения.

Неделю тому назад Доватор вступил в командование казачьей группой. Маршал Советского Союза лично приказал ему возглавить рейд конницы в тыл немцев.

Неделю уже конная группа Доватора спускалась с севера на юг вдоль фронта, ведя разведку боем, всюду обнаруживая сильную немецкую оборону, закопанные в землю танки.

Доватор развил кипучую деятельность. Он спал по два-три часа в сутки. Он сам опрашивал разведчиков, на своем рослом гнедом жеребце вылетая в полки и эскадроны.

Среднего роста, жилистый и крепкий, он привлекал к себе казаков и командиров и лихой посадкой, и неиссякаемым весельем, и простотой.

Иной разведчик начинал чуточку преувеличивать...

— Подожди, товарищ, — останавливал его Доватор улыбаясь. — Я сам пятнадцать лет кавалерист, выкладывай все сначала, только начистоту!

И разведчик докладывал «начистоту», а потом говорил товарищам:

— Ух, и хитрый! И откуда такой взялся! Фамилия будто не казачья, а хитер — как столетний казарлюга. И пояс на нем — наборный, старинный.

Полюбили его и за внимание к мелким казачьим нуждам, и за то, что сам он любил лошадей и лошади сразу признавали его своим. Самые злые жеребцы, которые своих-то всадников подчас норовили куснуть да сбросить, под рукой Доватора становились покорными.

...Неделю двигалась вдоль фронта казачья группа. Полковник Доватор глубоко переживал это промедление. Маршал — сам, как он в шутку говорил, кавалерист душой и телом — возлагал на рейд большие надежды. Удача могла привести к крупному оперативному успеху на большом и важном участке фронта. Удача должна была опрокинуть все измышления горе-теоретиков, уже похоронивших конницу как боеспособный род оружия в современной войне.

Доватор очень хорошо знал, что и на его группу скептически посматривают эти теоретики. Они и ему говорили: «Ну, куда коннице сейчас до мотопехоты, танков, артиллерии? Да при первом же налете бомбардировщиков кавалерия так быстро расчленится, вот именно — расчленится, что ее потом за полмесяца не соберешь!»

— Ладно! Говорите! Дело покажет! — отвечал Доватор, не вступая в споры.

За эту неделю Доватор многое передумал. Он выбрасывал в разведку эскадроны, усиливая их

пулеметными тачанками и взводами артиллерии. И убедился, что в рейд ему не придется брать ни тачанок, ни пушек: в лесах и болотах они не пройдут, а будут только связывать... На марше, в походе по приказу Доватора были сделаны из простых строевых седел — вьючные под станковые пулеметы и минометы. Для перевозки боеприпасов и снаряжения — также на походе, на марше — были поделаны особые вьюки...

Сейчас, оглядывая с бугра местность, Доватор думал, что пробиваться в тыл здесь, в этом районе, будет нелегко. И все же он решил прорубать ворота для рейда именно здесь.

Оба укрепленных узла надо сковать, действуя в пешем строю. Дивизии должны — тоже в пешем строю — пройти в промежуток между деревеньками, а следом коноводы на галопе подадут коней. Весь успех зависел от внезапности прорыва. Пока движение группы проходило скрытно, хотя немцы уже знали о наличии кавалерии... Искать более благоприятных условий, оттягивать прорыв тоже становилось рискованным.

Доватор опустил руку с биноклем и повернулся к командирам:

— Будем прорываться здесь. Завтра на рассвете.

— Лучшего места не найти! — отозвался комбриг Мельник и лихо тряхнул светлорусым чубом. Плиев молча кивнул. Доватору было ясно, что оба комдива пришли к тому же решению, что и он.

— Дивизии ночью подтянем под самый нос противника.

НАКАНУНЕ

К вечеру по всей округе пал плотный сизый туман. Полковник Доватор, комиссар Федор Туликов, командиры и комиссары частей разошлись

в подразделения к казакам. В темноте они беседовали с бойцами.

В памяти казаков жарким видением пронеслись просторы родных кубанских степей, манящие цепи гор Кавказа, волнующая синяя дымка предгорий, ослепительно белые хаты станиц, милые лица близких. Тяжелой золотой волной льется под солнцем пшеница. Горят шапки подсолнухов. Могучим лесом поднялась и шумит кукуруза. На пастбищах — неисчислимые стада и табуны. Какие же силы у народа, который так преобразил и украсил лик родной земли! И вот всему этому, всей счастливой жизни советских людей угрожают мука и смерть от фашистских варваров...

— Не будет их власти вовеки веков! В самое пекло пойдем, но разобьем гада! — прошептал Георгий Криворотько.

Узловатая рука его застыла на эфесе тяжелого клинка, и эта рука вместе с эфесом словно отлиты из одного металла. Криворотько обошел своих друзей, земляков из станицы Вознесенской. Все они — девять человек — работали в одной бригаде, пахали плодородную землю. Все они попали в казачью часть.

Криворотько получил звание младшего лейтенанта уже здесь, на фронте. Он первым со своим взводом ринулся на врага, и первую пулю в фашистов пустил он. С головной походной заставой, в конном строю Криворотько влетел в одну деревеньку. Увидел на улице сотни полторы пехоты, подумал, что это наши, и подскакал с тремя казаками на тридцать метров. Немцы рассыпались, залегли, открыли огонь из автоматов. Криворотько на галопе отскочил назад за угол дома, скомандовал: «Слезай». Мгновенно спешившись, казаки стали стрелять. Первыми очередями из ручного пулемета

Криворотько расстрелял двенадцать немцев. Враги отхлынули.

— Получается! — Криворотько весело переглянулся со своим дружком Савиным. Они удобнее устроились в яме, куда вскочили с разбегу. Кони их стояли за избой, нетерпеливо переминаясь и клинышками настороживая уши.

Послышалось гудение автомобиля. Оглянувшись, Криворотько увидел легковую немецкую машину и резанул по ней из ручного пулемета. Пули гулко пробарабанили по металлическому кузову. Шофер и седоки грузными кулями осели на своих местах. Неуправляемая машина прокатилась еще с десяток метров и свалилась в канаву.

— Опять получается! — сказал Криворотько.

Через мгновение вдоль деревни с треском промчался мотоциклист. Криворотько в упор выстрелил в него. Уже мертвый, фашист на мотоцикле врезался в сруб колодца, свалился, и мотоцикл придавил его. К Криворотько подбежал казак, прерывисто сообщил:

— Немцы нас обходят, давайте отступать!

— Молчать! — гаркнул Криворотько. — Лезь на сарай, веди наблюдение.

Казак мгновенно вскарабкался под крышу сарая. Криворотько с друзьями продолжал бой. Казаки спокойно и деловито расстреляли восемь немецких автомобилей с фашистами и шесть мотоциклистов. Время от времени наблюдатель с сарая докладывал, что немцы продолжают окружать казаков. Когда очередь из немецкого автомата протрещала откуда-то сбоку, Криворотько принял решение отойти. Казаки по его приказанию один за другим проскакивали открытое, обстреливаемое немцами поле за деревней. Все они благополучно выбрались на опушку леса.

С острым интересом и сердечным теплом погля-

дывал Криворотько на боевых друзей, на полковника Доватора — быстрого и ловкого. Пошевеливал широкими плечами, переминался. На смуглое и грубоватое, словно вырубленное палашом из темного дуба лицо его набегала усмешка.

— Ой, и порубаю поутру фашистов!

В глубокой тьме казачьи полки подошли к рощицам вблизи линии фронта. Командиры подали команду:

— Слезай!

Казаки быстро, без шума спешились. Коноводы отвели коней в лесок. Грызлись и ржали жеребцы.

«Еще немцы услышат, — подумал Криворотько. — На такое дело надо бы жеребцов поменьше!»

ПРОРЫВ

На рассвете казаки вплотную подкрались к немецким укреплениям. Двигались молча, стиснув зубы, без единого выстрела, без единого звука. Туман был настолько густой, что в трех—пяти шагах люди, кусты были еле различимы. Ракеты немецких дозорных взлетали тусклыми шарами и таяли в молочной мгле.

Казаки бесшумно сняли дозорных врага. Но один успел поднять тревогу. Залаяли немецкие пулеметы и автоматы. Разрывы ручных гранат вспарывали туман, и слышались они глухо, словно из-под воды.

Вдруг раздалось звонкое казачье «ура». Казаки ринулись в окопы, действуя штыками. Немцы метнулись из окопов в деревни. Казаки ворвались за ними следом.

Тем временем головной 43-й полк передовыми эскадронами своими уже прошел по низинам линию фронта. Заставы немецких автоматчиков были разогнаны и истреблены. Младший лейтенант Кри-

воротько со своим взводом первым бросился на одну такую заставу.

— За родину! За Сталина — вперед!— крикнул он.

По низине стремились другие взводы, эскадроны, полки — всесокрушающая казачья лавина.

Немецкая оборона была прорвана. Отовсюду неслось могучее «ура», крики и вопли немцев. Командир немецкого батальона пытался было собрать разбегавшихся солдат и тут же был убит меткой казачьей пулей.

Наступал день. Туман рассеивался, свиваясь и клубясь. Каждая минута была дорога. Но ворота для конницы были уже пробиты.

Командир казачьей группы Доватор, уже прошедший линию фронта со своим штабом, отдал приказание. Тотчас же загремело:

— Коноводов сюда!

Лейтенант Леонид Нимков стрелой домчался по кустам к своему коню. Нимкову всего девятнадцать лет, а он уже помощник начальника штаба полка. Сейчас, при прорыве, на него возложена задача держать связь.

Вспрыгнув на коня, он с места поднял его в галоп. Коноводы в рощице затосковали было от тягостного ожиданья. Нимков прискакал и круто остановил вороного, даже присевшего на месте.

Через минуту коноводы на галопе понеслись за Нимковым.

Немцы, опомнившись, открыли с флангов сильный артиллерийский и минометный огонь. По низине — в ольшанике и березняке — вставали грязные кусты разрывов. Нимков на взмыленном горячем коне своем прорвался сквозь огонь к другой группе коноводов и тоже провел их через низины. Храпели кони, хлопьями летела пена, но все же — проскакали, примчались лихие кони к своим казакам.

В конном строю казачьи полки ринулись дальше в тыл врага, подобрав раненых и захватив убитых казаков. Далеко за линией фронта в лесу остановилась казачья группа полковника Доватора.

Подошли казаки, штурмовавшие деревни.

Тут были похоронены казаки, убитые в прорывном бою. Обнажив головы, отдали всадники последний долг товарищам. Тут же, в лесу, были оставлены раненые и охрана. Этих раненых — всех до одного! — через болота и чащу лесную вывел в наш тыл младший лейтенант Василий Буслов, скромный и веселый товарищ. Недавно мобилизованный в армию, он работал раньше секретарем райкома комсомола в Орджоникидзевском крае.

Командиры и политработники быстро привели в порядок казачьи части. Командование подытожило: группа уже в тылу врага, при прорыве разбит фашистский батальон, свои потери невелики.

Так начался рейд.

АТАКА В КОННОМ СТРОЮ

В течение дня казачья группа таилась в глубине леса. Немецкие «Мессершмитты» с пронзительным свистом и ревом проносились над самыми вершинами деревьев. Они разыскивали казаков, но тщетно: казаки умело маскировались.

И ночь казаки провели в этом лесу, в болоте, заняв круговую оборону, выставив сильное боевое охранение. Ночь эта прошла без сна. К утру второго дня полковник Доватор сосредоточил группу на опушке леса. Впереди, до следующего леса, на три километра лежало поле, ровное, открытое. В десятке метров вдоль опушки шла дорога. По ней двигались немецкие машины, мотоциклы. За дорогой виднелась деревенька, в ней были немцы.

Они могли сильно напакостить. Полковник Доватор принял решение: атаковать деревеньку одним казачьим полком в конном строю, смести противника; тем временем вся группа на галопе должна проскочить открытое поле.

Группа собралась вдоль опушки леса. Короткие минуты. Проверка готовности. Последние напутственные слова — о задаче, о долге. Короткая и сильная команда: «По коням!»

Полк, выскочив из леса, сразу рассыпался в лаву. Кони, храпя, просили повода. Из-под копыт летели, словно гранаты, комья земли. В деревеньке заметались немцы, затрещали очереди пулеметов и автоматов. Но уже засверкали синими молниями казачьи палаши. Земля гудела. От топота коней качались избы, звенели стекла окон.

Стремительной и неотразимой была эта атака в конном строю, беспощадной была казачья рубка: ни один немец не ушел.

А группа Доватора тем временем уже исчезла в лесу за открытым полем.

ВСТРЕЧИ

Дивизии казаков забирались все дальше и дальше в тыл врага. Вести о казаках на крыльях неслись впереди.

Всюду встречали казаков страшные следы немецких захватчиков. В деревне Ю. было развешано на стенах домов объявление:

> «Ввиду продолжающейся связи между жителями и советскими войсками все жители данного района должны быть эвакуированы в тыл оккупированной области.
>
> Все жители данной деревни должны к вечеру 21 августа двинуться в направлении «Дубровица»,

для их расположения предоставляется весь район западнее «Пречистое».

Разрешается брать с собой весь живой и мертвый инвентарь.

Каждый житель, оставшийся в данном районе до 22 августа (утра), подлежит смертной казни.

Командующий немецкими войсками».

У деревни Л. навстречу казачьей разведке выбежали жители. И у многих казаков дрогнуло сердце, когда увидели они крупные слезы радости русских людей, услышали рассказы о злодеяниях врага, о муках колхозников.

При въезде в деревню казаки увидели пять крестьян, повешенных на деревьях. Жители рассказали: около этой деревни был убит немецкий солдат. Немцы из двора во двор разграбили, разгромили всю деревню. Повесили они пятерых, не успевших, как другие, скрыться в лесу. Тела висели уже несколько суток — почерневшие, с закушенными в последней муке языками.

Полковник Доватор приказал всю дивизию Плиева, проходившую невдалеке, завернуть, пропустить через деревню.

В конном строю проходили казаки. У каждого цепенело сердце, ярой ненавистью пылали глаза. И руки сжимали оружие, и закалялась воля к беспощадной борьбе с врагом...

Разведчики поймали на дороге немецкого офицера. Он и пикнуть не успел, как его схватили. С завязанными глазами его доставили в штаб полковника Доватора.

— Откройте ему глаза!

Увидев усатых казаков в черных бурках, с шашками, немецкий офицер позеленел и задрожал.

Он рассказал, что в то утро, когда казаки прорвались, по тылам прокатилась паника;

— Сто тысяч казаков появились в нашем тылу!

Два немецких штаба немедленно сбежали на автомобилях далеко на запад. Немецкие офицеры бросались к населению, предлагали толстые пачки денег:

— Только выведите нас отсюда! Только спасите от казачьего окружения!.

Полковник Доватор умело и ловко использовал эту благоприятную обстановку.

По его приказу командиры дивизий держали в кулаке главные свои силы. Но отдельные разъезды и отряды мощностью до двух эскадронов перехватывали засадами магистрали и просеки, ловили и уничтожали врага.

Они удалялись на десятки километров. Нападали внезапно и внезапно исчезали. Они вели бои, но силы их не таяли, а прибывали. К казакам приходили партизаны, военнослужащие Красной Армии, выходившие с запада, из окружения.

Полковник Доватор сформировал из этих людей особый пеший отряд. Этот отряд отлично дрался.

Вскоре в руки Доватора попал другой приказ немецкого командования. В этом приказе говорилось, что действительно в тыл немецких войск прорвалась казачья группа. Но в ней не сто тысяч, а всего три дивизии, то есть восемнадцать тысяч казаков.

В походном штабе группы казаки так хохотали, что кони встревожились, запрядали ушами, дико заплясали на ременных чумбурах.

На другой день после тщательной разведки полковник Доватор провел два полка в конном строю по магистрали на Смоленск. Движение колонны было обеспечено усиленным боевым охранением. Казаки с громкими песнями и звонким присвистом прошли с десяток километров и... опять исчезли. Тщетно кружились потом в этом районе

немецкие самолеты. Зато молва о ста тысячах казаков с новой силой понеслась по округе.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

До этой войны Иван Васильевич Иванкин работал в городе Грозном. Он был преподавателем военного дела в средних школах. Строгий, он излагал свой предмет, словно выкрикивал команду. Рука его взлетала и ловко подкручивала светлые усы.

Его слушали внимательно, его уважали, и он старался. Но душою, сердцем — он был в армии. Он пошел в армию шестнадцатилетним юношей, в суровом восемнадцатом году. Демобилизовался в 1933 году.

Когда его призвали из запаса, он расцвел душой. В рейд он пошел командиром эскадрона. И здесь, неожиданно для него самого, в нем проснулся страстный педагог.

Командир полка приказал Иванкину выброситься с эскадроном на тридцать километров, в засаду у перекрестка лесных дорог, и действовать в пешем строю. Старший лейтенант Иванкин вскоре был уже со своими казаками на месте. Он обошел весь район.

Одна дорога шла к фронту и была сильно накатана. С краю тянулся черный четырехжильный провод; его Иванкин сам разрубил, смотал метров пятьдесят и закопал в землю. Вдоль этой дороги Иванкин и расположил в кустах казаков, группами по десять человек.

Оглядывая по очереди всех серыми глазами, он растолковал казакам:

— Обратите внимание: такой порядок расчленения позволит нам сразу захватить колонну в пятнадцать машин.

Вечером за поворотом затрещал мотоцикл. Казачья граната разорвалась прямо в прицепной коляске. Всплеснулось пламя.

— Нет чтобы подстрелить фашиста! — недовольно говорил старший лейтенант. — Может быть, он документы вез, а тут — одни каблуки остались!

Через четверть часа казаки забросали гранатами две грузовых машины с боеприпасами. И сами еще успели отползти в лес. Машины горели, снаряды рвались до полуночи. В темноте стволы деревьев виднелись, словно облитые дымящейся кровью.

Иванкин отодвинул группы своих казаков вправо и влево метров на двести, за повороты. И казаки вскоре подорвали полевую радиостанцию немцев, оборудованную в автобусе.

Ночью же захватили легковую машину с офицером. Полевая сумка его была набита картами и документами.

На рассвете к перекрестку подошли броневики и грузовики с солдатами.

Старший лейтенант Иванкин потеснее расположил казаков. Гранаты были на исходе. Силы — явно неравные.

— Бить только наверняка!

В броневики и в грузовики с солдатами полетели смертоносные гранаты, засвистели пули. Взрывы, дикие крики, проклятья. И снова взрывы...

Подоспели еще грузовики. Немецкие солдаты стали наступать от поворота, но Иванкина и след простыл. Он повел своих казаков чащей и буреломом. Двое суток шли казаки, питаясь ягодами, незрелыми лесными орехами. И вышли к своим.

— Понятно, как надо действовать? — поучал Иванкин своих казаков. — Внезапный удар, другой, третий. А потом исчезай, чтобы никакая сила

тебя не нашла! И опять налетай, бей, как сокол, и опять исчезай!

Полковник Доватор подробно расспросил Иванкина и объявил благодарность от лица службы.

— Служу Советскому Союзу! — крикнул Иванкин на весь лес, и усталое лицо его запылало от радости.

— Теперь-то как раз и придется послужить! — И полковник Доватор тотчас поставил Иванкину более ответственную задачу и подчинил ему еще две группы казаков.

На рассвете Иванкин со своей группой захватил деревни К. и Г., расстреляв и вырубив взвод немецкой пехоты. Через деревни шли три линии связи: телефон, телеграф и четырехжильный провод немецкого командования.

— Мы им сейчас вызов устроим, — усмехнулся в светлые усы Иванкин. — Рубите, хлопцы, столбы! Валите завалы!

Казаки быстро срубили и спилили добытыми в деревнях пилами столбы, навалили завалы, опутали проводами.

Иванкин расположил взвод казаков в засаду в деревне Г., а сам разместился в К.

— Скоро будут гости! — посмеивался он. — Придется же им такое безобразие разобрать: вся их связь разом отказала!

Ждать пришлось недолго. На бугре показались автомобили. Взвод казаков обстрелял врага у деревни Г. С автомобилей соскочила целая рота фашистов. Немцы открыли по деревне пулеметный огонь, стали охватывать ее с двух сторон. Взвод казаков отошел к Иванкину. Немцы, захватив деревню, стали из пулеметов обстреливать казаков с чердаков, из сараев.

Пробрав комвзвода Ткаченко за отступление, Иванкин приказал ему подползти к деревне ба-

лочкой, потом огородами и зажечь сараи. Тот пополз.

Из-за угла дома Иванкин следил, волнуясь, как комвзвода Ткаченко, не замеченный противником, добрался до сараев и зажег сначала один, потом другой. Сараи, набитые сеном, запылали. Густой дым застилал деревню.

— Великолепная завеса! Сейчас только и наступать! — поучительно произнес Иванкин. — Товарищи казаки, вперед!

Казаки молча подобрались к деревне тем же путем, каким двигался Ткаченко.

Иванкин был впереди казаков. Когда они поравнялись с горевшими сараями, голосисто скомандовал:

— Первый полк вправо! Второй полк влево! Вперед! Ура!

Казаки с ревом бросились в деревню. Казак Попов забежал за дом и кинулся сзади на немецкого пулеметчика. Прикладом он выбил из него дух. Схватил пулемет, повернул и ударил по немцам. Те удирали куда попало. Так, на бегу, и умирали они — где кого догнала казачья пуля: кто на грядках картошки, кто падая с забора, кто свалившись на улице. Трех офицеров, полсотни немцев убили казаки.

— Сжечь машины! — приказал Иванкин.

И не стал смотреть, как загорелись автомобили, полные проводов, аппаратов и инструментов. Жалко стало добра. Однако тринадцать катушек кабеля казаки все же захватили с собой.

— Поняли, как надо действовать? — поучал казаков Иванкин. — Смело, лихо. Вот так, как вы действовали. Необычайно хорошо. Так надо действовать всегда!

Он среднего роста, сухощавый. И лицо его тоже узкое и худое. Но в карих глазах так и скачет, бьется лукавое веселье. Крепкие, крупные зубы блестят в озорной ухмылке. В эскадроне старшего лейтенанта Петра Алексеевича Ткача всегда весело — и во время передышки, на привале, и в бою.

Эскадрон Ткача не только веселый, но и удачливый. За все время боев лишь двое убитых и двое раненых. А водил свой эскадрон Ткач почти на сто километров в тыл врага. Уничтожил эскадрон Ткача несколько танков, вырубил и расстрелял не одну сотню немцев. Понятно, что для командования эскадроном у старшего лейтенанта Ткача было, помимо веселого нрава, и боевое уменье, и личное бесстрашие, и горячее сердце советского человека.

Было так: эскадрону предстояло выбить в пешем строю немцев из окопов на опушке леса. Ткач бросил один взвод прямо на противника, а с остальными прошел в обход, ударил с фланга, по-пластунски пробравшись ложбинками.

— Вперед! — скомандовал Ткач. Он первым вскочил в лес и тотчас же упал за деревом. Рыжеусый фельдфебель был недалеко, но гранату он бросил неумело, и она не причинила вреда. За мгновенье до этого красноармеец Михаил Ступаков, комсомолец, колхозник станицы Вознесенской, метнул свою гранату, видя, что командиру Ткачу грозит смертельная опасность. Вот этой-то гранаты испугался и свою недобросил до Ткача немецкий фельдфебель.

Зато граната, брошенная Ткачом, разнесла немецкий станковый пулемет со всем его расчетом и рыжеусым фельдфебелем.

— Молодчага! За мной! — крикнул Ткач и ринулся вперед.

Немцы были выбиты.

На другой день эскадрон уходил в конном строю из-под огня броневиков врага. Конь бойца Винокурова поскользнулся на мокрой траве, упал в канаву. Винокуров не выпустил повода, кубарем вылетев из седла. Но, вскочив вместе со своим конем, он никак не мог сесть в седло: разгоряченный конь плясал и метался под вражескими пулями. Ткач поднял своего коня на дыбы, крутнул его на месте и послал галопом к Винокурову. Он помог бойцу попасть в седло, и они благополучно ускакали.

В другом месте эскадрон Ткача действовал самостоятельно, на большом удалении от главных сил группы. Немцы стянули сюда свои броневики. За ночь Ткач оторвался от врага. Зная, что поутру броневики могут появиться вновь, Ткач пустился на хитрость. Заправив бензином найденный на дороге трактор, он приказал завести его и водить неподалеку от деревни, в которой были немцы. Трактор усердно загудел, загрохотал гусеницами. Вскоре выставленные Ткачом наблюдатели доложили, что немцы расставляют мины вокруг деревни.

Ткач довольно ухмыльнулся и вывел свой эскадрон вправо в лес.

Утром, преследуя казаков по дороге, пришли немецкие броневики. Казаки с восторгом наблюдали, как первая немецкая машина взорвалась, наскочив на немецкую же мину.

Казаки смеялись.

Несколько дней спустя казаки сидели в засаде на большаке. Ожидался мотоцикл с штабным офицером. Ждать пришлось недолго. Из-за поворота послышался стрекот.

— Приготовь гранату! — приказал бойцу Ткач.

— Есть приготовить гранату!

Мотоцикл полным ходом проскочил мимо каза-

ков. Боец метнул гранату и... на какое-то мгновенье опоздал. Граната взорвалась позади мотоцикла. Вслед за взрывом не стало слышно ни раздосадованных возгласов казаков, ни стрекота удалявшегося мотоцикла. Карие глаза Ткача изумленно распахнулись. Ткач увидел, как немецкий офицер, ухватив себя за сидение, невероятно широко разинул рот, и на всю дорогу только и слышался неистовый и отчаянный его вопль:

— А-а!

И тут Ткач, а за ним и все казаки загрохотали смехом. Долго потом стоило кому-нибудь раскрыть рот и протянуть: «А-а!», как казаки отзывались неудержимым раскатистым хохотом.

И Ткач смеялся громче всех.

ПОЛИТРУК БОРИСАЙКО

Командира эскадрона Ткача дополнял, поддерживая, а когда надо и поправляя, политрук Борисайко.

Очень спокойный, вдумчивый взгляд, открытое лицо и русые пряди волос на лбу и грудной голос — все вызывало чувство симпатии к этому человеку.

Александр Ефимович Борисайко, 1913 года рождения, работал до армии инструктором райкома партии. Его первое боевое крещение было всего недели за две до рейда. Эскадрон, заняв окраину деревни, ночью прикрывал марш своей части. Немцы обнаружили движение. Они открыли огонь трассирующими снарядами. Это было очень красиво и жутко, когда снаряды, свистя и светясь красноватым светом, во всех направлениях распарывали темноту. На рассвете немецкие бронемашины пошли в атаку. Политрук Борисайко быстро обошел казаков, проверил боеготовность, подбодрил их. Немецкие бронемашины, извергая огонь из пуле-

метов, приближались. Вот первый броневик поравнялся с ямой, в которой находился Борисайко. С возгласом «Вперед!» Борисайко выскочил и подорвал бронемашину связкой гранат. Противотанковая пушка расстреляла другой броневик. Остальные машины повернули назад.

Командир эскадрона Ткач и казаки горячо приветствовали своего политрука. С тех пор он стал дорогим и близким. И так уж повелось в эскадроне, что к политруку шли с самыми задушевными думами, сердечными признаниями, а в жарких схватках бойцы оглядывались на него, брали с него пример. В одной разведке Борисайко под проливным пулеметным огнем сам вынес с поля боя раненых товарищей.

Каждый день, в сумерках, а то и в глубокой темноте, в эскадроне подводились итоги боевых действий. Командир эскадрона и политрук говорили крепкое слово похвалы и одобрения отличившимся бесстрашием и боевыми своими действиями казакам. Здесь же критиковали, не давая спуска, бойцов, которые действовали не так, как должно.

Политрук Борисайко сплотил коммунистов, коммунисты входили в разведывательные отряды, в поисковые группы. И везде они показывали пример мужества и отваги в бою. За все время рейда политрук Борисайко работал без устали, удивляя казаков своей выносливостью.

Вспоминая про дни рейда, каждый казак начинал рассказ словами про своего политрука:

— А наш политрук Борисайко зажег сразу два танка!

Эскадрон оседлал большак, перехватив его засадами. Разведка донесла о появлении трех танков. Командир эскадрона Ткач приказал немедленно срубить завал на большаке. Танки на

большой скорости проскочили к завалу и стали поворачивать назад.

Комэск Ткач скомандовал:

— ПТО, к бою!

Политрук Борисайко со связками гранат и зажигательными бутылками проскользнул за ствол огромной сосны, в двух метрах от дороги. Танк поравнялся с этой сосной. Борисайко метнул бутылку в моторную группу. Разлетелись осколки бутылки. Танк запылал. Подошел второй танк. Так же хладнокровно политрук Борисайко метнул во второй танк бутылку, затем связку гранат. Вспыхнуло пламя. Открылся люк на башне танка. Два немца выбросились на землю. Политрук Борисайко невозмутимо, стоя за сосной, уничтожил фашистов гранатой. В этот миг третий немецкий танк обогнал горящие танки. На лице у политрука Борисайко — досада: нехватило одной зажигательной бутылки, а то бы и этот танк не ушел!

МОЛЧУН

И командир эскадрона Ткач и политрук Борисайко не раз пытались разговориться с красноармейцем Михаилом Ступаковым. Тот отмалчивался. Смотрел карими блестящими глазами, улыбался сдержанно и молчал. Так его и прозвали «Молчун».

Он спас жизнь Ткачу, вместе с другими казаками захватил броневик и мотоцикл фашистов.

Однажды эскадрон был отрезан немцами. Надо было пробиваться, но сил нехватало. Ткач и Борисайко решили просить командира полка о выручке. Надо послать донесение. А была ночь — темная, дождливая. До полка — тридцать километров, путь через стан врага. Кого послать?

Ткач перебрал в уме всех казаков, вспомнил Ступакова.

— Молчуна послать!

Ступаков взял донесение, вскочил на коня и пропал в темноте. Он прекрасно помнил дорогу и уверенно направлял коня вдоль лесных опушек, в обход деревень, занятых немцами. Он шептал, рассказывая себе, где он сейчас находится и что будет дальше.

Только раз он сбился — это было за топкой балочкой. Но он вернулся в топь, вспомнил и дальше уже не сбивался. Остаток пути он двигался по азимуту.

Выручка пришла во-время. Ступакова казаки хвалили, благодарили от души и расспрашивали:

— Да как же ты пробрался? Ночь, страх, немцы!..

Ступаков улыбался, потом сказал:

— Приказ выполнил в срок и своевременно!

И умолк. Казаки стали ругаться. Но тут вступился командир эскадрона:

— Вы не трожьте его! Пусть молчит. Когда он рядом со мной в бою молчит, мне никакой чорт не страшен.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Допекли немцев казаки. В штабе полковника Доватора счет уничтоженным немцам перевалил за три тысячи. Захваченные немецкие документы везли уже мешками, набитыми туго-натуго. Казачьи заставы на дорогах парализовали движение. Немецкое командование бросило против казаков целую карательную экспедицию — дивизию пехоты, броневики, танки, самолеты.

Кони казачьи вымотались, пристали. И сами казаки устали. А враг наседал со всех сторон. Дивизия комбрига Мельника была прижата двадцатью шестью броневиками. Партизан, местный

житель, старик семидесяти лет, провел казаков под носом у врага. По грудь в топких мхах шли казаки, тащили на себе седла: усталые кони даже седел не могли нести. Полковник Доватор принял решение: вывести группу через линию фронта к своим. Предстояло опять прорубать ворота через немецкие укрепления. Но где их прорубать? На хвосте у казачьей группы — преследователи. На линии фронта немцы тоже ждали казаков...

Полковник Доватор решил пробиваться старым следом. Он проникновенно разгадал и точно рассчитал: вряд ли немцы допустят мысль, что он пойдет старой дорогой. Конечно, и там они приняли меры для перехвата казаков. Но такие же меры приняты ими и на других, на всех участках фронта. Лучше пробиваться знакомым путем. Прикрывшись эскадронами, которые держали огневую связь с противником, полковник Доватор с главными силами, ночными маршами, лесными трущобами и болотами, вышел к линии фронта.

Здесь, в лесу, присоединились к группе арьергардные эскадроны...

Лейтенант Нимков был послан в разведку. Ночью он прополз с двумя казаками через немецкие окопы. Их обнаружил немец, подскочил к ним. Боец запорол его кинжалом.

Лейтенант Нимков с казаками вскочил в немецкий окоп. У немцев поднялась паника, беспорядочная стрельба. Казаки в этой неразберихе проскользнули обратно к своим. Нимков доложил полковнику Доватору, что полем итти опасно, можно итти только лесом.

Полковник Доватор решил пробиваться лесом, несмотря на то, что в лесу вырублена просека шириною более ста метров, а по обеим сторонам этой просеки — завалы. Это тоже установила раз-

ведка. Было опасение, что завалы минированы. Но иного пути не виделось.

На завалы были посланы смелые из смелых, и среди них первыми — Нимков, Иванкин и другие.

Под многослойным огнем из немецких ДЗОТов, вдоль просеки, смельчаки разведали и разобрали завалы. Кипел ожесточенный бой. Немцы бросались в яростные контратаки. Они заходили с тыла. Но казачью группу прикрывали тоже смелые из смелых. Криворотько сбил с деревьев двух немецких «кукушек», третью сбил казак Федоров.

К немцам прибывали новые силы. И тогда полковник Доватор вместе со всеми командирами повел казаков в последнюю и решительную атаку.

— За родину! За Сталина! Ура! — гремело и перекатывалось в лесу.

Немцы были разбиты, отброшены. Фашистские трупы устилали просеку, завалы, лес.

Казаки пробились к своим. Раненный в ногу, лейтенант Гончаров просил товарищей пристрелить его. Командир отделения Костомаров сурово и нежно сказал лейтенанту:

— Погибну с вами или спасу.

Ни один раненый не остался у немцев, всех казаки вынесли с собой.

Пробившись, уже за своей линией фронта, казаки обнимались. И первое казачье слово — это было слово привета родине, советскому народу, далеким и милым станицам, великому родному Сталину.

НОЧНАЯ АТАКА

1

В 7 часов 30 минут утра на наблюдательный пункт привозят личный приказ командира соединения:

— Взять высоту Н.

— Есть взять высоту Н., — отвечает Шитов и берется за бинокль.

Невысокого роста, плотный, румяный и сероглазый, обычно словоохотливый, сейчас Шитов — напряженное внимание.

Впереди простирается просторная равнина полегшей, потоптанной ржи, бурой от осенней непогоды. Высота Н. — это длинный, вроде языка, гребень вдоль линии фронта. Стекла бинокля приближают гребень, до которого и так меньше километра. Отчетливо видны немецкие блиндажи, брустверы окопов. Справа высота скатывается в огромный овраг. Слева виднеется березовая роща со ржавой от огня пожаров листвой. Прямо за высотой Н. — глубокая долина, речка. Еще дальше к серому горизонту волнами уходят другие гребни и высотки. Кто занимает высоту Н., тот держит в руках подходы с запада, просматривает всю равнину на восток.

Высота командует над округой. Немцы там сильно укрепились.

В тех блиндажах — амбразуры на два пулемета, сверху — бревна в четыре наката, толстый слой

земли. По сути, это — ДЗОТы. Между блиндажами и впереди них отрыты окопы на два-три автоматчика каждый. А еще ближе к нам — невидимые укрытые норы «кукушек». И пулеметы, и автоматчики, и «кукушки»... Собственно, удивляться нечему. Шитов по опыту знает: и наступая и обороняясь, фашисты в первую очередь «седлают» высоты и укрепляют их. Так было и в августовские дни там, на подступах к Ельне. В руках у немцев были все господствующие высоты. За те высоты шли многодневные жестокие бои. Захват высот решил дело: немцы покатились прочь.

Ельня... Июльские бои. Серые глаза Шитова загораются. Он со своей частью первый принял натиск танков генерала Гудериана. Его выручили тогда блиндажи. Бойцы постарались: выстроили целые городки под землей, а сверху превосходно замаскировали их.

19 июля утром танки врага перешли в наступление. Вскоре командир взвода ПТО Князев зажег шесть танков. Легкий артиллерийский полк расстрелял в тот день пятнадцать танков и рассеял остальные.

Немецкие танки прорвались к вечеру на участке соседа. Восемнадцать танков окружили командный пункт Шитова. Один танк стоял своей громадой на блиндаже самого Шитова. Дрожал накат, осыпалась земля. В амбразуры били снаряды и гранаты. В ходах сообщения образовались завалы. Шитов с командирами и бойцами укрывались в блиндаже связи, который был в центре командного пункта, и в отсеках.

В вытяжную трубу упали, грохнули еще две гранаты. Шитов почуял острый запах жареного лука.

— Газы! — скомандовал он.

Все надели противогазы. Адъютант Шитова Фат-

таев встал у амбразуры. Там, на воле, было солнце, синее небо, травы. Заслоняя горизонт, стояли темносерые танки. Негромко работали моторы, из выхлопных труб вылетал дымок. Голову Фаттаева обтекала, вытягиваясь в амбразуру, пелена гари. У другой амбразуры стоял красноармеец Кемалов, у третьей — младший лейтенант Рыкун.

Из танков вылезли два немецких офицера. Они были в серых комбинезонах, в кожаных шлемах.

Младший лейтенант Рыкун подпустил их к своей амбразуре на десять шагов. И расстрелял одного, затем другого.

Все танки открыли бешеный огонь по блиндажам. Непрерывно дрожала земля. Завалились крайние блиндажи. Из отсеков люди ползком пробирались в центральный блиндаж к Шитову. Кто-то сдернул маску, вздохнул. Ничего. Тогда все сняли противогазы. К Шитову прижался молоденький красноармеец.

— Погибаем, товарищ командир! — прошептал он.

— Нет, товарищ боец! Все дома будем. Наверняка! — тоже шопотом подбодрил его Шитов.

Снова в блиндаже наступило молчание. Сквозь узкие щели амбразур прорывались полосы света, — невыразимо печального вечернего света. Из хода сообщения послышался шорох. Кто-то двигался к блиндажу. Люди взялись за оружие.

— Кто там? — вполголоса спросил Шитов.

— Господа офицеры, не убивайте, я ваш. Господом богом клянусь — я ваш!

— Гадина! — вскрикнул молоденький красноармеец.

— Молчание! — резким шопотом приказал Шитов.

К ходу сообщения метнулись, мешая друг другу, люди. Хекнул удар. Короткий стон. Яростные

вздохи. Глухие удары, словно выколачивали ковер. Возня. Снова удары. Не было сказано ни слова. Люди разошлись по блиндажу.

— Кто же это был? — прошептал кто-то.

— Предатель. Враг народа.

Красноармеец Кемалов взмахнул рукой от своей амбразуры:

— Тише! Офицер идет!

Молчание. Вдруг послышался голос, чистые русские слова:

— Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь.

— Получай сдачу! — крикнул Кемалов и убил немецкого офицера. Он упал, исчезнув из поля зрения Кемалова. Тот вскрикнул: — Танки отходят!

— Спокойно, товарищи! — громко сказал Шитов.

Загремели пушки танков, опять задрожала земля, все заходило ходуном. Молоденький красноармеец сказал что-то Шитову, тронув его за руку, но тот не услышал его из-за гула и грохота. И все-таки центральный блиндаж устоял.

«Спасибо красноармейцам, вот это построили блиндаж так блиндаж, — подумал Шитов. — Настоящая крепость!»

Гул и грохот нарастали. Люди прижались друг к другу, — все-таки легче.

Прошла вечность, пока обстрел прекратился.

Там, снаружи, наступал вечер

— Что же делать? Погибать? — тихо спросил у Шитова лейтенант Смирнов. — Разрешите мне за помощью сходить, товарищ командир.

— Идите! Сходите в четвертую роту. Смотрите — осторожнее!

— Есть, товарищ командир.

Они крепко-накрепко пожали руки друг другу. Смирнов ушел в ход сообщения. Он руками разгреб

завал. Из хода сообщения упал свет. Лейтенант Смирнов выбрался наверх. И там очередь из пулемета с танка перерезала его...

Здесь выхода не было...

Шитов снова почувствовал, как прильнул к нему дрожащий красноармеец. И самого его вдруг пробила мерзкая дрожь. Но он овладел собой.

— Товарищи! В плен не сдаваться! Будем драться. Документы все немедленно сжечь.

— А дым? — спросил кто-то.

— Документы немедленно сжечь! — резко повторил Шитов и бодро прибавил: — Все равно мы их обведем. Как миленьких. Обведем. И перцу зададим.

В глубоком отсеке запылали бумаги. Едкий дым застлал весь блиндаж.

— Не кашлять! Расстреляю кашлюна! — сказал Шитов, а самого дым душил, обдирал глотку, легкие.

Горели бумаги. Все гуще стлался дым. Люди старались прижать головы книзу, к самой земле. Слышалось тяжелое дыхание. Потом наверху забухали шаги. Враги молча постояли. Ушли. Вернулись. Опять стали слушать. В блиндаже было тихо. Наверху зазвучала немецкая лающая речь. Немцы ушли совсем.

Загудели моторы, и танки двинулись. Потом, уже ночью, младший лейтенант Рыкун ходил в разведку. Немцы отошли к шоссе. Шитов скомандовал:

— По одному за мной! На животах.

Всех до одного вывел тогда Шитов. В его группе было четырнадцать казахов, не умевших плавать, а надо было переправиться через Десну. Шитов приказал всем, у кого были, снять обмотки и свить канат. Держась за этот канат, перетянутый через реку, перебрались на ту сторону казахи, оружие они держали в левой руке...

2

«Выручили тогда блиндажи! — думает Шитов, глядя в бинокль.—Но и немецкие на высоте брать будет нелегко. Это с первого взгляда кажется, что до них рукой подать. А ведь там наверняка все пристреляно, огонь в три и четыре слоя...»

Из глубины еловой рощи за речкой бьют немецкие минометы. В воздухе — вой. Черные клубы, резкие разрывы, взвизги осколков. Все это привычно.

Проходит час, другой. Командир Шитов опускает бинокль. Приказ командира дивизии будет выполнен. Артиллерия. Методический огонь. Блиндажи расколоть один за другим. Пехота уничтожает живую силу, овладевает высотой.

Решение принято. Теперь надо действовать, не теряя ни минуты.

Вокруг командира все закипает.

Командирам стрелковых подразделений поставлена задача: в 12.00 атаковать и захватить высоту.

— До каждого бойца довести, как подходить и выбивать немцев из окопов и блиндажей. Чтобы в лоб дуром не лезли! — с нажимом говорит Шитов.

К соседу слева он посылает командира штаба с просьбой поддержать наступающих огнем и активными действиями в направлении березовой рощи — вероятного пути отхода немцев.

Шитов вызывает на свой наблюдательный пункт командира артдивизиона капитана Полехина и командира минометной батареи младшего лейтенанта Мартыненко. Объясняет им положение и ставит задачу.

Начинается артиллерийская работа. Гремят орудия, мчатся снаряды и мины. Шитов видит, как облачко закрывает блиндаж, взлетают бревна, щепки.

Один за другим уничтожаются блиндажи и окопы врага. Их еще немало, и Шитов нажимает на артиллеристов:

— Давайте, давайте еще огоньку!

Но и противник не молчит. Его мины рвутся на равнине перед высотой. Его снаряды воют над наблюдательным пунктом командира Шитова. Шитов приказывает подавить артиллерию врага. Бой разгорается.

3

Стрелковые подразделения продвинулись и лежат на скатах высоты Н., в бурой перестоявшей траве, в грядках картофеля. До немецких окопов — сто с небольшим метров.

Младший лейтенант Кутепов, командир 4-й роты, часто поглядывает на часы. Скорее бы 12.00. Он только что вернулся вот сюда, в эту ямку; ползал по взводам, не показываясь над травой и ботвой картошки. Бойцы очень напряжены. Немцы обстреливают скаты из минометов. Уже есть потери. Тяжело слышать стон товарища. Но впереди — атака!.. А ему, командиру роты, разве легко сейчас? Наша артиллерия бьет хорошо. А если оживут огневые точки врага к началу атаки? Откроют огонь. Да. Откроют огонь. Сыпанет очередь. Перережет. Убьет. Немцы меня хотят убить. Как это убить? Я жить хочу! Какая же прекрасная была у нас до войны жизнь! Ценить мы ее по-настоящему не умели. Убить! Да у меня сейчас в глазах темнеет от злости на всех этих немцев. Рожь-то вон не скошена, полегла, пропадает. Дома, в колхозе под Челябинском, уж и озимку посеяли, наверное. Как они там обходятся?

Какая же прекрасная была жизнь! Меня убить? Нас убить? Нет! Я тебя вперед убью. Мы вас всех

вперед перебьем! Только так и в живых-то можно остаться!.. Ну да, разметать в клочья всех фашистов, сволочей! Своего лба даром не подставить.

Кутепов был налит злобой к врагу. Да я вам, подлецам, никого под огонь не подставлю. Надо так быстро пробежать до блиндажей, чтобы и опомниться немцы не успели. А там — давай, кроши! И поглядывай. Нет, в один мах не пробежишь, немцы из пулеметов подловят. Да и запыхаешься. Добежишь, а силы-то и нет. Надо перебежками. Две, а то три перебежки. Ну, вот и время.

— Приготовиться! Проверить, дозарядить винтовки. Гранаты! — командует Кутепов.

Бойцы проверяют оружие. Земляк Кутепова красноармеец Николай Томилов проворно выполняет приказание и ревностно глядит на соседей — управились ли они.

Артиллерия перенесла огонь в глубину врага.

— Встать! За мной!

Кутепов, вскочив, бежит вперед. Рядом с ним бежит Томилов. Оглянувшись, он видит, что кое-кто еще задержался. Он кричит им страстно, из самой глубины души:

— За родину, за Сталина! Вперед!

И те бросаются следом.

Над головой Кутепова хлестнули пули. Другая очередь легла впереди, просекла сухие былинки. Третья — прошла на уровне живота... Но Кутепов за мгновенье упал и, быстро работая локтями и носками, переполз на десяток шагов вперед.

Вся рота залегла и ползет вслед за командиром.

Воют мины. Они рвутся там, откуда рота поднялась в атаку. Красноармеец Томилов слышит стон. Жалость и досада охватывают его.

— Сколько раз говорить, чтобы не отставали! По отсталым-то и бьют!

Красноармеец Баталов лежит в густой заросли осота. С каждым ударом мины он рывком подается вперед. Осот трещит. На лице у Баталова — царапины от колючек. Соседи, поглядывая на него, вдруг начинают смеяться. Он уже прополз осот, вся шинель в колючках, позади — все примято, целая тропа.

Кутепов вновь поднимает роту. Опять отчаянный бег. Немцы ведут жестокий огонь. Падают, остаются лежать боевые товарищи: одни намертво, а раненые тотчас стараются отползти в какое-нибудь укрытие. Из маленького окопчика почти в упор стреляет немецкий автоматчик. Пули чиркают о каску Кутепова, он падает ничком, в голове все идет кругом. Автоматчик умолк: красноармеец Томилов, вскинув винтовку к плечу, убил его наповал. Рота опять залегает. Томилов подползает к Кутепову.

— Товарищ командир, товарищ командир, — зовет он его.

Кутепов приподнимает, поворачивая, голову. В серых глазах Томилова дрожат непролитые слезы:

— А я испугался, думал...

Кутепов молча и ласково шлепает его по плечу:

— Ты за меня не бойся, Коля! Я, брат, не поддамся. Я сейчас.

Он опускает на землю голову. Вот так хорошо. Прохладно. Сейчас все пройдет. Чего это зевается — не ко времени. Дела-делишки! Перед немецкими блиндажами спать захотелось. Ну, вот и проходит. Кончать надо это дело.

Кутепов поднимает голову. Выше. Над травой видна глинисто-бурая куча. Да ведь это же бруствер. Сейчас ворвемся. А Томилов-то — душа!

Кутепов оборачивается, улыбается земляку:

— Приготовиться! Передай!

Томилов оборачивается, говорит глухо:
— Приготовиться! Передай!
По траве летит от бойца к бойцу команда. Пора! Кутепов подбирает ноги и, помогая руками, мгновенно приподнимается. И он уже бежит, пригнувшись, с криком «ура-а».
Развороченный снарядами блиндаж. Полузасыпанный труп офицера. Вся голова в крови.
— Ура! — слышит Кутепов за собой.
— Ура!
Откуда это бьет автомат? Мимо Кутепова мелькнула граната, брошенная Томиловым. Автомат разбит. По ходу сообщения бежит, скрывается за поворотом немец. Будет бить из-за угла? Кутепов швыряет гранату. Не будешь бить из-за угла.
Ручной пулеметчик залег со своей машиной за бруствером.
— Да стреляй же! Вон, за бугром, снайпер. Томилов, ко мне!
Томилов прыгает в ход сообщения. Все бойцы в окопах и блиндажах. Ручной пулеметчик укрылся за бруствером. Стреляет снайпер. Пули срывают с бруствера горстки земли.
— Огонь! — кричит командир роты.
— Пулемет отказал.
— Подай его сюда! А вы что? Товарищи красноармейцы, окопаться!
Бойцы хватаются за лопатки. Летят комья земли. Кутепов подхватывает пулемет. В стволе — земля.
— Чудила!
Снайпер все стреляет. Присев, командир роты прочищает пулемет. Рвутся мины. Вдоль хода сообщения у поворота лежит красноармеец.
— Отрой окоп! — кричит ему командир роты.
Мина. Разрыв закрывает поворот. Красноармеец накрыт завалом.
— Томилов, выручай!

Тот отрывает бойца.

Пулемет прочищен. Командир роты проходит за поворот по ходу сообщения. Снайпер сейчас должен быть с левой стороны. Приподнявшись, командир видит темносерую каску, винтовку с оптическим прибором. Снайпер укрылся в другом разбитом блиндаже. Кутепов бьет по нему длинной очередью. Снайпер больше не будет стрелять.

Мина. Мины гремят кругом.

— Зарыться поглубже! — кричит Кутепов.

А гребень высоты еще впереди. Оттуда, из других — уцелевших — блиндажей хлещут пулеметы врага, молчавшие до этой поры.

Командир Шитов со своего наблюдательного пункта видит все: и перебежки, и последний бросок. Пехота действует героически, но дальше ей не пройти.

Неужели нельзя было хоть взводом просочиться в расположение врага и ударить с тыла?

Шитов принимает новое решение: стрелковым подразделениям закрепиться в захваченных окопах и блиндажах, снова обработать оборону врага артиллерийским и минометным огнем, уничтожить теперь обнаруженные точки врага. Атаковать и захватить высоту ночью!

4

До темноты командир Шитов управляет огнем артиллерии и минометов. Он долбит огневые точки на высоте, выкуривает врага. Наблюдатели восторженно отзываются на каждый меткий выстрел.

Немцы подбрасывают на высоту новые силы. Их артиллерийский и минометный огонь возрос. Сосед слева ведет беглый огонь по березовой роще и по селу за нею. Там замечено скопление немцев. Командир дивизии через каждый час вызывает Шитова к телефону.

— Мне эта высота нужна! — говорит он значительно.

Шитов хорошо понимает: высоту у немцев надо забрать, недаром они так стараются ее удержать.

Шитов вызывает на свой наблюдательный пункт командира артиллерийского полка. Сам он вместе с комиссаром в сумерках идет в стрелковый батальон.

— Четвертая рота Кутепова действовала хорошо. Если б пятая ударила во фланг немцам — вся высота была бы у нас! — говорит Шитов, вникая в обстановку по карте. Они сидят, согнувшись в три погибели, в тесном блиндаже. Командир батальона Соболев смущенно объясняет:

— В пятой роте командир молодой, только принял роту.

— Я буду здесь, а вы идите туда и лично организуйте атаку! — приказывает Шитов. — Ударьте с фланга. Бойцам скажите: Шитов с вами. Да «ура» чтобы до Смоленска было слышно!

Командир уходит со связными. Шитов, выйдя из блиндажа, говорит комиссару:

— Возьмем высоту — Михаилу Ивановичу Калинину письмо пошлем.

Михаилом Ивановичем Калининым было вручено красное революционное знамя полку за бои под Нарвой в 1921 году.

Идет холодная ветреная ночь. Мчатся низкие облака. Над немецким расположением то и дело взлетают ракеты. Белые, огромные, они бесконечно медленно снижаются, озаряя округу томительным, тревожным сиянием. Доносится злобно сухой перестук пулеметов и автоматов. Вдруг возникает плавная и быстрая дуга красных и голубых точек — это немцы стреляют трассирующими пулями.

— Вон со страха какую елку засветили! — говорит комиссар части.

Сдержанно звучит смех.

Командир четвертой роты Кутепов, получив новую боевую задачу лично от командира батальона, провожает его и возвращается в свой окоп.

Быстро обходит взводы, говорит с командиром и бойцами. Проверяет оружие, готовность. Красноармеец Томилов неотлучно сопровождает его.

Бойцы уже поели — Кутепов еще с вечера приказал истратить неприкосновенный запас.

Всем раненым уже оказана помощь. Санитар Черных перевязал и вынес с поля боя трех тяжело раненных, а санитар Петушин — десять человек. Оба успели вернуться. Они рассказали, что Информбюро в сводке сообщает об упорных боях на всем протяжении фронта, особенно на Ленинградском направлении.

Близится полночь. Немцы — чувствуют, что ли— бросают ракету за ракетой. Вдруг взлетает красная ракета — в нашу сторону. Это — вызов огня. Вскоре по направлению полета этой ракеты летят мины, потом видны отблески, слышны разрывы.

Все жадно вглядываются в сторону врага. Каждому предстоит пробежать до тех вон бугров, видных в свете ракет, — до немецких блиндажей. Надо миновать вон те черные пасти воронок.

Недалеко от Кутепова красноармеец рассказывает, видно, желая хоть этим облегчить себя:

— До чего хитрый враг! Минами отшибает. Как заметит перебежку, так отсекает минами. Мы вдвоем чуть отбежали, а он прямо перед нами кладет. Что делать? Наши уходят. Я говорю: «Айда прямо на мины, а то своих потеряли». — «Убьет!» — «Давай так: как она разорвется — мы вперед». Так и выскочили!

— Скорее бы наша артиллерия ударила! — сказал другой красноармеец со вздохом.

Снова — вспышки ракет, перестук пулеметов и автоматов, вой и грохот мин. Томление...

Полночь. На участке соседа разом грохочут наши орудия. Это — огневой налет на врага.

Кутепов выпрыгивает из окопа.

— За мной!

Рота быстро покидает окопы, ход сообщения. Со всех ног бегут за командиром бойцы. Взлетает ракета. Рота недвижно лежит на земле, пока не гаснет свет. Еще перебежка.

— Теперь последний бросок! — говорит Кутепов Томилову.

— Есть последний бросок.

Ракета снижается и гаснет.

— Вперед! Ура-а!

Вслед за командиром стремится вся рота. Немцы стреляют. Вспышки выстрелов рваным поясом обозначают вражеские укрепления. Николай Томилов с бега падает перед бруствером и швыряет две гранаты прямо в блиндаж. В отблесках разрывов ему видно, как выбегают немцы. И он опять швыряет гранату.

Откуда-то справа спереди — но там ведь были немцы! — доносится протяжное «ура».

— Вперед! Вперед! — кричит Кутепов.

Кричат бойцы его роты. Они мчатся вдоль блиндажей, бросая в них гранаты. Они врываются в окопы, ударом штыка доставая врага.

Кутепов чувствует под ногами мягкую землю. Это уже картошка на другом скате высоты.

По всему гребню несется победное «ура». Высота Н. в наших руках.

Кутепов подбегает к бойцам:

— Окопаться! Зарыться с головой!

Красноармейцы пускают в ход лопатки.

Над высотой сереет студеное осеннее утро. Из окопов и блиндажей на гребне Кутепову очень хорошо видны и долина речки, и холмы за нею, и церковь под горизонтом, и березовая роща.

— Вот она какая, высота! — говорит Кутепов значительно.

Красноармеец Николай Томилов подхватывает разговор:

— Вот и еще одну горушку русскую вернули.

Командир Шитов докладывает полковнику:

— Батальон ночной атакой сбил противника, вышел на гребень высоты. Уточняю положение рот и немедленно донесу.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

Разведчики, вернувшись из фашистского тыла, доложили: немцы что-то затевают. Документы фашистов, убитых на высоте Н., показывают, что новый полк совсем недавно перебросили на этот участок. А против соседа слева вот уже три дня наступает немецкая дивизия.

Враг что-то замышляет. Может быть, здесь происходит смена частей, которым уже основательно досталось? Или переброска? Или наступление на соседа — просто демонстрация, а главный удар будет здесь? Во всяком случае, нужна исключительная бдительность.

Наше соединение обороняется на широком фронте. И командир дивизии день и ночь проводит в подразделениях, на передовых наблюдательных пунктах.

Вот он появляется на командном пункте артиллерийского полка, у полковника Ивана Яковлевича Грачева — своего старого боевого друга. Разговор их краток:

— Смотри, Иван Яковлевич!

— Есть смотреть, товарищ полковник.

И Грачев хмурит густые крылатые брови. Резче стали крупные черты лица.

Вторую ночь хлещут над немецким передним краем ракеты. Вторую ночь и разведчики, и боевое охранение наблюдают у немцев большое движение, слышат шум моторов.

— Танки, — предполагает полковник Грачев. Он тщательно проверяет наблюдения и всячески укрепляет свою противотанковую оборону.

Немецкие танки для полковника Грачева и его артиллеристов — не новинка. Грачев громил вражеские машины еще в 1919 году: под Котлубанью его батарея уничтожила пять танков противника. А вот здесь полк Грачева принял на себя удар одной из колонн Гудериана. Грачев вытянул вперед свои пушечные батареи. В первый же день артиллеристы разбили шесть фашистских машин и остановили движение врага. Через день, когда танки, прорвавшись на другом участке, обошли Грачева, — он организовал круговую оборону, лично инструктируя свои батареи. Один за другим запылали немецкие танки!

Полк Грачева немало способствовал разгрому армейской группировки немцев у Ельни. Грачев был ранен в руку осколком и не ушел из полка.

Три дня назад наблюдатели донесли, что в березовой роще немцы создают склад горючего. Нехитро сообразить, что это подготовка к танковой атаке. Полковник Грачев немедленно принял меры. Артиллеристы послали в рощу огненный шквал. От двух чудовищных взрывов на многие километры содрогнулась земля. Над рощей плеснул гигантский вал огня почти в полкилометра высотой. Зловеще-черное облако дыма закрыло полнеба...

Большой боевой опыт накоплен артиллеристами Грачева и им самим. Но это не привело их к зазнайству и бахвальству:

— Противник что-то затевает! Артиллеристы, будьте на-чеку!

Полковник Грачев, приставив к глазам огромный бинокль, всматривается в далекие еловые пере-

лески за рекой С. Стынет холодная желтая заря. Ветер шуршит в бурой, не кошенной в это лето траве. Грачев улавливает там, над вершинами елок, синюю струйку дыма.

— В рощице стоят минометы! — говорит Грачев своему адъютанту.

— Точно, товарищ полковник! — отзывается старший лейтенант Кочуров. — Я уже минут пять за этим дымком наблюдаю.

Полковник Грачев приказывает адъютанту немедленно передать командиру дивизиона капитану Байде задачу: уничтожить минометы врага.

Кочуров исчезает, словно его ветром сдуло.

Прошло несколько минут. И вот уже ревут орудия дивизиона, и снаряды с посвистом и шелестом летят в еловые перелески. Курчавые разрывы возникают там, где синели струйки минометных выстрелов.

Вдруг Грачев застывает со вскинутым биноклем. Над далеким мрачным горизонтом всплескивается пламя. Еще, еще, еще. Потом доносятся сильные грохочущие удары. И вот далеко вправо, на нашей земле, рвутся немецкие снаряды. Это уже не минометы. Это бьет тяжелая немецкая артиллерия. Следом и другая батарея врага открывает огонь: пламя плещет над горизонтом на шесть делений правее.

— Кочуров, ставь задачу дивизиону Полехина! — командует Грачев, и голос его звучит резко и властно, и лицо сурово. «Вот так оттянули немцы артиллерию, вот как они отвели свои части!» — сердито думает Грачев.

Ему кажется, что Полехин медлит, и полковник сам мчится в дивизион. Рослый, широкоплечий, он быстро пробегает несколько сот метров, по-юношески легко перемахивая через воронки и кочки. И, глядя на него, никогда не скажешь, что ему уже

сорок пять лет, что с 1916 года он без перерыва на военной службе.

Рабочий-каменщик из Казани, Грачев кончил первую войну фейерверкером. В дни Великой Октябрьской революции он командовал 3-й батареей 2-й гвардейской артиллерийской бригады; затем громил немецких оккупантов на Украине. Грачев принадлежит к числу тех солдат царской армии, которые пошли вместе с большевиками, стали сами большевиками (Грачев вступил в партию позднее, в 1920 году); это таких фронтовиков великий Ленин назвал: «человек с ружьем».

Фейерверкер царской армии, Иван Грачев стал командиром РККА, прошел пламень гражданской войны, был трижды ранен. Потом, в мирные годы, окончил артиллерийскую школу, учился в Военно-технической академии. Сейчас — полковник, командир артполка, опытнейший воин. В полку у него выросла плеяда героев. Рядовой боец коммунист Шевяков стал отличным командиром батареи. Лейтенант Березенко, командир взвода, был трижды ранен в бою, но не покинул сражения; сейчас он командует батареей. Начальник разведки комсомолец Секун пробрался со своей группой в тыл к немцам, забрал там пулемет с тремя лентами, разведал все огневые точки и возвратился без потерь.

Каждого из своих командиров полковник Грачев учит отличному знанию материальной части, искусству метко разить врага, так сложить снаряды на огневых позициях, чтобы при попадании вражеского снаряда осколки летели в сторону неприятеля. Полковник учит своих людей не только отлично бить врага, но и умению отдыхать в часы передышки. По инициативе Грачева в полку повелся прекрасный обычай: поплясать, попеть под баян песни про народ и родину, про любовь, про подвиги советских патриотов.

Напрасно ругнул Полехина полковник. Не успел Грачев добежать до наблюдательного пункта дивизиона, как там уже открыли огонь. Во всем полку никто не может угнаться за Полехиным в быстроте и точности огня.

Но что же затевает враг? Грачев устраивается у стереотрубы. Он вслушивается в клекот и вой наших снарядов, наблюдает за разрывами, встающими над мрачным горизонтом. Батареи противника умолкают. Грачев сердится:

— Хитрят немцы!

Быстро падают серые холодные сумерки. Уже заметны огоньки трассирующих пуль. Прямо впереди видна угрюмая высота Н., изрытая блиндажами и окопами; за нею в долине — речка. Немцы за речкой.

— Надо быть на-чеку!

Грачев возвращается на свой наблюдательный пункт в темноте. У своего блиндажа он встречает младшего лейтенанта Голобородого, командира огневого взвода.

— А, учитель, здорово! — шутливо говорит Грачев. — Ну, как твои расчеты, научились разбираться в рублях, копейках?

— Дело идет, товарищ полковник, — весело отвечает тот.

— Давай, делай!

— Есть.

Полковник Грачев любовно обнимает Голобородого и проходит к себе в блиндаж. Хороший командир — Голобородый! И в бою хорош. Храбрый. Молодец. Подготовил в двух своих расчетах восемь наводчиков и двух командиров орудий. На фронте подготовил — в свободное от стрельбы время. Настоящий артиллерист. Поставим его в пример. И выдвигать его надо. Будет отличным старшим на батарее!

Над округой — в свисте ветра, в шелесте трав, в грохоте разрывов и трескотне пулеметов — идет ночь. Над немецким расположением взлетают ракеты, мается их неверное и тошное сияние.

И командир соединения, и командиры частей ни на секунду не смыкают глаз. Какая же она бесконечная, эта ночь! Вновь, как и накануне, с той стороны слышен шум моторов. Не спать! Не спать! Не спать!

Из своего блиндажа Грачев командует, управляет подготовкой к утреннему бою. Перед умственным взором его лежит округа с ее балочками, редкими перелесками, большаками и проселками. Но это не только округа, — это система, таблица целей для орудий Грачева, — так она видится ему.

В соседнем блиндаже вдруг зазвучали аккорды баяна. Два чистых и сильных голоса легко и чуть грустно выводят:

На закате ходит па-арень
Возле дома моего...

На мгновенье вспоминается семья — жена, дети. «Завтра напишу письмо, как разобьем немцев!» — думает Грачев и снова говорит с «двадцатым», «двадцать первым», которых связисты вызывают ему с «Урала» и «Дона». Условный язык, тайный для врага и ясный для своих.

Вот и светает. Все то же ненастье, стужа, сырость. В кусту можжевельника робко тенькает синичка, только один разок, и больше нет ее. На вражеской стороне бьют орудия, и воздух колышется и стонет, раздираемый снарядами. И земля, негодуя, встает гневными черными султанами там, где бьют ее в грудь разрывы.

Грачев выходит из блиндажа — торжественный, подобранный, налитый жаркой силой. Он наблю-

дает за полем боя — умелый хозяин. Дивизион Полехина ведет дуэль с артиллерией врага. В грозный рев сливаются выстрелы орудий. Уже и не слыхать обычной человеческой речи. Все ясно: враг наступает. Как-то чувствует себя наша пехота? Ей будет жарко сегодня.

— Держитесь, дорогие товарищи! Артиллеристы не подведут!

Из-за дальних бугров, извергая огонь из пушек и пулеметов, рванулись немецкие танки.

Через адъютанта Грачев приказывает дивизионам бить по танкам, дать заградительный огонь.

Ревут орудия. Грачев видит в бинокль, как немецкий танк вздрагивает и оседает на бок. Вымахивает язык пламени, закрывая всю стальную громадину.

— Правильно! — одобряет Грачев. — Узнать и доложить: чей выстрел?

А на бугре горят уже и второй, и третий немецкие танки. Но другие прорываются, они идут, раскачиваясь, к нашему переднему краю. Грачев спокойно говорит:

— Кочуров, спроси у Байды, что он там смотрит!

Через мгновение перед танками врага на большаке вырастает огненная стена.

— Сразу надо было так!

Грачев всматривается в кипение боя, — спокойный и пламенный этот «человек с ружьем», большевик, патриот, полковник нашей Красной Армии.

Бой продолжается.

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

12 октября 1941 года.
Можайск.

Русские земли, просторы. Русская осень — в золоте берез, в хрустальной четкости далей, в первом полете снежинок, в седине озими по утрам.

И наши земли, наши просторы осквернены поганым врагом. И нашим людям, советским людям, грозит истребление, грозят муки и смерть от рук фашистских варваров.

Панцырные орды Гитлера, заливая своей кровью нашу землю, лезут к центру моей могучей и любимой Родины.

Опасность грозит Москве.

За Можайском, у Бородина, грохочут орудия, ревут моторы танков и самолетов, от гула боя содрогается скруга днем и ночью.

Бой идет за Можайском. Сто тридцать лет тому назад здесь было Бородинское сражение. Разноплеменные полчища Наполеона испытали здесь русский патриотический удар. Они не оправились от него, хотя позднее и побывали в Москве.

А мы не пустим, не пропустим врага к нашей столице.

Не пропустим!

Немецкое командование перебрасывает дивизии из оккупированных стран. У немцев — превосходство в танках. И в авиации у них тоже еще пре-

восходство. Только что был налет девятки «Юнкерсов» на наш передний край за Красновидовом, километрах в пяти. Бомбардировщики стали в круг, пикировали, сбрасывали бомбы. Вздрагивала земля. Взлетали бурые фонтаны земли. Кто же мог там остаться в живых? Вот бомбардировщики улетели. Наши товарищи, наши патриоты поднимались из щелей, встречали пехоту немцев огнем. Потери от бомбежки невелики. Но бой — неравный. Жесток и тяжел этот бой за Москву.

И все же фашистам в столицу не пройти!

Боевое охранение стрелкового полка стойко боролось с наседавшими танками и пехотой фашистов.

Боевое охранение с честью выполнило свою задачу. Боевое охранение погибло. Младший командир Морозов доносил командованию части о продвижении противника, о его злобном напоре, о мужестве своих боевых соратников.

В последний раз он сообщил коротко:

— Фашисты здесь. Взрываю рацию. Прощайте, товарищи!

В одном бою четыре танка танкового полка под командой Таринова и три других танка под командой Карпенко с места расстреляли одиннадцать танков противника. Комиссар роты политрук Сидоров повел два танка в атаку, уничтожил пять немецких танков. С двух танков экипажи фашистские бежали, даже не заглушив моторов.

Парторг товарищ Чернин, командуя танком, уничтожил два вражеских танка. И сам погиб в бою, в который он повел товарищей, провозгласив:

— За Родину! За партию! За великого Сталина!

На станции Рубцово вражеские самолеты зажгли цистерны с горючим. Красноармейцы, во главе с

политруком Петровым и командиром Галактионовым, потушили четыре горевших цистерны. Красноармейцы Бодров и Соколов, комвзвода Розенбаум и военфельдшер срывали с себя одежду и закрывали пробоины в цистернах, из которых хлестал бензин. Так отважные патриоты побеждали стихию.

И чтобы враг преодолел нарастающую мощь сопротивления советских патриотов? Этого не будет! Перед нами задача: врага остановить, задержать, размолотить на подступах к Москве.

13 октября 1941 года.
На автостраде к востоку от Можайска.

Ночью — непрерывное движение. Могучий поток автомобилей. К переднему краю стремительно перебрасываются свежие части. Одеты хорошо — в зимнем обмундировании. Родина посылает новых бойцов в помощь фронтовикам, ведущим неслыханные по напряжению бои.

Родина посылает новую технику. На позиции катятся один за другим артиллерийские полки. В Кубинке сосредотачивается новая танковая бригада. Дышится глубже и легче.

14 октября 1941 года.
В березовой роще на краю лагерей.

Немцы бросили в атаку больше сотни танков. Наши части были вынуждены отойти. Бои идут под самым Можайском.

Положение сильно осложнилось. От каждого сейчас требуется полное напряжение всех сил, всех способностей — на защиту Родины, на защиту Москвы.

Что сейчас в Москве?.. И как щемит сердце, — враг угрожает сердцу страны...

Каждый день из окружения выходят одиночками, группами наши бойцы, командиры, политработники. Из них формируются части. Работу по формированию возглавляют член Военного Совета и начальник Политуправления Лестев и член Военного Совета Хохлов.

Дмитрий Александрович Лестев — такой же, как и прежде, как и всегда — легкий, сухощавый, веселый. Говорит только шопотом. Сорвал голос.

— Подождите, товарищи, ох, и набьем мы Гитлеру морду!

Лестев за крепким и резким словом в карман не полезет. И все его любят. И с ним всем легко и просто. Но лишь всем тем, у кого, как у Лестева, на сердце, на душе одно: Родина, борьба за жизнь, независимость и честь советского народа.

Лестев легко и правильно решает сложнейшие вопросы формирования целых дивизий. Напористо и строго требует точных сведений, точных данных. Сам он, хотя и записывает аккуратно данные в книжечку, ухитряется все удерживать в памяти.

Вспоминаем дни боев на Халхин-голе, на Карельском перешейке. Веселье так и брызжет из него. Как же он вырос! И сохранил всю свою обаятельную непосредственность.

Совсем под утро смотрели верстку первого номера журнала «Фронтовой юмор».

15 октября 1941 года.

На фронте — бой, не прекращающийся грозный бой.

Пленные показывают: Гитлер обещал, что с захватом Москвы война кончится и все солдаты вернутся по своим домам. Каждому будет дано право захватить с собой любое, что только понравится.

Гитлер уже предал Москву грабежам и разбоям! Но Москву еще надо взять!

16 октября
Под Дороховым

Каждый из этих дней прочно входит в нашу историю. Напряжение боев нарастает. Немцы бросают в атаку тяжелые танки. В районе Булычева враг прорвался было вперед. Но этот прорыв был немедленно ликвидирован. Семнадцать фашистских танков расстреляны и уничтожены.

Трупы немцев устилают наши поля так же, как сто тридцать лет назад их устилали тела разноязычных полчищ Наполеона.

Измотать! Измотать врага! Помнить, что каждый убитый сейчас под Москвой фашист означает шаг к победе над врагом. С огромной жадностью бойцы хватают каждый номер газет. Настроение решительное и злое.

— Преградим путь врагу!

На перекрестке дорог, недалеко от Дорохова, курили с красноармейцами. Коренастый, румяный волгарь, окая, высказался:

— Что там ни говори, а Гитлеру ни Москвы, ни победы над русским народом не видать!

И подрифмовал крепким словом.

Все рассмеялись. Над нами выли немецкие бомбардировщики.

17 октября 1941 года
На автостраде.

Небо угрюмо. День совсем не летный. А наши сталинские соколы ведут свои боевые машины за линию фронта. Там они бьют врага. Летчики лейтенанта Москалева разгромили колонну в двадцать автомашин и восемь танков.

За восемь дней — с 6 по 14 октября — лишь на Вяземском направлении летчики уничтожили 167 автомашин с грузом, больше сотни танков, много орудий. В воздушных боях и на аэродромах врага уничтожен 41 самолет. Пленные летчики показывают, что в ночь с 13 на 14 октября наши соколы сожгли на смоленском аэродроме сто пятьдесят самолетов, на двух других аэродромах — по сто самолетов.

Настроение летчиков боевое, решительное. Сержант Фурманов говорит:

— Над нашей родиной нависла серьезная угроза. Однако исход войны зависит от того, как каждый будет выполнять боевую задачу, как самоотверженно будут драться наши люди, ибо с точки зрения экономических ресурсов и людских резервов наше положение несравненно лучше, чем положение противника.

Он прав, товарищ Фурманов. Он живо и сердечно, как и все фронтовики, все советские патриоты, интересуется:

— Как товарищ Сталин?

— Товарищ Сталин в Москве! На посту!

У собеседника гордо вскинута голова. И глаза блестят.

Наш Сталин в Москве!

18 октября 1941 года.
Под Голицыным.

Быстренько съездил в Москву. На ближних подступах — десятки тысяч москвичей. Они роют противотанковые рвы, строят укрепления.

Холодный ветер. Сечет крупа. Девушки-москвички отважно и неутомимо действуют лопатами, кирками-мотыгами.

Москва — суровая и грозная. Одна за другой быстро возникают сотни и тысячи баррикад, огневых точек.

Людей на улицах мало. Многие эвакуированы. Оставшиеся заняты на работах по созданию несокрушимого пояса обороны столицы.

Маршируют батальоны москвичей. Они ещё в штатском. Как же быстро они организованы! Идут за оружием, обмундированием.

Над Смоленским рынком в проломе облаков вижу «Юнкерс-88». Не выше, чем на 1000 метров. Совсем обнаглели, сволочи!

В Союзе писателей — группа литераторов, собираются уезжать, ждут вагонов. Большая часть писателей уже уехала.

Поэт Роман, худой, морщинистый, читает стихи. Последние годы его почти не было слышно. Сейчас глаза его светлые, жаркие. И голос страстно напряжен.

В дни эти, грозовые дни,
Лопата острая звени.
Взлетай, как туча, вверх земля!
Пусть станут пропастью поля!
Мы дружным, крепким строем
Врагу могилу роем.

Здесь же одно лицо из окололитературной братии с таинственным видом пытается завести разговор:

— Вас тут не было! А пятнадцатого что тут было! Что тут было!

А ну вас, сплетников, к чертям, с этим вашим «что тут было»!..

Проезжаю вокруг Кремля. По Красной площади проходит стрелковый батальон. Звенит песня. Волненье сжимает горло.

Москва моя! Страна моя,
Ты самая любимая...

Чудесная улица Горького. И здесь — дыханье войны. В первых этажах витрины магазинов заставлены щитами, заложены мешками с песком. И дома глядят строго, даже сурово. Сколько раз уничтожены Геббельсом все вот эти дома и вся Москва.

А она стоит — величавая и грозная. И нет на земле силы, чтобы взять, покорить нашу столицу.

Но что же это? На углу площади Пушкина — очередь. Десятки людей. Ух, батюшки! Это — за газетами.

Газеты выходят регулярно. Попрежнему. Несмотря ни на что.

В редакции «Правды» непривычно тихо. Редакционный коллектив эвакуирован. Газету выпускает оперативная группа. Во главе — редактор «Правды» товарищ Поспелов П. Н. Его заместитель — секретарь редакции товарищ Ильичев.

Вся оперативная группа состоит из семи человек. Работа — напряженнейшая. «Правда» связана с фронтами; связана со всей страной. «Правда» выходит без перерыва. «Правду» выпускает коллектив из семи человек

В редакции — боевая и сердечная обстановка. В труднейшие дни «Правда» несла и несет массам мужественное слово партии, суровое слово борьбы, веры в свои силы, в нашу победу.

19 октября 1941 года.
Под Кубинкой.

С каждым днем, с каждым часом бои становятся все ожесточеннее, все кровопролитнее. Озверелые фашисты, подхлестываемые приказами «фюрера», бешено лезут на нашу оборону.

Среди немецких частей, стянутых на дальние подступы к Москве, есть и старые наши знакомые.

Еще в августе бойцы дивизии генерал-майора Захарова разгромили недалеко от Рославля 23-ю пехотную дивизию. Теперь эта дивизия немцев, с тех пор неоднократно пополненная, снова испытывает всю силу советского удара.

Объявилась и дивизия «Мертвая голова», как известно, крепко потрепанная еще в июльских боях... «Мертвым головам» еще раз захотелось испробовать беды и горя. Что же! Они получат его в должной мере.

Гитлеру наплевать на огромные потери. Он сам говорил, что ему ничего не стоит пожертвовать тремя миллионами немцев. Этими тремя миллионами немцев Гитлер уже пожертвовал. Сейчас счет перевалил далеко за четвертый миллион убитых и раненых.

И все же эта проклятая саранча лезет и лезет.

Сегодня я беседовал с товарищами, вышедшими из немецкого тыла. Бригадный комиссар Виктор

Толмачев рассказывал, как он со своими боевыми соратниками в течение двенадцати суток пробивался сквозь фашистское кольцо. Бойцы шли с боями, под дождем и снегом, по лесам и болотам, вброд через осенние студеные реки.

Между Вязьмой и Юхновом Толмачев и его товарищи видели, как немцы впрягали советских людей в повозки, заставляя возить офицеров, солдат и грузы. Около села Селиванова была найдена санитарная машина, а вокруг нее пятнадцать изрезанных, изрубленных немецкими тесаками трупов наших красноармейцев.

В деревне Бесово немцы захватили в плен трех красноармейцев, которые оказывали мужественное сопротивление, были ранены и только поэтому и оказались в плену. Всех троих немцы связали, обложили соломой и сожгли живыми. От трех героев-патриотов остался лишь пепел...

Немцы думают запугать советских патриотов своими зверствами, но вызывают лишь неугасимую ненависть к себе, укрепляют нашу решимость бороться до победного конца и отомстить.

Из вражеского окружения бригадный комиссар Толмачев и его боевые соратники вышли еще более крепкими и суровыми бойцами. В их группе были женщины. Нина К., раненная в ногу, прошла сто пятьдесят километров. Она перевязывала раненых, воодушевляла их своим мужеством, своей выдержкой. Зоя Бартенникова — скромная машинистка политотдела — три раза ходила в атаку на фашистских извергов.

Сегодня на фронте праздник. Получили подарки от москвичей, уральцев, сибиряков. В этих посылках и искренних чистосердечных письмах — несокрушимое единство армии и советского на-

рода. Влажно блестят глаза суровых воинов, разбирающих подарки. Это волнение лучше всего свидетельствует о том, что мы сильны связью фронта и тыла и что победа будет за нами.

20 октября 1941 года.
Под Нарофоминском.

Сегодня бойцы, командиры и политработники Западного фронта пережили чувство глубокого удовлетворения и подъема: опубликовано постановление Государственного Комитета Обороны о защите столицы, о введении осадного положения и об охране Москвы.

Великий Сталин поручил оборону Москвы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, командующему Западным фронтом генералу армии товарищу Жукову.

Георгий Константинович Жуков — боевой, опытный полководец.

Ему 47 лет. За двадцать шесть лет военной службы товарищ Жуков прошел все ступени (не минуя ни одной) от рядового бойца до поста командующего фронтом.

Вокруг генерала Жукова — напряженная организаторская военная работа, без шумихи, без хвастовства, без лишнего слова. Его мужество и храбрость широко известны.

С немцами генерал армии встречается не впервые.

Солдат-кавалерист в царской армии, он участвовал в боях на германском фронте в 1915—1916 годах.

Под Барановичами, будучи разведчиком, он со своей поисковой группой проникал сквозь

шестнадцать линий проволочных заграждений к немцам и вытаскивал оттуда «языка».

Сейчас в любой по сложности и трудности обстановке он подскажет самому опытному разведчику лучший способ выполнения боевой задачи.

Требовательный и суровый, он отзывается всем сердцем на нужды и чувства товарищей.

Принятию им решения всегда предшествует глубочайшее изучение противника, местности, точное знание своих сил, всех своих возможностей.

Принятое решение он доводит до полного осуществления непоколебимой волей, железной рукой.

Я видел товарища Жукова на Халхин-голе, под Ельней, здесь, за Можайском. В памяти неизгладимо живут встречи: под рев и грохот вражеской бомбежки, на передовых кавалерийских заставах, куда он забирался для изучения местности, на наблюдательных пунктах полков и батальонов — под немецким минометным обстрелом.

Он лично знал, знает огромное количество людей. Он любит здоровую, крепкую шутку.

Член партии Ленина—Сталина, он изо дня в день глубоко интересуется практикой партийно-политической работы. Его перу принадлежит не одна пламенная большевистская листовка.

И он очень жизнерадостен. По пути на передовую кавалерийскую заставу он вызывает командира полка на соревнование: пересечь реку глубиною до полутора метров вброд на конях, не замочив сапог. И выходит победителем.

А в адрес одного не в меру суетливого человека у него срывается добродушное и веселое замечание:

— Вертится, как ерш в лоханке.

Операция на Халхин-голе, артиллерийское на-

ступление в районе Ельни были проведены по замыслам и под руководством генерала армии.

Русский человек, выдвиженец товарища Сталина, Жуков привлекает симпатии фронтовиков, в его опыт и талант фронтовики горячо верят.

21 октября 1941 года.
Под Нарофоминском.

Немцы ведут яростные атаки на многих участках фронта. Они всюду наталкиваются на стойкое сопротивление. Потери их — огромны. Пленные показывают, что в ротах осталось меньше половины состава.

Наши части не только обороняются, но и контратакуют фашистов.

Энский мотополк стремительной контратакой захватил две деревни. Немцы понесли большие потери. Нашими фронтовиками захвачено восемьдесят мотоциклов, больше трехсот велосипедов, пять противотанковых орудий, много винтовок, большое количество немецкого оборудования. Освобождено из немецкого плена 150 бойцов и командиров.

Как могут летать наши соколы в такую непогоду? А летают. И бьют врага.

Вчера они уничтожили тридцать танков и двадцать грузовиков с пехотой.

22 октября 1941 года.
Под Малоярославцем в Каменке.

Напряжение боев все нарастает. Мы знаем: Гитлер со своей сворой лезет из кожи, чтобы захватить нашу столицу, нашу Москву. Немецкое

командование снимает части с других фронтов, перебрасывает их под Москву. Попрежнему перевес в танках на стороне врага.

Сегодня под напором остервенелых фашистских орд мы отошли на несколько километров под Тарутиным.

На Варшавском шоссе бойцы Н-ской части перешли в контратаку. Бой шел в лесу. Часто срывался дождь, гремел раскатами артиллерийский огонь. И когда командиры, политработники и бойцы с возгласами: «За родину, за Сталина!» — рванулись вперед и лес огласился могучим «ура»,— немцы не выдержали и бросились кто куда. Важный рубеж был захвачен этой стремительной большевистской контратакой.

Наши танкисты совершают чудеса храбрости, доблести и геройства. Вся страна знает о подвигах танкиста Горобца, который на своем танке ворвался в занятый немцами город, расстрелял и раздавил немало врагов и выскочил из огненного мешка.

Командир танка лейтенант Щекатуров в один день расстрелял пять огневых точек противника. Другой экипаж (командир старший политрук Печерино, механик-водитель Пяткин, башенный стрелок Столбов и связист Максимов) в одном только бою уничтожил семь пушек противника и больше полусотни немецких солдат.

Разведка сегодня донесла, что немцы подтягивают к фронту новые дивизии.

Впереди еще более жестокие, кровопролитные бои.

23 октября 1941 года.
Каменка.

Вот и еще день прошел — в жестоких схватках, в кровопролитных боях. Над подступами к Москве, над подмосковной округой шествует ночь: в гро-

хоте артиллерийского огня, в зарницах зенитных разрывов, в сияньи немецких ракет, в резком стуке пулеметов и автоматов, в суровом бодрствовании советских патриотов — защитников родины.

Повара доставили на позиции горячую пищу, от вкусных запахов вздрагивают ноздри. Это очень хорошо — покушать с боевым соратником из одного котелка.

И тут же завязают беседы. Пройдут эти напряженные дни. И каждый фронтовик детям и внукам своим будет с гордостью рассказывать, как защищалась Москва. Но и сейчас с гордостью говорят между собой фронтовики о славных делах.

Падкий на исторические годовщины, Гитлер хотел овладеть Москвой 21 октября — в день оставления нашей столицы Наполеоном. На худой конец он хотел, чтобы Москва была взята 22 октября, ровно через четыре месяца после вероломного нападения фашистов на СССР. Не вышло ни первого, ни второго. А какие яростные атаки пришлось отбивать нашим дорогим товарищам-фронтовикам.

— Будем драться до последнего, а дальше фашистов не пустим! — говорит командир-фронтовик Лебеденко.

Недавно было так. Немецкие танки прорвались на командный пункт товарища Лебеденко. Он скомандовал:

— Приготовиться к атаке!.. — И повернул своих товарищей в атаку на танки. Они забросали танки гранатами и зажигательными бутылками. Шесть машин из десяти сгорело. Остальные ушли.

Над подмосковной округой идет ночь. Фронтовики отдыхают. Они говорят о будущих боях, они думают о родине. И каждый думает, сжимая оружие в твердой решимости бороться до конца:

«Ты слышишь нас, Родина!»

26 октября 1941 года.
Под Кубинкой.

Положение на Западном фронте за истекший день осложнилось. Немцы, осатанев и совершенно не считаясь с потерями, лезут и лезут на нашу оборону почти по всему фронту.

Фронтовики отдают себе полный отчет в том, что перед ними стоит задача: любой ценой, любыми средствами измотать противника и задержать его. И большинство фронтовиков — славных советских патриотов — правильно понимает свой долг перед родиной.

Командир танкистов майор Бабенко лично руководил в бою шестью танками. Несмотря на численное превосходство противника, в этом бою было уничтожено двенадцать немецких танков и до сотни немецких солдат. Под ураганным огнем немцев командир танка сержант Корчагин — воспитанник ленинского комсомола — отважно бросился вперед и расстрелял в упор десятки немецких солдат. Лейтенант Быстров, тоже комсомолец, раненный под Можайском, не оставил своего боевого поста. Под его командованием экипаж лишь в одном бою уничтожил семь огневых точек противника, одну бронетанковую пушку и расстрелял десятки немцев.

Капитан Шевелев со своей группой танков отражал с полным успехом натиск фашистских полчищ. В последнем бою группа Шевелева зажгла и подбила одиннадцать немецких танков. Младший лейтенант Фаранов из этой же группы со своим экипажем уничтожил за дни боев под Можайском девять танков. Он был ранен и все же вывел свой танк с поля боя.

В боях на дальних рубежах обороны Москвы немцы несут огромные потери. По показаниям

пленного немца, его 80-й пехотный полк в боях 2 октября потерял более половины своего состава. Другой пленный немец показал, что его рота — 8-го мотополка — потеряла убитыми и ранеными 120 солдат и 5 офицеров. Рота уже не раз пополнялась плохо обученным молодняком. Сейчас в роте нехватает 70 солдат.

Большие потери немцы несут и в танковых, и в авиационных частях. Лишь за 25 октября наши летчики подбили 83 танка, 148 автомашин и уничтожили до батальона противника. Кроме того, сбито несколько самолетов, точное число которых устанавливается.

Несмотря на потери, фашисты оголтело рвутся к Москве. Немцы подтянули за последние дни еще свои силы на Западный фронт и бросают их в бой. Это усиливает трудности борьбы против врага. Но трудности борьбы закаляют дух фронтовиков, вызывают новые силы у советских патриотов.

Вся масса наших фронтовиков — люди сталинской закалки. Они без пощады бьют врага, они растут и в боевом, и в политическом отношении.

Тысячи фронтовиков подали заявления о вступлении в партию Ленина—Сталина.

Командир батареи лейтенант Смирнов, орденоносец, заявляет:

«Во славу родины, если будет нужно, умру без страха. В бой хочу итти коммунистом».

Герой Советского Союза Любушкин, принятый в партию, при получении партбилета заявил:

— Буду громить врага еще лучше и эффективнее.

Братья Матросовы, принятые в партию, заявили:

— Все силы, все свои знания, и если потребуется, и жизнь, отдадим за дело партии и родины.

Враг рвется к Москве. Растут и ряды героев обороны нашей столицы. Но еще самые решающие бои впереди.

27 октября 1941 года.
Под Голицыным.

Продолжают выходить из немецкого тыла наши товарищи, попавшие в окружение. К слову «окружение» у фронтовиков установилось определенное отношение. Презрением и насмешкой встречали фронтовики тех, кто выходил из немецкого тыла без оружия, вразброд, — не бойцы, а людишки, спасающие свою шкуру. Зато всеобщим уважением пользуются те, кто в немецком тылу не раскис, не перестал чувствовать себя бойцом, а, наоборот, продолжал борьбу.

Сегодня мы получили известие, которое всех обрадовало и взволновало. Из немецкого тыла пробился с боями отряд, состоявший из обозов Н-ской части и отдельных групп и бойцов этой части.

Товарищи попали в немецкое окружение. Работник штаба части Вера Крылова взяла на себя командование обозами. В пути она присоединяла к себе группы и одиночных бойцов.

Сводный этот отряд под командованием товарища Крыловой разбил немецкое подразделение, захватив в бою автоматы, винтовки, боеприпасы.

27 октября 1941 года.

Каждый день поступают известия, что сотни и тысячи бойцов и командиров вступают в партию.

В полку, который вел в последние дни жестокие бои, успешно отражая танковые атаки вра-

га, сто двадцать бойцов и командиров подали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б).

В боях за родину, за родную Москву крепнут и растут наши люди. Они вступают в ряды партии Ленина—Сталина. Грозные дни, опасность нависла над страной, — отважные бойцы против фашизма становятся коммунистами.

Эти факты свидетельствуют о многом. Они ярко говорят о нашей силе и о том, что, как ни тяжело сейчас, а все же победа будет наша.

29 октября 1941 года.

В течение 28 октября по всему фронту происходили упорные бои, напряжение которых все возрастает. По показаниям пленных, действующая здесь 29-я танковая немецкая дивизия потеряла до полка пехоты, а вторая танковая дивизия потеряла 80—90 танков и больше батальона пехоты.

Удачно отразив контратаки, наши части перешли в наступление вдоль Можайского шоссе у пункта Дорохово. Вместе с танкистами части рассеяли и разогнали части дивизии СС. Фашистские молодчики разбежались кто куда. Наши части продвинулись вперед километров на восемь. Потери противника весьма серьезны. Нами захвачены трофеи: 5 противотанковых орудий, 5 минометов, 3 станковых пулемета, 3 бронемашины, 1 танкетка, несколько десятков грузовых машин, 3 трактора, 100 велосипедов, склад боеприпасов, радиостанция, много винтовок и другого имущества.

Удачно действовал отряд истребителей танков Н-ской дивизии. В одном бою славные истребители, пользуясь связками гранат, зажигательными

бутылками и противотанковыми орудиями, уничтожили 12 немецких танков. Особенно отличились старший лейтенант Котов — командир отряда — и сержант Коновалов, первыми начавшие боевые действия против танков. Ефрейтор Набоков и заместитель политрука Медведев действовали неустрашимо. Тщательно замаскировавшись, они подпускали танки к себе вплотную, а затем внезапно появлялись из укрытия. Взмах руки — и немецкий танк охватывался смертельным огнем.

Красноармейцы Н-ской части забрали в плен группу фашистов. Обнаглевшие молодчики, расположившись в селении, переловили кур, нажарили их и открыли пир горой, изрядно напившись при этом. Вот тут-то и захватили их наши бойцы...

На Малоярославецком направлении наши части вели ожесточенные бои за овладение лучшим рубежом. Одновременно они отражали контратаки противника, нанося ему большие потери. Здесь на одном участке нашим артиллерийским огнем было отбито наступление противника силой до четырех батальонов. На соседнем участке наступление также было отбито, при этом уничтожено до 3 батальонов вражеской пехоты. Накануне в боях на Малоярославецком направлении 59-й мотополк немцев потерял 7 противотанковых орудий, 10 станковых пулеметов. Потери противника живой силой были тоже весьма значительными.

На крайнем левом фланге наши части вели бои за улучшение своего положения. Здесь в районе П. нашим артиллерийским огнем было рассеяно и уничтожено до батальона пехоты. В районе В. уничтожено до двух рот немецкой пехоты, в районе П. подавлены гаубичная батарея и 8 минометов.

В общем 28 октября наши части почти на всем фронте добились известных успехов, особенно в

уничтожении живой силы противника. Однако на одном участке противнику удалось вклиниться в нашу оборону на несколько километров.

Улучшившаяся погода вызвала с обеих сторон оживленные действия авиации. Наша авиация бомбардировала скопления немецких войск, уничтожала танки, автомашины и пехоту. В результате боевых действий подбито и выведено из строя до пятнадцати танков, 88 автомашин, 3 зенитных точки, 7 цистерн с горючим, 20 повозок. Нанесен большой урон живой силе противника. Накануне наша авиация разбила 22 танка, 6 орудий, 159 машин, 4 цистерны, 4 зенитных точки, 2 батальона пехоты.

Сейчас — звездная светлая ночь. Над фронтом по направлению к Москве летят немецкие самолеты. В ночном небе тут и там видны блестки разрывов снарядов. Слышится грохот зенитных орудий. Вот за лесом возникает огромное зарево. Бойцы с тревогой смотрят на этот свет. Неужели врагу удалось поджечь один из наших населенных пунктов? Все с облегчением вздыхают, когда приходит радостная весть: это сбит и полыхает немецкий бомбардировщик.

Все думы фронтовиков в эти ночные часы — о Москве, о родине. И каждый полон решимости драться за них до конца.

И в течение всего дня 29 октября немцы пытались прорвать нашу оборону и продвинуться к Москве. Все попытки врага отбиты по всему фронту. Немцы задержаны повсюду.

Наша авиация за 29 октября разбила 44 танка, 231 автомашину, расстреляла два батальона немецкой пехоты.

Как же надо в целом рассматривать обстановку на Западном фронте? Замыслы немцев молниеносно взять Москву провалились. Немцы понесли большие и серьезные потери. В фашистских дивизиях, действующих против нашего Западного фронта, осталось не более половины их личного состава. На-днях немцы вынуждены были ввести в бой две резервные дивизии. Но и это не дало им того продвижения к Москве, к которому так стремится немецкое командование. Сейчас немецкие генералы подтягивают из тыла новые резервы. По имеющимся данным, они на исходе. И генералы торопятся...

Кроме огромных потерь, налицо серьезный упадок боевого духа немецких солдат. Среди солдат все больше становится таких, которые не желают воевать. Конечно, многие солдаты еще верят заверениям офицеров, что после взятия Москвы война кончится. Одураченные немецкие солдаты послушно идут в атаки и гибнут под ударами наших частей.

Предстоят еще бои, ожесточенные, решающие, и фронтовикам придется выдержать серьезнейшие испытания. Но в борьбе люди закалились. Во главе наших частей — испытанное боевое руководство. С фронтовиками весь советский народ. Воины Красной Армии с честью выполнят приказ народного комиссара обороны товарища Сталина: они разгромят врага.

БОЕВОЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

1. КОМАНДИР

Побывайте в полку, которым командует полковник Николай Николаевич Соловьев, и на вас сразу пахнет чудесной атмосферой бодрой уверенности, грозного боевого умения, товарищеского тепла.

Нужно иметь некоторый опыт, чтобы найти в перелесках и складках местности подразделения полка: так вдумчиво и толково замаскировались они.

Синий вечер. Низкое мрачное небо, черная стена елей. Белесые студеные поля. По горизонту — отблески: бьет артиллерия наша и — врага. Шуршат снаряды. Изредка впереди, совсем недалеко, прошьет сумерки пулеметная очередь. Здесь, и на поляне и на опушке, никого не видно. Внезапно возникает боец, винтовка — наизготовку. Негромкий и строгий окрик. Отвечать надо немедленно и точно.

Вы проходите в глубину расположения полка. Бойцы и начальствующий состав встречают вас приветливо и просто. Все одеты хорошо: шапки-ушанки, под шинелями — свитеры, на ногах валенки, и снег под ними поскрипывает громко и важно.

Вот идет сам командир полка. Среднего роста, широкоплечий, он движется быстро и легко. Серые глаза его внимательны и быстры. Черты лица резки: прямой нос, крутой сильный подбородок, тонкие губы, от этого впечатление силы и власти; да, это идет командир.

Вот полковник Соловьев останавливается, заговаривает с красноармейцем. И у того льется возбужденный жаркий рассказ — признание о робости и страхе перед первым боем, скоропалительное — и не без крепкого слова — описание боя против танков и радостный итог:

— Эх, товарищ полковник, и набили мы фрицев! И еще набьем!

— А как же! — отзывается полковник и рассказывает, как еще лучше бить врага и что надо особенно знать и уметь.

Полковник Соловьев понимает, как это важно: запросто и от души побеседовать с бойцом из нового пополнения после его первого боя; в этой беседе закрепить у бойца его боевой опыт, поднять еще больше веру в собственные силы.

Это не только работа командира, в этом — глубокая суть партийно-политической работы в армии, на фронте. И полковник Соловьев — доброволец РККА с 1918 года (тогда ему было без малого восемнадцать лет), участник третьей уже войны, орденоносец, член ВКП(б) с 1925 года — сочетает в себе слитно, органически и командира и политработника.

И, конечно же, в этом залог и великолепной боеспособности полка и боевой сплоченности всего полкового коллектива.

2. КОНТРАТАКА

Утром 26 октября полк Соловьева, только что прибыв в район боевых действий, пошел в контратаку.

Полковник Соловьев отдавал себе трезвый отчет в том, что враг серьезный, задача сложна. С особой тщательностью продумывал он все детали плана контратаки.

В своих бойцах и командирах он был уверен. Но как организовать бой? Идея полковника Соловьева была такова: у немцев излюбленный метод — это охват, окружение сил противника. Стало быть, надо побить немцев их же приемом. И удар нанести так стремительно и внезапно, чтобы фашисты и опомниться не успели.

Полковник поставил задачу: второму батальону с налета захватить село Б., уничтожить живую силу врага и отрезать дальнейшим движением на Д. пути отхода немцев; третьему батальону — захватить село Т., прорваться к Д., тем самым окружить врага. Первый батальон — во втором эшелоне.

Скрытно и быстро заняли батальоны исходное положение. Немцы обнаружили наше движение очень поздно для себя. Полковник Соловьев бросил приданные ему два танка на село Т. Через полчаса танки и вместе с ними третий батальон уже овладели селом Т., уничтожив штыком и гранатой остатки немецкой роты. Здесь было захвачено 4 миномета, 2 орудия. Здесь же были освобождены 2 командира и 72 бойца соседнего полка: запертые в сарае, они ожидали мучительной смерти от руки врага.

Второй батальон так же стремительно обошел село Б., ворвался и овладел им, захватив зенитное орудие, разогнав штаб 19-го немецкого пехотного полка и растрепав батальон пехоты. Тут был убит полковник, награжденный тремя «Железными крестами».

Полковник Соловьев через связных приказал батальонам немедленно наступать и ввел в дело второй эшелон, приказав первому батальону захватить село К., на которое отходили остатки немцев. Это решение было правильным. Выполнение его было точным и скорым. Первый батальон

овладел селом К., уничтожив штаб немецкого полка, забрав две штабных машины с документами. Немцы в панике «драпанули» к Д. Нами было захвачено 72 грузовика, 4 легковых машины, 74 мотоцикла и 120 велосипедов.

И село К. (другое) также было захвачено с налета. К вечеру полк обошел пункт Д. с запада, взял под контроль огнем важный узел дорог.

Полковник Соловьев приказал батальонам зарыться в землю.

Продумывая, радостно переживая течение боя, он говорил себе, что и идея, и организация боя были правильными, и это дало победу при совсем малых потерях.

В подразделениях шли беседы. Все были окрылены успехом.

3. БОЙ ПРОТИВ ТАНКОВ

Вскоре полк выдержал серьезное испытание: атаку танков.

До этого дня были мелкие стычки с врагом, отважные поиски разведчиков днем и ночью. Во главе с полковым разведчиком лейтенантом Видлогой разведчики пробирались в тыл врага. Вооруженные автоматами и гранатами, однажды ночью разведчики проникли в пункт Д. и напали на немцев врасплох. До батальона фашистов было расстреляно и уничтожено во время этой ночной вылазки.

Наступил памятный день. С утра полк стал наступать на пункт Д. Немцы, успевшие подтянуть крупные силы, перешли в контратаку. Они бросили в бой 74 танка — тремя эшелонами. Соседи полка подались назад. И полку пришлось круто...

Батальоны под напором врага отошли на свои рубежи. Немецкие танки надвигались. Рев моторов,

лязг гусениц произвели на бойцов тягостное впечатление. Но тут вступила в бой полковая артиллерия. Начальник артиллерии полка старший лейтенант Галиченков по приказу полковника Соловьева в три эшелона расположил свои орудия — взвод 45-миллиметровых противотанковых пушек и два взвода 76-миллиметровых.

Орудия тщательно замаскированы, позиции выбраны удачно. Галиченков сам просмотрел, проползал все кусты, бугорки и ямки. На огневых позициях отрыты хорошие укрытия.

Начарт, ушедший было на командный пункт Соловьева, вернулся и скомандовал:

— Приготовиться!

Танки с грохотом приближались. Командир взвода младший лейтенант Соколенко открыл огонь из своих двух орудий. Четыре танка были подбиты и зажжены. Колонна танков отошла обратно, но стороной продвигалась другая.

Начарт Галиченков со всех ног бросился на огневые позиции второго эшелона, приказал стрелять. Расчет первого орудия открыл огонь. Наводчик Хамед Ахметов со второго выстрела разбил танк. Экипаж стал вылезать из люков. Вторым снарядом — осколочным — Ахметов уничтожил экипаж. Один танкист был убит в то время, как он вылезал из башни. Так он и застыл, перевесившись через люк.

И другой танк был разбит наводчиком Ахметовым. Но третий стрелял с опушки рощи. Его выстрелом был убит командир взвода Злобин, успевший до своей смерти уничтожить четыре танка. Заменил командира сержант Бурдин. Он запалил еще три танка. Из-за опушки вышел новый танк. Прямым попаданием с трехсотметровой дистанции расчет одного орудия был выведен из строя. Другому пришлось отойти. Он отошел под прикры-

тием огня третьего эшелона — взвода лейтенанта Донца. А первый эшелон — младшего лейтенанта Соколенко, — уничтожив восемь танков, сам погиб весь. Танки прорывались. Они уже смяли прикрытие девятой роты.

В это время на командный пункт Соловьева был огневой налет минометов. Телефонные аппараты разбиты. Телефонисты — один убит, другие изранены. Полковнику Соловьеву было ясно, что если не отбить атаки, весь полк может погибнуть.

Он решил ввести в бой восьмую роту — последний свой резерв. Под проливным огнем по-пластунски он добрался до батареи. Здесь он приказал начарту Галиченкову организовать заслон и любой ценой держаться до тех пор, пока он не пришлет связного с сообщением: полковник на месте.

— А вы куда, товарищ полковник?

— К восьмой роте.

— Смертельный огонь. Вы не пройдете!

— Отставить! Выполняйте приказ! Товарищи! Не пропустить ни одной немецкой сволочи!

Бойцы хором отозвались:

— Не пройдет никто!

Полковник ушел вводить в бой восьмую роту. Старший лейтенант Галиченков осмотрел товарищей, собравшихся около разбитого орудия. Их было всего десятка два. Вот это весь заслон. А танки снова приближались.

Недалеко была огромная яма. По краям ее были отрытые стрелками окопы. Эти окопы и приказал занять командир Галиченков. Сам он поместился в центре, на правом фланге — старший лейтенант Сазонов, на левом — лейтенант Михайлов, мастер метания гранат.

Заслон во-время успел укрыться в окопах. Уже чесанули просочившиеся немецкие автоматчики. К котловану подошли, стали стрелять из пушек три

немецких танка. Заслон укрылся в окопах. Был убит один боец. Танки, постреляв с четверть часа, повернули башни в другую сторону.

Начарт Галиченков, поднявшись, сразу оценил обстановку и подал команду:

— Зажечь танки!

Сержант, фамилию которого Галиченков забыл, и боец Губин бесстрашно метнулись с зажигательными бутылками к танкам. Остальные, замерев, смотрели за ними.

Сержант и Губин, подбежав в танкам, бросили бутылки. Два танка запылали. Губин метнул бутылку в третий танк, тот загорелся, но неудачно. Немецкие танкисты успели отвести танк и, выскочив, затушить огонь песком.

Вскоре на котлован двинулась немецкая пехота. Котлован был окружен.

— Сейчас будут нас давить! — сказал в смертельном томлении красноармеец.

— Не бойтесь! Приготовить гранаты! — ответил Галиченков.

В этот миг к нему подбежал старший лейтенант Сазонов:

— Сидеть нельзя ни одной минуты!

— Правильно!

Сазонов выскочил из окопа:

— В атаку! За родину, за Сталина! Ура!

Все выскочили за ним, метнули гранаты.

Немецкие солдаты разбежались. Заслон бросился в лес. Когда немцы стали стрелять, почти все наши уже скрылись в лесу. Но двоих наших товарищей немцы успели застрелить.

Полтора часа держался заслон. Тем временем полковник Соловьев бегом вывел восьмую роту на опушку березовой рощи, вытянул сюда орудия, комплексные пулеметные установки. И — во-время. Тотчас же подошли, ринулись в атаку 17 немецких

танков. Шесть из них сразу запылали от огня орудий и крупнокалиберных пулеметов.

Остальные отвернули в сторону. Пехота, которая шла за танками, рассеялась.

Батальоны наши под прикрытием резерва отходили. Они уже отбили гранатами и зажигательными бутылками не одну атаку танков и пехоты, но и сами понесли потери.

Отошел с одним орудием — другое выбыло из строя — лейтенант Донец. Он разбил 12 танков и сам уцелел лишь потому, что после двух-трех выстрелов менял огневые позиции.

Стемнело. Полк тщательно окопался на новом рубеже. Полковник обошел батальоны. Сердце его обливалось кровью. Но немцы потеряли гораздо больше. Пятьдесят шесть танков было расстреляно и сожжено за этот день и до полка пехоты легло под огнем бойцов и командиров полковника Соловьева.

4. НОВЫЕ БОИ, НОВЫЕ ПОДВИГИ

Долго не спали в эту ночь в полку: оборудовали огневой рубеж, делились пережитым. И самое главное, что вынес из боя каждый, что запечатлелось в душе навеки, — это непоколебимая вера в боевое могущество полка, в свои силы, это вера в тех, кому вручена судьба, жизнь полка.

На другой день полк выдержал шесть атак врага, из них пять с танками. Восемнадцать танков было уничтожено за этот день.

Шестую атаку отбивала группа истребителей во главе с лейтенантом Тагановым. Четыре танка было сожжено, два запалил зажигательными бутылками красноармеец Поповский. Брызги от второй бутылки, которой он зажег второй танк, попали на одежду Поповского: так

близко подскочил он к танку. Одежда загорелась. Поповский, не растерявшись, сорвал одежду. Голый, с обожженными руками, ногами и грудью, прибежал он на командный пункт.

— В чем дело?

— Эх, жалко: третий был близко, да загорелся я сам. Ну, я им отомщу! — вскричал Поповский.

Сейчас он поправляется в полку.

Вскоре полк выдержал остервенелый натиск 24 танков немцев. Двадцать танков в этом бою было сожжено и подбито.

Но в этом же бою погибло и боевое охранение — взвод старшего сержанта Моисеева. Товарищи были окружены танками и пехотой, отбивались до последней капли крови и дали возможность подразделениям полка подготовиться к отпору.

Погиб в тот день и командир отделения третьей роты истребителей сержант Шабашов.

Надо было уничтожить два станковых пулемета врага. Шабашов со своим отделением пробрался по ходу сообщения в тыл немцев. Его заметили и начали окружать. Отделение стало отстреливаться, и Шабашов метнулся вперед к станковому пулемету. Но навстречу ему бежали офицер и солдаты. Через миг они схватили бы его у самого пулемета. Тогда Шабашов двумя гранатами взорвал немцев, пулемет и самого себя...

Товарищи, видевшие его подвиг, дали клятву беспощадно отомстить заклятым врагам.

Грозные бои шли в эти октябрьские дни под Москвой — за советскую столицу.

Достойное место занял полк товарища Соловьева в этих боях.

Доброго здоровья и новых побед вам, дорогие друзья!

ЛИЦО ФАШИСТСКОГО СОЛДАТА

Всем нам хорошо известно лицо фашистского солдата. Кровавая дорога, пепелища бесчисленных пожаров, сотни тысяч замученных, истерзанных до смерти, обесчещенных и расстрелянных. Разграбленные, разбитые жилища. Затоптанные, испоганенные поля. Вот они — вехи движения фашистских солдат.

Но кто же он, этот немецкий солдат? Чем он живет, что он думает? Как сам он относится к тому, что происходит вокруг него?

К числу прочих — опубликованных и известных — документов надо присоединить записную книжку солдата Бок. Это — радист танковой части. В его книжке — записи с начала 1941 года.

Обратимся к записям:

«*1 января.* Мы празднуем святой новый год. Много пищи и спирта.

4 января. Всю неделю каждый вечер напивались пьяными пуншем. Первая неделя года.

12 января. Когда-либо и где-либо я ударился или что еще. Теперь лежу в приемном покое».

Записи говорят сами за себя!

«*9 марта.* Мы все были пьяны до отказа. Ночью я помочился под себя под стол. Но ничего. Я продолжаю пить дальше.

26 марта. С 7.30 до 9.45 был чудесно пьян.

3 апреля. Ротный вечер пьянства в Линузен. Избыток пива и настроения.

5 апреля. Опять чудесно выпил».

Ошалелый пропойца, он интересуется только пьянством и женщинами. Записи о них не будем приводить.

12 мая пропойца сообщает, что идет подготовка к войне против России. 21 мая он отмечает скопление немецких частей в Восточной Пруссии.

«*15 июня.* Восточная Пруссия полна до отказа.

22 июня. В 3.00 сильный огонь на востоке».

Круг интересов пропойцы расширяется:

«*25 июня.* Смена КП. В пути следования сцапана первая вражеская курица, выпотрошена и вечером чудесно сварена. Великолепный бульон».

Продовольственный вопрос дальше часто затрагивается в записях. Через некоторое время Еск фиксирует: «Продовольственные запасы ограничены. За три дня $^1/_2$ хлеба на человека, 120 граммов кровяной колбасы, 50 граммов смальца, 120 граммов сыра и 50 граммов масла. И, к тому же, нельзя ничего «организовать». Но у меня есть свой оккупированный участок картофеля».

В записях мародера мы находим немало ценных признаний.

20 июля, в то время как Геббельс с его подголосками вопили на весь мир о новых победах, автор дневника записал:

«Сегодня я думал быть в Ленинграде. Но русские собрали силы и прорвались из большого кольца окружения. Один наш армейский корпус имеет только 25 танков из 250. Дивизия «СС» почти уничтожена».

«*3 августа.* «СС» и некоторые наши роты применяют возмездие. Одна деревня сожжена, так как поблизости от нее один фельдфебель, унтер-офицер и два ефрейтора убиты при «организации». («Организацией» немцы называют грабеж. — *В. С.)*

4 августа. У нас стрельба ночью. Полиция при-

вела ночью всех мужчин от 14 до 65 лет в штаб. Они были допрошены. Ночью у палатки Фабе взорвалась ручная граната. Два человека ранены. Когда оба отошли от аппарата, телеграфный аппарат исчез. Утром его нашли в лесу. Несколько полицейских убиты ночью в деревне. 12 жителей деревни расстреляно.

5 августа. Расстреляно двое русских.

6 августа. На этом КП расстреляно 28 русских. Немецкое командование обещало солдатам отпуск, вывод танковых частей глубоко в тыл».

В одном месте дневника Бок отметил слухи об отправке его части в Германию не позже 10 августа. Но 27 августа солдат меланхолически записывает:

«Прочь мечты об отпуске. Во-первых, дело обстоит так, что 50-й армейский корпус, взамен вытащенного 56-го корпуса, наступает с юга на Ленинград вместе с почти разбитыми «СС». Затем нас переключат на создание большого окружения Москвы. Я нуждаюсь в теплом белье и водке».

Очень интересно звучит следующая запись пропойцы:

«*8 сентября.* Меня лихорадит. Здесь вокруг бродятся партизаны».

В середине сентября немецкие части были переброшены из-под Ленинграда на Вяземское направление:

«*28 сентября.* Смотр орудия и противогазов. Танковой группе подчинены 4 армейских корпуса.

29 сентября. Части, которые уже однажды сменялись, больше не будут заменяться.

1 октября. Завтра в 5 часов начнется наступление...»

Вскоре записи оборвались.

О чем говорит записная книжка? Гитлер, фашизм вытравили из души этого солдата все человеческое, что могло у него быть.

Пропойца, грабитель-«организатор», насильник, трус — вот подлинное лицо фашистского солдата.

Задача всех честных людей на земном шаре: уничтожить фашистскую нечисть!

«Правда», 2 ноября 1941 г.

НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

Утро вставало несмелое — серое и сырое. Грустно раскачивались под ветром ветви деревьев; шуршал листопад; скрипела ставня дома. Злобно ударили немецкие минометы и артиллерия. Вечер накануне и вся ночь были подозрительно тихи. Командир противотанкового полка майор Ефременко вздохнул, словно с облегчением, и, отрываясь от карты, сказал:

— Ну, я так и думал!

По силе огня ему было ясно, что это не обычный, как в эти дни, огневой налет. Майор поговорил по телефону со своими командирами батарей. Голоса их звучали уверенно и твердо. На лице майора, мужественном и простом, мелькнула и погасла улыбка удовлетворения. Левый фланг... Левый фланг у майора Ефременко был открытым. И, хотя майор и выдвинул туда два орудия второй батареи и повернул туда два орудия четвертой батареи, — все же его точила тревога.

Пока майор говорил с командирами, стало светло. На крышах домов селения, на изгороди и кустах блестели капли утренней октябрьской влаги. За селением лежало ровное польцо, километра на полтора. Дальше неясно виднелась опушка леса. Оттуда и били минометы и пушки противника. Там накапливались его танки. Разведка установила, что их больше сотни. Немцы несколько дней уже готовились наступать.

Полк майора Ефременко преграждал путь врагу на важном направлении. В селении сходились четыре дороги. Вот этот узел путей и «оседлал» своими батареями майор Ефременко.

А позади, на востоке, в 100—120 километрах, была родная и прекрасная Москва. А впереди — на западе — простирались советские земли, придавленные, истоптанные коваными немецкими сапожищами, залитые кровью советских людей...

Майор проскочил на автомобиле прямо на огневые позиции полка. Он еще раз просмотрел, проверил систему огня. Да, батареи могут поддержать своим огнем друг друга. Пусть командиры помнят священный закон взаимной выручки в бою!

Майор говорил с командирами, политработниками, бойцами. И, как ни сложна обстановка, от его взгляда не ускользнул рваный сапог одного наводчика. Тут же отдано приказание заменить сапоги, а эти починить. И навстречу, и вслед ему блестели веселые дружеские взгляды артиллеристов. Они и любят своего командира, и уважают его, и верят, верят в него.

Младший сержант Петр Стемасов, командир отделения радиосвязи, поделился своими мыслями с приятелем, санинструктором Ботвиным:

— Вот я тебе скажу: с таким командиром, как наш, ничего не страшно! Сам он тоже бесстрашный.

— И мы не подкачаем! — гордо сказал Ботвин!

Они собирались пить чай из чугунка. Уселись на краю окопа. Он был отрыт отлично, в нем можно было укрыться и от гусениц, и от огня танка. Над кружками с густым чаем поднимался душистый парок. Хорошо попить чайку, когда кругом слякоть и непогода. Но друзьям не пришлось попить чайку. Резко прозвучал сигнал воздушной тревоги.

Нарастал гул немецких самолетов. Вот уже видны серые бомбардировщики. Двенадцать «Юнкерсов».

Зенитная батарея полка открыла огонь. Бомбардировщики стали в круг. Они пикировали, засыпая бомбами боевые порядки полка, взмывали вверх и вновь пикировали. Зенитчики подбили один самолет. Густо задымив, он отвалил в сторону и трахнулся за леском о землю. Но и у нас одно орудие было подбито, три артиллериста ранены.

У командира батареи лейтенанта Белякова вырвалось крепкое слово. Он стоял около стога, вскинув голову, и смотрел, как пикировали бомбардировщики. Политрук Замалетдинов, с восхищением глядевший на своего командира, застыл: там, где стоял Беляков, всплеснулся взрыв авиабомбы. Убит? Замалетдинов кинулся туда. Лейтенант Беляков встал. Отряхиваясь, он шел навстречу политруку.

— Я-то напугался! — радостно улыбаясь, признался Замалетдинов.

Стемасов тоже видел, как упал командир. Он выскочил из своего окопа. Но, увидев, что лейтенант встал жив и невредим, а поодаль горит трактор, Стемасов со всех ног побежал к трактору. Он стал забрасывать его жидкой грязью. Подбежавшие трактористы помогли заглушить пламя и тотчас отвели машину в тыл.

Немецкие бомбардировщики вскоре вернулись. На этот раз их было четыре десятка, и они бросали фугасные бомбы крупного калибра.

— Сейчас будет атака танков! Держитесь хладнокровно! Огонь открывайте разом изо всех орудий! — приказал командирам батарей майор Ефременко.

Бомбардировщики, сбросив груз бомб без особого вреда, стали пикировать и обстреливать артиллеристов из пулеметов. Рев моторов, треск стрельбы, напряженный огонь зениток. Артиллеристы укры-

лись в ровиках и глубоких щелях. Славные зенитчики сбили еще два самолета врага.

Стрелковый батальон командира Решетникова подался назад. Стрелки стали проходить сквозь боевые порядки артиллерии. Вот тут и стрелки, и артиллеристы увидели генерал-лейтенанта Рокоссовского. Высокий и стройный, голубоглазый и спокойный, — как всегда, не обращая внимания на бомбежку и обстрел, — генерал выслушал короткий и точный рапорт командира противотанкового полка. Одобрил выбор огневых позиций. Подчеркнул — внимание на правый фланг. И приказал майору подчинить себе стрелковые подразделения, использовать их как прикрытие огневых позиций артиллерии. Это было сделано немедленно. У каждого орудия окопалось прикрытие — по десять стрелков.

Генерал умчался на другой горячий участок боя.

Еще строчили из пулеметов немецкие самолеты. Но самое главное было впереди.

Первые три танка выскочили из леса и ушли обратно, встреченные снарядами... А через двадцать минут немецкие танки выползли оттуда, из опушки леса за польцом. Сколько их было? Майор Ефременко, другие командиры насчитали восемьдесят.

Танки шли уже в тысяче метров от огневых позиций. Грянули батареи. Над десятком танков взвились огромные языки пламени, завихрились чёрные клубы дыма. И еще с десяток остановились, прошитые бронебойными снарядами советской артиллерии.

Но еще много десятков ползло вперед.

За ними во весь рост шли автоматчики, тянулись на прицепах тележки, тоже с автоматчиками, пьяными вдребезги, озверелыми.

Майор Ефременко приказал командирам батарей вести огонь, чередуя бронебойные снаряды, шрапнель и картечь.

Первый залп батареи лейтенанта Белякова пробил брешь в цепи фашистских автоматчиков. Стрелковые подразделения открыли огонь из пулеметов и винтовок. Выстрелы слились в протяжный скрежещущий гул и грохот. Над поляной густой пеленой стлался дым, сквозь него неясно маячили силуэты танков, блестели вспышки выстрелов, ревело пламя горящих стальных чудовищ.

Самый сильный напор был против батареи лейтенанта Белякова. Лейтенант перебегал от одного орудия к другому. Становился наводчиком. Стрелял. И неизменно после каждого его выстрела очередной немецкий танк был или зажжен, или подбит.

Лейтенант Сторижко, командир взвода, стрелявший за наводчика и уже сбивший четыре машины, был ранен. Товарищи перенесли его в ровик. Беляков подбежал к орудию. Первым же выстрелом он зажег приближавшийся немецкий танк. Расчет отозвался восторженными возгласами. Беляков продолжал стрелять, и его снаряды зажгли еще две вражеских машины. Остальные танки отвернули в сторону.

Но и у Белякова вывели из строя уже не одно орудие. Младший сержант Стемасов подполз к подбитому орудию. Весь расчет погиб у него на глазах.

— Давай откопаем! Помогай! — приказал Стемасов трактористу Чоботову.

Они выкопали засыпанный землею лафет, подвинули орудие. Подошедший наводчик Неронов, обнаружив, что панорама разбита, бросился доставать учебную, которая, как он вспомнил, была на одном из тракторов.

Радист Петр Дмитриевич Стемасов стал к орудию и выстрелил. Снаряд угодил прямо в стог снега.

И, как ни было тяжело и страшно вокруг, оба они рассмеялись. Стемасов зарядил орудие. Средний танк лязгал гусеницами метрах в ста. Очереди его пулемета взрыхлили землю перед орудием. Довернув орудие на-глазок, Стемасов выстрелил. Снаряд пробил броню, и танк осел — разбитый, обезвреженный.

— Это вам за родину! — сказал Стемасов. Милое лицо его — прямой нос, высокий чистый лоб, широкие смуглые щеки, светлозеленые глаза — пылало отвагой. И весь он — среднего роста, атлетического телосложения — был олицетворением силы и обаятельной юности.

Наводчик Неронов прибежал с учебной панорамой. Втроем они приладили ее, связали перебитый щит и продолжали стрелять.

Командир полка управлял боем со своего командного пункта на опушке леса, невдалеке.

Он ощущал, он видел всю картину боя — и атаку немецких танков, и огневой отпор батарей. Отлично действовал Беляков. И старший лейтенант Капацын, командир третьей батареи, грозно и насмерть отбивал врага. Майор улыбался, видя, как перед огневыми позициями Капацына пылали и останавливались громады танков. В трубке телефона слышался задорный голос Капацына:

— За родину — по немецким танкам беспощадный огонь!

Ревели орудия. Дым от стрельбы в это сырое, пасмурное утро нависал, сгущался над полем боя все сильнее. Командир полка приказал вести огонь на всплески выстрелов, на шум моторов.

Сам он все больше тревожился: а как там, на левом фланге? Он еще и еще раз предупредил об

этом командира четвертой батареи старшего лейтенанта Сиромаху — нового в его полку.

Сиромаха и его комиссар Гуськов — румяный и жизнерадостный москвич — и сами не спускали глаз с левого фланга. Они во-время увидели, как в обход слева, по кустам, шли танки, — над вершинами кустов словно плыли башни. Их было пятнадцать.

Танки шли очень быстро. Дорого было каждое мгновенье. Минута — и танки могли прорваться на огневые позиции. Расчеты наших противотанковых орудий действовали стремительно и точно.

Командир орудия сержант Калинин и наводчик Радченко с первого же выстрела зажгли немецкий танк. И второй. И третий. С десяти выстрелов расчет первого орудия уничтожил пять машин. Калинин был ранен в шею, но не ушел.

Прямое попадание немецкого снаряда разбило наше орудие. Расчет укрылся в ровиках. Только тут перевязали Калинина.

Слева прямо на огневые позиции прорвались шесть немецких танков. Один начал крутиться над ровиками, в которых укрылся расчет сержанта Калинина. Когда танк ушел, артиллеристы вылезли и отряхнулись. Они были все целы, — ровик отличный! Другой танк прошел мимо щели, в которой сидел комиссар батареи Гуськов. Сердце Гуськова сжалось в смертельной тоске: немцы прорывались в тыл батареи Белякова. Видит ли он опасность? Рядом разорвался снаряд. Это наш. Это ударило орудие батареи Белякова.

— Спасибо, товарищ! — сказал в счастливом волнении Гуськов, он и не думал о том, что смерть — вот она, рядом с ним. — Бей, бей его, подлеца!

Второй снаряд попал в броню. Махина запылала. Из башенного и переднего люка выскочили осатанелые немецкие танкисты. Гуськов и Сиромаха уничтожили их выстрелами из пистолетов.

Связь у командира полка с батареями была разорвана осколками снарядов. Серьезные потери: подбито больше половины пушек. Но и у фашистов сожжено и расстреляно 59 танков. Они догорали на польце. Другие же отходили и сосредотачивались на горке под лесом.

Пехота вражеская и автоматчики тоже отхлынули. Их трупы усеяли и польцо и кустарник слева, против двух орудий батареи Сиромахи. Но, отхлынув здесь, фашисты перегруппировались, чтобы вновь ударить с флангов.

Командир полка принял решение вывести свой полк на новый оборонительный рубеж.

Мастерски уводя уцелевшую материальную часть, артиллеристы заняли этот рубеж.

В МОСКВЕ И С МОСКВОЙ

(Из зала торжественного заседания Московского совета)

Там, в бескрайной ночи, под городами и селами Подмосковья, на полях и в лесах, сейчас идет бой. Грохочут орудия, мчатся снаряды. Пулеметы и автоматы строчат свою смертельную строчку. На дальних рубежах советские патриоты обороняют Москву, отбивают и уничтожают заклятого врага.

А мысли их в эти ночные грозные минуты — в Москве и с Москвой.

И за Полярным кругом, и вокруг Ленинграда, и в лесах Валдая, и в Донбассе, и в Крыму, под Ростовом и Тулой советские патриоты бодрствуют в окопах, на огневых позициях у орудий и минометов, в танках, самолетах. Моряки несут зоркую вахту на боевых кораблях.

А мысли их сейчас — в Москве и с Москвой.

За линией фронта, обездоленные, терроризированные немецкими захватчиками, в страданиях и муках томятся советские люди. Отважно действуют партизаны.

А мысли их сейчас — в Москве и с Москвой.

В снегах Арктики и в солнечных долинах Закавказья и республик Средней Азии, в Поволжьи и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке советские патриоты на предприятиях несут боевые вахты труда, колхозники подводят итоги сельскохозяйственного года и планируют будущее своих кол-

хозов. И по всей нашей необъятной стране сейчас мысли всех советских патриотов в Москве и с Москвой.

И вот она, родная и прекрасная столица. На улицах гремят танки — новая бригада идет на фронт. На магистральных улицах — баррикады,— это само дыхание фронта.

В мерцающем свете звезд высятся кремлевские башни. Улицы полны москвичей. Торжественный, приподнятый говор. В голосах — невыразимое волнение.

Вдруг разгорается пальба зенитных батарей. Вдоль улиц, словно в горных ущельях, гремят и гремят раскаты. Особенно старательно и крепко бьют в этот вечер зенитчики. И столицу надежно прикрывает плотная огненная шапка сверкающих разрывов. Ни один вражеский самолет не смог проникнуть сквозь этот заградительный огонь.

И во время воздушной тревоги москвичи не хотят уходить. Звучит все тот же торжественный, приподнятый говор.

Завтра — двадцать четвертая годовщина Октября. И, как всегда, каждый год, традиционно— в этот вечер, синий и свежий,— Московский совет депутатов трудящихся проводит торжественное заседание совместно с партийными, общественными организациями, стахановцами, ударниками и советской интеллигенцией.

Огромный, залитый солнечно-мягким светом зал. Трибуна. Бюст Ленина. Портрет Сталина. Цветы.

Ряды стульев. По бокам — массивные колонны.

Задолго до начала заседания зал уже полон. Людей меньше, чем было в прошлом году в Большом театре. Встречаются старые друзья, соратники.

Разговоры, расспросы, короткие реплики. Тот на фронте, и тот на фронте, и многие на фронте. Про других узнаем: пускают заводы, налаживают производство на новых местах, в глубине страны. В разговорах, в повадках — все тот же характер москвичей, характер большевиков, людей высоких помыслов и серьезных дел, жизнерадостных, смелых.

Скоро семь. Взгляды все чаще устремляются к трибуне. Ожидание нарастает. Разговоры идут вполголоса.

И вдруг весь зал встает. Плещет могучим валом искрометное, из самой глубины души и сердца «ура», возгласы:

— Да здравствует великий Сталин!

— Да здравствует партия Ленина—Сталина!

— Да здравствует родина!

На трибуну выходят товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Микоян, Берия, Маленков, Щербаков, Буденный, Пронин, Попов и другие.

Сталин стоит с правой стороны. И у фронтовика, приехавшего на заседание прямо с позиций, вырывается радостно и изумленно:

— Да он помолодел!

И радостный гул, и новые возгласы приветствия и любви могучей волной вздымаются по залу. И каждый всматривается в черты лица, чтобы унести, сохранить навсегда и этот живой и проницательный блеск глаз, и морщинки на висках, и поседевшие усы, и весь облик человека — великого и до бесконечности родного.

Сталин, наш Сталин, радость и надежда, сила и разум всего человечества!

Председательствующий товарищ Пронин объявляет заседание открытым. Выборы почетного пре-

зидиума: членов и кандидатов Политбюро и товарища Буденного.

И вот — слово для доклада имеет товарищ Сталин. Он проходит на трибуну легкой и сильной походкой. По залу снова — шторм оваций. Товарищ Сталин с мягкой укоризной вынимает часы, показывает на них. Наконец раздается его знакомый голос.

И — словно нет и не было ни стен, ни колонн, ни этого зала. И прямо отсюда, от этой трибуны, простираются необъятные просторы родины и родных советских земель по ту сторону фронта, попранных сейчас заклятым врагом. Прямо отсюда, от этой трибуны, словно с вершины горного кряжа, становятся видны страны там, за рубежами нашей родины.

Предельно простые и глубоко мудрые слова доклада, они раскрывают весь смысл и итоги нашей войны против немецких захватчиков, положение у нас и за нашими рубежами.

В нем — правда, и только правда, как всегда в докладах товарища Сталина.

Правда о враге. Правда о наших временных неудачах на фронтах. И — ликующая, научно-точная правда о неизбежности разгрома немецких империалистов и их армий.

И каждый в этом зале — ученый и стахановец, общественный работник и военнослужащий — впитывает слово за словом, горячо отзываясь на доклад.

Товарищ Сталин говорит, что фашисты имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова; в голосе его собравшиеся в зале слышат и волнение, и гневную страсть патриота.

Сверкают глаза, сжимаются руки. И когда

беспощадным и справедливым приговором звучат слова Сталина: «Смерть немецким оккупантам!» — по всему залу грозным вихрем проносится:

— Правильно! Смерть!

Товарищ Сталин продолжает доклад. И каждому ясны пути к нашей победе над врагом. И в каждом бурлят новые силы, воля, стальная сталинская воля к борьбе.

Товарищ Сталин заканчивает доклад, и снова слышатся в его голосе волнение и сила.

Снова овация, запевают «Интернационал», гремит наш гимн под сводами зала. Нет, он гремит на весь мир, как и слова великого Сталина:

— Наше дело правое, — победа будет за нами!

«Правда», 6 ноября 1941 г.

ГОЛОС ВОЖДЯ

Каждый час, каждое мгновение в эти исторические дни оставляет след в памяти, в сознании.

Нам, советскому народу, сейчас нелегко. Хотя и на время, а утрачены советские земли на западе, враг злобствует под городом Ленина, оголтелые фашисты рвутся к Москве, они свирепствуют в Донбассе, лезут в Крым, тянутся к Ростову-на-Дону.

Нам, советскому народу, нелегко, нам трудно. И вот, как всегда в трудное время, призывно и пламенно звучит голос вождя.

Тягчайшие годы гражданской войны. Юная Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — в огненном кольце интервенции и контрреволюции.

И народ слышит призывные, бодрые голоса Ленина и Сталина. Они зовут к борьбе, к победе. И народ побеждает сонм супостатов.

Вот и теперь фашистские убийцы замахнулись на весь советский народ. Гитлер бросил орды свои — тучи самолетов, оравы рычащих танков, скопища убийц — на нас, на советские земли. Трудно. Тяжело. Но в Москве, с Красной площади, с трибуны Ленинского мавзолея гремят на всю страну, на весь мир слова нашего Сталина, и в них — вся сила гения Ленина и Сталина.

В этих словах — сокровенные думы и чаяния всего советского народа, каждого из нас.

Это за всех нас продумал, прочувствовал и выразил со всей сталинской силой нашу советскую, русскую правду—лучезарную правду—наш вождь, наш учитель, наш друг!

Мы знаем, мы видим, мы осязаем реально: пройдут тяжелые дни, победа будет за нами. Враги — все до одного,—вторгнувшиеся на священные земли нашей родины, будут уничтожены.

«Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений». Это сказал наш Сталин, и это будет так, как он сказал.

И каждый из нас, сынов и дочерей Советской страны, каждый из патриотов, кому дано великое счастье жить и бороться в эпоху Ленина и Сталина, отзывается на слова, на проникновенный голос вождя с глубоким волнением души, с крепким и звонким стуком сердца.

— Да, это и мои думы, и моя жизнь, и моя кровь, моя борьба, дорогой и любимый товарищ Сталин.

Осененные победоносным знаменем великого Ленина, ведомые нашим Сталиным, мы, советские люди, разгромим и уничтожим немецких оккупантов, отстоим нашу родину, освободим наши земли от захватчиков.

Сила Сталинская с нами.
Слово Сталина средь нас!

«Правда», 7 ноября 1941 г.

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ И ЕГО ГВАРДЕЙЦЫ

I

До Москвы оставалось лишь сто двадцать километров. С запада отходили, отбивая яростный натиск врага, наши усталые части. Немецко-фашистские дивизии южнее прорывались к Можайску. Но командование немцев обращало внимание и на этот участок. Здесь проходили асфальтированные шоссе и железная дорога на Москву, здесь была густая сеть шоссейных и хороших грунтовых дорог рокадного типа. Немцы бросили сюда три пехотных дивизии, одну мотодивизию и одну танковую. Кроме того, действовала многочисленная авиация. В противовес наше командование перебросило сюда 316-ю стрелковую дивизию — свежую, еще не бывшую в боях. К 14 октября дивизия заняла свой боевой участок.

Так возникло Волоколамское направление.

Прежде чем части стали на места, генерал Панфилов проехал на автомобиле по переднему краю всего участка дивизии.

Сорок четыре километра! Во много раз больше уставной нормы. Местность была тоже в пользу противника: ни одной серьезной водной или какой-нибудь естественной преграды, много проходимых для танков мест.

Вдобавок ко всему, у немцев — дивизия танков, а у него, Панфилова, ни одного танка...

Наконец на левом фланге боевого участка обрывалась Можайская линия укрепления. Дальше лишь предполагалось возвести укрепления, но к приходу дивизии здесь были только разметки, а сама работа не начиналась.

— На колышки садись и против танков обороняйся! — усмехнулся генерал Панфилов.

Но и там, где были укрепления, не все было хорошо. В одном месте оборонительная линия обходила и оставляла впереди себя высоту, с которой местность просматривалась вокруг километров на десять — двенадцать.

С юго-запада, со стороны Можайска, доносился глухой гул артиллерийской стрельбы. С запада по дорогам и тропам шли группами и в одиночку бойцы и командиры. Не у всех было оружие. Генерал изредка останавливал машину.

— Из окружения?

— Точно, товарищ генерал-майор.

Панфилов расспрашивал, внимательно слушал, запоминал. Внешне он был совершенно спокоен.

К ночи накануне поднялась внезапная метель. До зари бушевал ветер, лепил косой снегопад. А теперь из-под снежных охапок, пригнувших ветви, виднелась могучая зелень дубов, горело золото берез, пламенели резные листья калины.

Генерал смотрел вокруг, глубоко вдыхал морозный воздух, на душе становилось легче и яснее.

Он вернулся на свой командный пункт с полным и трезвым представлением о всей сложности и ответственности обстановки на участке дивизии. Он сразу же выслушал доклады начальника штаба, разведчика, артиллериста, инженера и связиста дивизии. Потом, сбросив шинель, стал ходить по избе. Два ордена Красного Знамени горели у него на груди. Невысокого роста, подтянутый, он двигался легко, словно скользя. Никак нельзя было

дать ему его сорока восьми лет. Только широкое серебро седины в коротко подстриженных волосах говорило о возрасте, о многом пережитом. Карие глаза его были удивительно свежи и молоды. На смуглом, чуть скуластом лице жило выражение уверенности, силы. И в часто возникавшей усмешке, когда под черными усиками вдруг блестели зубы, — в этой усмешке бывалого, видавшего всякие виды солдата, — светились природный глубокий ум, человечная проницательность.

Дивизия прибыла из тыла еще в августе, находилась в резерве ставки и, не теряя даром ни одного часа, в прифронтовой обстановке училась, училась, училась.

— Воюя, учись воевать! — говорил Панфилов и лично проводил в частях учебные стрельбы.

— А сложное здесь дело, Иван Васильевич! — сказал комиссар дивизии, старший батальонный комиссар Егоров.

— Конечно, сложное! — горячо отозвался генерал. — В империалистическую и гражданскую войну проще было... — Он умолк на мгновение и усмехнулся. — А здесь думать надо. Как бороться против танков, когда у нас их вообще нехватает? Небывалая сложность! И немцы висят на флангах!.. Давай принимать решение.

Они оба склонились над развернутой картой.

— Противник силой трех пехотных, одной мотодивизии и одной танковой готовит прорыв и захват Волоколамска!

Перед взором Панфилова зеленые пятна на карте поднимались лесами, рощами и перелесками, коричневые диагонали, сходясь в пучки, виделись ему как овраги и обрывы, крутые склоны. Карта ожила.

Генерал выпрямился. Глаза его были прищурены, в уголках собрались лучики морщин.

— Дивизия занимает оборону на широком фронте. Задача: задержать, измотать противника. Отхода без приказа не будет. Оборону будем держать активную. Фланги закрыть. На этих двух направлениях — создать противотанковые узлы. Обязательно с глубиной. Особо важно: создать и держать в руке сильный резерв, заградительный отряд. В любое время он может понадобиться! А всем подразделениям зарыться в землю. Дай приказ всем комиссарам! Пока непогода — надо воспользоваться!

Решение принято. Генерал Панфилов продиктовал начальнику штаба приказ. Делегаты связи из частей тут же записали приказ и умчались.

Генерал вызывал к себе командиров, говорил с ними по телефону, требовал донесений, посылал для проверки штабных командиров.

Он хорошо знал свою дивизию, личный состав. Но все же это была только пехота. В памяти генерала всплывали бои тех двух войн. Унтер-офицер, а потом фельдфебель в царской армии, он участвовал в боях против немцев на Юго-западном фронте. В гражданскую войну командовал взводом, потом батальоном в славной дивизии Василия Ивановича Чапаева.

Он испытал кровопролитные атаки и контратаки, бесчисленное множество артиллерийских налетов. Он был в пехоте. Пехота выдерживала и побеждала.

Но здесь танки, авиация. У генерала срывался невольный вздох.

— Трудно сейчас воевать пехоте!

Он представлял себя командиром роты, батальона. Вновь и вновь изучая карту, он решал задачи на оборону за командиров взвода, роты, батальона.

И прямо от этого переходил к новым решениям. Так, он приказал начальнику штаба немедленно

изучить рубежи обороны в тылу боевого участка. И на изумленный взгляд того коротко ответил:

— Сейчас мы будем сидеть на своем участке до конца. Но надо все предвидеть! Трудно сейчас воевать пехоте.

Каждый час генерал справлялся у начальника артиллерии дивизии, как движутся на позиции три подчиненных ему противотанковых полка и поддерживающий дивизию артиллерийский пушечный полк.

От инженера дивизии он требовал немедленного создания заграждений, минных полей, окопов — и тоже не только по фронту, но и в глубину.

Каждый час генерал вызывал разведчика.

Над округой шла ночь — метельная, буревая. Залепленные снегом, щурясь и утираясь, непрерывной чередой приходили к генералу люди. Было не до сна. Генерал готовил отпор врагу, готовил дивизию к бою.

Батальон старшего лейтенанта Райкина в районе совхоза Болычево и деревни Федосьино закрывал левый фланг дивизии.

Райкин произвел тщательную рекогносцировку вместе с командиром приданного ему артиллерийского дивизиона.

Четвертая и пятая стрелковые роты и минометная рота заняли позиции вокруг деревни Федосьино.

Шестая рота старшего лейтенанта Маслова, с приданным пулеметным взводом, двумя противотанковыми орудиями и двумя 76-миллиметровыми пушками, заняла совхоз Болычево — километра на два южнее.

Маслов выслал боевое охранение своей роты на полтора километра вперед, к деревне Красная Горка.

Бойцы роты отрыли окопы полного профиля. Артиллеристы выкатили орудия на огневые позиции и тщательно замаскировали их.

14 октября боевое охранение заметило приближающуюся разведку немцев: мотоциклы, грузовики с пехотой.

Получив донесение, Маслов бросился туда и подоспел в разгар боя. Немецкая разведка была отброшена.

— Ну, теперь не зевать! — спокойно сказал Маслов.

К вечеру перед деревней появилось двадцать танков и больше роты пехоты. Обстреляв пехоту, прижав ее к земле, боевое охранение отошло в ротный узел обороны.

15 и 16 октября были ожесточенные бои за совхоз Болычево.

Десять немецких танков пошли прямо на совхоз. Командиры орудий Михайлов и Перетятькин пристально следили за танками с высоты, по которой шли их огневые позиции.

На пути врага был мост через речку Колотовка. Около моста, замаскировавшись бурьяном в яме, еще до рассвета засел истребитель танков Кирилл Кривенко. На краю ямы он аккуратно разложил гранаты, зажигательные бутылки.

Танки с грохотом и лязгом прошли по мосту. Кривенко дождался, пока последний поравнялся с ним, и бросил гранату. Взрывом сорвало гусеницу, и танк, развернувшись поперек дороги, остановился. Кривенко метнул бутылку, танк охватило грозное пламя. Из переднего люка один за другим выскочили фашисты. Кривенко метнул в открытый люк гранату. Взрывы снарядов разнесли танк.

Впереди танки остановились в замешательстве, продолжая, однако, вести по нашим позициям огонь из пушек и пулеметов.

Командиры Михайлов и Перетятькин метким огнем своих орудий расстреляли два танка. Когда эти машины загорелись, остальные немедленно повернули назад.

— Хитрят, шакалы! — сказал Михайлов. — Быть в полной боевой!

Кривенко возвратился к своим; его встретили радостно, шумными одобрениями.

Через полчаса в атаку пошли сорок немецких танков.

Командир артдивизиона сосредоточил на них огонь всех своих орудий. Артиллеристы расстреливали их прямой наводкой. Тут и там на поле полыхали зажженные снарядами стальные черепахи.

В первый же день артиллеристы разбили и сожгли семнадцать танков.

Наводчики Обухов и Терехов уничтожили каждый по три танка. Обухов после гибели расчета продолжал стрелять один. Он стрелял до последнего снаряда, потом взорвал орудие и отошел, забрав панораму.

Утром 17 октября рота Маслова была окружена. Глубоко и тщательно зарывшись в землю, герои отбивали все атаки врага. Отбивались еще 18 и 19 октября — в окопах за совхозом. Ночью они видели в совхозе костры, до них доносились скрежет гусениц, рев моторов, пьяные вопли. Днем рота опять отбивалась.

Боеприпасы и продовольствие вышли. Осталось только по пять патронов и всего четыре гранаты. Эти гранаты Маслов сберег, чтобы оставшиеся в живых могли взорвать себя.

19 октября Маслов и с ним тринадцать красноармейцев пробились с оружием в руках к своим.

Окружив Болычево 17 октября, немцы атаковали Федосьино и позиции вокруг него.

Генерал Панфилов приказал перебросить из резерва восьмую роту на левый фланг батальона. Рота подоспела во-время. Она успела занять оборону за противотанковым рвом. Проходы были немедленно заминированы.

Местность за рвом — открытая. Немецкие танки напоролись здесь на огонь и мины. Десять танков погибло. Остальные ушли назад.

Отбиты были атаки и на позиции вокруг Федосьина.

Заместитель политрука Добренко — связист — после восстановления связи с ротой пришел на командный пункт командира батальона Райкина.

— Товарищ старший лейтенант! За речкой по кустам танк идет. Прямо на мост! Разрешите выйти навстречу. Прошу дать противотанковые гранаты!

— Хорошо. Идите!

Добренко и связисты Козлов и Зайцев, захватив гранаты, двинулись к танку. Он стоял в кустах перед мостом. Немцы заметили связистов и обстреляли их из пулеметов.

Юркнув в кусты, ползком, по-пластунски, связисты пробрались в тыл врагу. Но тут они увидели другие танки и немедленно вернулись в батальон, доложили командиру.

Больше в этот день танки не ходили в лобовую атаку. И Райкин думал, что завтра надо ждать от немцев еще пакости.

В батальон Райкина вместе с восьмой ротой прибыл начальник штаба полка капитан Манаенков. Расположив восьмую роту, он обошел позиции батальона, подбадривая бойцов, давая указания командирам.

Промозглое, сырое было утро 18 октября. На земле лежал снег, пасмурно и угрюмо глядело небо.

Немцы с утра пошли в наступление. Сто танков, восемьдесят грузовиков с пехотой...

Ревели наши орудия, разрывы снарядов и мин сливались в сплошные раскаты.

Генерал Панфилов пристально следил за своим левым флангом. В штабе командиры уже подсказывали, что надо выбросить резерв — заградительный отряд. Но генерал выжидал. У противника была сильная группировка и на другом шоссе, — и там тоже были танки, и там противник нажимал. Здесь батальон, закрывавший левый фланг, стойко держался, нанося немцам огромные потери. Бросить сюда резерв? А дальше?.. Но когда в это утро он получил донесение о наступлении ста танков, он немедленно выбросил свой резерв на левый фланг, двинул в Осташево подошедший противотанковый полк, а другой оставил у себя в Спас-Рюховском. Строились два мощных противотанковых узла, два эшелона. Третий узел так же срочно создавался в Рюховском.

Генерал Панфилов твердо проводил в жизнь свои решения.

Он требовал подробных донесений о боевых действиях, о подвигах бойцов и командиров.

Начальнику политотдела дивизии он говорил:

— Слыхал, как Кривенко танк поджег? Как артиллеристы действуют? Подробно узнай и популяризируй! Чтобы в дивизии все про них знали! Поднимай дух! Дух этим поднимай!

Немцы бросили на позиции восьмой роты сорок танков. Они охватили фланги. Предатель — какой-то не разоблаченный в свое время кулак, проникший в строительный батальон и сбежавший

к фашистам,— показал немцам минированные проходы и пути обхода позиций роты. Десять фашистских танков прорвались прямо к окопам.

Под гусеницами погибали отважные бойцы, забрасывавшие танки гранатами и зажигательными бутылками.

Красноармеец Левкобылов из своего глубокого окопа видел, как погиб его товарищ под танком.

Казах из Алма-Аты, колхозник и коммунист, до призыва в армию Левкобылов учился. В части он был ротным агитатором и редактором «Боевого листка». Невысокий, худенький, он был неутомим, поспевал всюду, и его все любили за веселый и отзывчивый характер.

Он поднялся над окопом. Ливень пулеметного огня бушевал над ним.

— Товарищи, нас убивают! Сидеть бесполезно. Бойцы, всех призываю следовать за мной!

Он выскочил из окопа, и голос его прорезал грохот боя:

— За родину! За Сталина!

Пригнувшись, он пробежал с десяток шагов и, метнув гранату, прильнул к земле. Взрывом подбило башню немецкого танка, люк открылся, выглянул немец, выпучив оловянные глаза.

Левкобылов подбежал к танку вплотную, взмахнул рукой. Немец исчез в люке. Граната влетела следом, и танк качнуло от взрыва. Левкобылов замахнулся зажигательной бутылкой. В этот миг в его грудь ударила целая очередь из немецкого автомата. Левкобылов уронил бутылку на танк и упал.

На поле пылали немецкие танки. Но их оставалось еще много, и они продолжали атаковать позиции батальона.

На правом фланге батальона занимал огневые позиции взвод станковых пулеметов. Командир

взвода лейтенант Какулия выбрал эти позиции, чтобы отсюда вести фланговый огонь по пехоте противника, которая шла вслед за танками.

Какулия, безмолвно пропустив танки, расстрелял немецких солдат.

Второй эшелон немецких танков обнаружил пулеметные точки Какулии. Немцы дали шквал огня из пушек и минометов. Расчеты всех пулеметов Какулии были выбиты. Осталось три красноармейца с одним пулеметом. Какулия лег за пулемет и сам стал стрелять. Он стрелял до последнего патрона. Он погиб от взрыва немецкой мины. Его навеки застывшая рука сжимала ручку станкового пулемета.

Поле впереди пулеметных окопов было усеяно немецкими трупами.

Вскоре появился немецкий корректировщик «Хеншель-126», с уродливо выгнутыми крыльями.

— Принесло тебя, горбач проклятый! — с ненавистью сказал Манаенков.

Корректировщик низко кружил как раз над наблюдательным пунктом командира батальона. И немцы открыли по НП ураганный огонь из минометов. Связь была перебита.

— Будем отходить на командный пункт, в Федосьино! — решил капитан.

Перебежками, ползком они пробрались в деревню.

Минометный огонь задержал их у крайнего дома. Когда они двинулись дальше и прошли несколько домов, слева на них ринулись три фашистских танка, справа ударили немецкие автоматы.

Райкин схватился за правый бок, пронизанный пулями. Рука, тоже простреленная, в этот миг опустилась. Связной не дал ему упасть и оттащил во двор.

Капитан Манаенков, отскочив к забору, одну за другой бросил две гранаты. Без промаха. Грянули

разрывы, и у двух немецких танков были сбиты гусеницы.

Затрещали очереди автоматчиков, уже сзади. Упав на землю, капитан расстрелял набегавших на него автоматчиков из своего ППД. Вскочив, забежал в сарай.

Сломав забор, прямо в дверь сарая уперся третий танк, стал стрелять из пушки.

Вспыхнуло сено. Словно порох, занялся весь сарай.

Стреляя из автомата, проклиная врага крепким русским словом, Манаенков выбежал и упал, убитый многими десятками пуль.

Связист Харламов, видевший все это из ямы, в которой он укрылся, улучив минуту, схватил телефонный аппарат и забрался в старый, засыпанный золой колодец. Телефон работал. Харламов вызвал штаб полка.

— Товарищ комиссар, штаб батальона погиб. Командиры выбыли из строя. Как мне быть?

— А где вы?

— В колодце.

— Сидите и докладывайте.

Связист Харламов остался в колодце. Он видел, как под огнем врага, потрясенные потерей командиров, красноармейцы стали отходить в лес, в сторону деревни Игнатково. И доложил об этом.

Он видел, как в ту же сторону прошли немецкие танки, как немецкие солдаты полезли грабить колхозные дома.

Лицо его вдруг стало белым: в стороне Игнаткова грохотали пушки и пулеметы.

— И туда ворвались! — горестно прошептал Харламов. И — ошибся!..

В той стороне происходило вот что.

В поле перед Игнатковым отходившие красноармейцы были остановлены. Их встретили член воен-

ного совета армии дивизионный комиссар Лобачев и начальник артиллерии генерал-майор Казаков.

— Куда это вы, товарищи?

— Танки прорвались! Там танки.

— А бутылки? А гранаты? Куда же отходить! И так уже Москва рядом! А ну, командиры, политработники, бегом сюда! Остальные — на месте, стой!

Лобачев и Казаков указали командирам позиции у Игнаткова и положили бойцов в оборону, приказав зарыться в землю. От Осташева тем временем подошел и развернулся резерв Панфилова. Когда немецкие танки атаковали позицию у Игнаткова, их встретил меткий огонь орудий. Прорвавшиеся танки были сожжены бутылками.

Семнадцать суток в непрерывных боях отражала дивизия генерал-майора Панфилова отчаянный натиск врага. Немцы оголтело бросались в атаки, неся страшные потери. Одних танков — сожженными и разбитыми — фашисты потеряли 153. Шестая танковая дивизия была заменена второй.

За эти семнадцать суток дивизия Панфилова отошла всего на 25—26 километров.

Генерал-майор Панфилов спал по два, по три часа в сутки. Он приходил в части неизменно спокойный, со своей живой, лукавой усмешкой. И там, где он появлялся, веселее и увереннее становились люди. Он знал и с горячей жадностью узнавал о подвигах героев, и сам рассказывал о них, и требовал немедленного представления к наградам достойных.

— Надо признавать настоящее боевое дело! Надо поднимать дух признанием заслуг! — учил он командиров и политработников. — Я — старый солдат. Я все это на своей шкуре испытал!

При отходе наших частей из Игнаткова немцы сожгли там два дома, в которых находились ране-

ные красноармейцы. Лицо генерала, когда ему донесли об этом злодействе врага, стало чугунно-мрачным.

— Довести до каждого бойца! — сказал он, и все, замолкнув, глянули на него — такое горе и такая ненависть слышались в глухом, сдавленном голосе.

Беседуя с красноармейцами, он, старый солдат, чапаевец, сразу находил путь к сердцам, и перед ним легко раскрывались души бойцов.

— Война не на жизнь, а на смерть — это товарищ Сталин сказал! Теперь в бою каждый красноармеец должен понимать и помнить: враг хочет меня убить, истребить. Одно спасенье: самому врага убить! Тогда и живой будешь и победишь! А что надо делать? Война дело хитрое. Тут не моргай. И лба даром не подставляй! Действуй смекалисто и смело. Робкого, труса не то что враг — вошь одолеет! А нам, орлам, да фашистов не бить?

Его слова, выражения подхватывались бойцами, они подбадривали и учили. И бойцы любили своего комдива, верили в него и дрались героически.

Выводя свой взвод в боевое охранение батальона под селом Большое Никольское, командир взвода Ширматов говорил бойцам:

— Дорогие товарищи, слыхали, что сказал наш генерал? Он сказал: будем и дальше так немцев бить! Чтобы вся страна радовалась.

— Будем! — дружно отозвались бойцы.

Вскоре на взвод стали наступать две немецкие группы, по сто солдат в каждой.

Взвод отбивал немцев огнем.

Пулеметчик Оспанов был убит. Его место занял помощник наводчика. Но пулемет отказал.

Командир взвода Ширматов передал командование взводом старшему сержанту Клещеву и сам лег за пулемет — на левом фланге, против группы

в сто немцев. Немцы приближались. Взвод лежал молча. Ширматов подпустил фашистов и в упор открыл ураганный огонь. Половина была расстреляна. Остальные разбежались.

Другая группа немцев обошла взвод справа. Немцы, во весь рост, подошли совсем близко. Старший сержант Клещев решил контратаковать врага. Во главе своих двух отделений — 25 красноармейцев всего! — он бросился на немцев. И немцы в паническом ужасе разбежались.

В это время против Ширматова снова накопились солдаты и перешли в наступление с фланга. Клещев и туда поспел и там контратаковал и разгромил фашистскую банду.

Немцы оставили здесь 173 трупа!

Генерал Панфилов немедленно объявил героям благодарность от лица службы, приказал штабу представить их к правительственной награде.

Вникая в подробности боевой жизни, генерал Панфилов ни на минуту не упускал из рук управления всей дивизией в целом.

Он глубоко продумывал опыт, весь ход боевых действий. Ему было ясно, что, не прикройся он слева батальоном Райкина, дивизия могла бы сильно пострадать. Не создай он резерва — заградительного отряда, который на двое суток задержал немцев, — враг мог бы прорваться в глубину расположения дивизии.

Поэтому, выбросив резерв, он создал снова, хотя и меньший, но стойкий резерв, отрывая по роте, по взводу всюду, где только виделась возможность.

И когда танки врага 25 октября просочились в обход к командному пункту дивизии, они наткнулись на организованный отпор, ничего сделать не могли и отошли, оставив несколько горящих машин.

Генерал Панфилов ясно понимал, что в этой об-

становке совершенно обязательна значительная глубина обороны. Созданные им три противотанковых узла и задержали немцев и нанесли им серьезные удары.

Только в бою у Спас-Рюховского противотанковый полк майора Ефременко расстрелял и сжег 59 фашистских танков.

Этот бой с особенной силой показал всю роль, все значение артиллерии. Пехоте было трудно противостоять атаке больше чем сотни немецких танков. Подразделения батальона командира Решетникова стали отходить через огневые позиции противотанкового полка.

Командующий армией генерал-лейтенант Рокоссовский, приехавший сюда, на опаснейший и ответственный участок, приказал майору Ефременко подчинить себе пехоту, использовать ее как прикрытие — по десяти человек к каждому орудию.

Генерал-майор Панфилов был в восторге. Приказ Рокоссовского опрокидывал уставное положение о взаимоотношениях пехотного и артиллерийского начальников. Но как же он был верен, жизненен и уместен. По существу вся оборона дивизии в решающей мере держалась на артиллерии.

Генерал Панфилов смело подчинял стрелковые подразделения, роты командирам батарей, возлагая на них ответственность за участки и ставя им боевые задачи.

Но всю артиллерию дивизии и приданную генерал крепко-накрепко держал в своих руках.

Позже, когда сорвалось, выдохлось октябрьское наступление немцев на Москву и фашистские дивизии остановились, генерал Панфилов изматывал живые силы врага и уничтожал его технику.

Он сам создавал артиллерийские и минометные группы. Внезапные шквалы огня обрушивались на скопления фашистов.

Он сам обучал и отправлял в ночные поиски разведчиков.

Немцы опять готовили наступление на Москву. Они сосредоточили против дивизии Панфилова свыше восьмидесяти танков, артиллерию и минометы, очень много автоматчиков и пехоту.

Генерал Панфилов знал, что бои опять будут тяжелыми. Он, опираясь уже на опыт, обеспечил свои фланги, построил эшелонированные в глубину узлы противотанковой обороны, создал резерв.

Утром 16 ноября немцы начали наступление. На левом фланге, у разъезда Дубосеково, взвод сержанта Добробабина отбил атаку немецких автоматчиков, расстреляв прямо перед окопами более семидесяти фашистов.

Вскоре на позиции взвода напали двадцать танков. Герои встретили вражеские машины огнем противотанковых ружей. Один танк прорвался к окопу. Фашисты закричали:

— Сдавайся!

Нашелся подлый трус и предатель. Дрожащий, позеленевший, он поднялся, протянув вверх руки. Грянул залп. Без команды, по безмолвному и страстному приказу сердца, подлеца расстреляли.

Немецкие танки открыли злобный огонь. Двадцать восемь героев, великие в своем мужестве и патриотизме, били по танкам из ружей. В машины, прорвавшиеся к окопам, летели зажигательные бутылки.

Один за другим вспыхивали танки, останавливались подбитые. Четыре часа длился бой. Четырнадцать танков было сожжено и подбито.

Но и богатыри погибали, выходили из строя. Убиты сержант Иван Добробабин, бойцы Григорий Шемякин, Григорий Конкин, Дмитрий Тимофеев,

Николай Трофимов. Умирал, истекая кровью, боец Григорий Петренко.

Политрук Клочков принял команду. Он ободрял товарищей.

Кончался серый ноябрьский день. Немцы бросили в атаку второй эшелон, усиленный тяжелыми танками.

— Тридцать танков, друзья! — сказал политрук Клочков. — Придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Танки приближались. Богатыри поцеловали друг друга. Приготовили ружья, гранаты. Они отбивались бесстрашно и мужественно. Они зажгли и подбили еще около десятка танков.

Советские богатыри — они погибли в бою, с оружием в руках.

Шепетков Иван, Крючков Абрам, Митин Гавриил, Касаев Аликбай, Есихулатов Нарсутбай, Калитников Дмитрий, Дутов Петр, Митченко Николай, Шапонов Душанкул, Шадрин Иван, Москаленко Николай, Енцов Петр, Кужебертенов Даниил, Бондаренко Яков, Васильев Ларион, Болотов Николай, Безродный Григорий, Сенгирбаев Мустафа, Максимов Николай и Ананьев Николай.

Политрук Клочков, умирая, шептал раненому Ивану Натарову:

— Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят о нас... Если жив будешь, скажи нашим...

И Натаров рассказал обо всем перед своей смертью в госпитале, куда его доставили наши разведчики.

Пламенная семья советских патриотов, сильных любовью к родине и Сталину, сильных дружбой, нерушимой и боевой, они пали смертью храбрых, и смерть их поднимает миллионы на борьбу.

На другой день в дивизии был получен приказ:

«В многочисленных боях за нашу Советскую Ро-

дину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-ая, 127-ая, 153-тья, 161-ая, 107-ая, 120-ая, 64-ая и 316-ая стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок указанные дивизии в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР переименованы Ставкой Верховного Главнокомандования в гвардейские дивизии, а именно:

. . . .

...316 стрелковая дивизия — в 8 гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии генерал-майор Панфилов И. В.

Указанным дивизиям вручаются гвардейские знамена. Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу во всех девяти гвардейских дивизиях установлен полуторный, а бойцам двойной оклад содержания».

Весть о приказе облетела всю дивизию.

Генерал-майор Панфилов был глубоко взволнован. Комиссару Егорову он торжественно сказал, глянув на него заблестевшими карими глазами:

— Ну, комиссар, у нас с тобой долгов перед родиной, перед партией прибавилось! Не прошло недели со дня, как нас орденами Красного Знамени наградили. И вот — мы уже и гвардейцы. Надо отрабатывать!

— Надо отрабатывать! — так же торжественно сказал комиссар, и они крепко обнялись.

— Товарищи гвардейцы! — обратился генерал к вошедшим командирам и счастливо рассмеялся: — Гвардейцы!

За окном грохнул взрыв, встал грязно-серый столб земли и снега.

— Что там такое? Узнайте.

Снова один за другим ахнули взрывы. Дом закачался, задребезжали, разлетаясь, стекла во всех окнах.

— С праздником поздравляет! — усмехнулся генерал и сразу стал строгим. — Товарищи командиры! Всех в оборону!

Он надел свой белый полушубок и вышел из дома. По улице к окопам пробежали штабные командиры, делегаты связи из частей, саперы, интенданты.

Немцы вели огонь с опушки леса, меньше чем в километре от деревни Гусенево.

— Товарищ начальник штаба, расстрелять врага артогнем! Поставьте задачу лично!

— Есть, товарищ генерал!

Метрах в десяти от генерала Панфилова мерзко грохнула мина. Взвыли осколки. Генерал качнулся, схватился рукой за грудь. На смуглом лице его проступала бледность.

Товарищи подхватили генерала. По белому полушубку на груди расплывалось кровавое пятно.

— Умираю... — сказал генерал, трудно вздохнув, — за родину!

Залпами по врагу, глубокой скорбью и пламенной клятвой отомстить и биться за родину до победы проводила дивизия своего командира.

Сорвано, отбито наступление гитлеровских банд на Москву. Героические части разбили врага и гонят его на запад.

Дерется на фронте вся гвардейская дивизия. И слава о генерале Панфилове и его гвардейцах бессмертно живет и будет жить в сердцах советских людей.

ВРАГ ОГОЛТЕЛО РВЕТСЯ К МОСКВЕ

На дальних рубежах обороны Москвы идут ожесточенные бои, идет сражение за Москву.

Неделю назад, в день своей смерти, немецкий ефрейтор Редель писал домой в Германию: «При двадцатиградусном морозе и за два дня до последнего наступления на Москву хочу тебе быстренько написать несколько слов. Послезавтра русские удивятся нашему неожиданному наступлению...»

Последнее наступление... Сколько раз уже объявляли гитлеровские прохвосты и он сам о «последнем» наступлении!

И на этот раз Гитлер с его бандой вбивали в головы своих оголтелых ефрейторов и солдат, что это — последнее наступление: «*Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой*».

Этот приказ Гитлера предшествовал теперешнему наступлению фашистских банд на Москву.

И вот немцы осатанело рвутся к нашей столице.

Любой ценой... И немецкое командование кинуло против нашего Западного фронта больше половины всех своих танковых дивизий, подтянуло сюда резервы. Немцы по излюбленной тактике стремятся наносить удары по нашим флангам.

Любой ценой... И немецкое командование, по-

сулив своим солдатам немедленный победный мир после захвата Москвы, для верности спаивает их перед атакой. Сегодня вдребезги пьяные немецкие солдаты шли во весь рост с дикими воплями и бессмысленными рожами на наши позиции, на огонь наших пулеметов. Ручной пулеметчик части подполковника Коновалова расстрелял не меньше полутора сот фашистских молодчиков. Нам об этом только что рассказал прибывший с поля боя лейтенант Маклаков.

Любой ценой... Не считаясь ни с какими потерями, немцы оголтело рвутся к Москве. Врагу, при его численном превосходстве, особенно в танках, удалось потеснить кое-где наши части. Сейчас, после некоторой передышки, последовавшей за кровопролитными боями в октябре, на дальних рубежах обороны Москвы снова создалось тяжелое положение.

И каждый советский патриот должен напрячь все силы, чтобы и на этот раз дать сокрушительный отпор врагу.

Надо помнить: враг стянул под Москву большую часть своих резервов, и разгром вражеских ненавистных полчищ под Москвой будет не чем иным, как победоносным началом разгрома гитлеровской фашистской Германии.

Наши фронтовики отдают себе полный отчет во всей напряженной, сложной обстановке под Москвой. И на пьяный напор заклятых врагов фронтовики отвечают стойкостью в обороне, грозными, разящими контратаками, беспощадным истреблением немецких оккупантов. Со всех участков Западного фронта идут вести о героических подвигах фронтовиков, советских патриотов.

Танкисты Н-ской части за два дня боев уничтожили и вывели из строя 2 500 немецких солдат и офицеров, 35 танков, 80 ручных и станковых пуле-

метов. Политрук роты этой части Савкин и старший сержант Князев бесстрашно бросились вслед за нашими танками на фашистских солдат и забросали их гранатами. Среди немцев началась паника. Савкин и Князев воспользовались этим, захватили два вражеских орудия, повернули их и метким огнем уничтожили десятки солдат. Вскоре товарищ Князев с тремя бойцами пошел в разведку. Немцы окружили разведчиков. Но они мужественно приняли бой, расстреляли 12 солдат, захватили ящик мин, 120 лент с патронами и все невредимыми вышли к своим.

Части генерал-майора Рокоссовского, верные своим боевым традициям, оказывают упорное сопротивление врагу и бьют его беспощадно. Бойцы Н-ской дивизии за один лишь день захватили у противника 4 миномета, 3 станковых пулемета, 16 легких пулеметов; в боях у деревни Н. взяты пять орудий, танкетка, зенитная установка.

Со всех участков фронта идут вести о славных делах фронтовиков. Но и среди героических событий беспримерен подвиг танкового экипажа младшего политрука Бармина. Он участвовал в трех танковых атаках, зажег и вывел из строя немало вражеских танков. На-днях, заняв указанный участок обороны, товарищ Бармин и его боевые соратники дали клятву: удержать свой участок, хотя бы это стоило жизни. Немцы бросили против Бармина 40 танков. Героический экипаж открыл губительный огонь. Вскоре пять фашистских танков запылали, остальные в замешательстве остановились и повернули обратно.

Бесстрашно отражают натиск фашистских полчищ славные фронтовики. Они защищают Москву. Они воодушевлены высоким чувством советского патриотизма. В перерывах между боями фронтовики продолжают глубоко изучать доклад и речь

великого и родного Сталина. В словах вождя они черпают новые силы, новое мужество.

Враг озверело лезет к Москве. Фронтовики, все советские люди, трезво понимая угрозу, нависшую над столицей, ответят новым боевым подъемом и нанесут сокрушительный удар немецким захватчикам.

«Правда», 21 ноября 1941 г.

АВТОМАТЧИК ПАВЕЛ БИРЮКОВ

1

Какое чудесное было то утро! Багровое солнце медленно вставало над горизонтом. Снег розовел и искрился под его лучами. Крапива-ветер обжигал лица, раскачивал звонкие ветви берез и сосен в парке Нарофоминского учебного городка.

Вслед за комбатом и группой автоматчиков из блиндажа вышел Бирюков. Он прищурил от солнца серые свои глаза, на лицо его, открытое и уже немолодое, легла улыбка, с правой стороны нехватало двух зубов: выбиты пулей еще в гражданскую войну. Потомственный слесарь, он был в Красной Гвардии, дрался с кадетами-белогвардейцами за Кремль, с деникинцами — под Курском и Белгородом и ранен был два раза, в голову и в руки; служил пулеметчиком на бронепоезде. Улыбаясь и вскидывая свой автомат ППШ на плечо, Павел Бирюков поглядел в сторону и широко раскрыл глаза.

У Дома Красной Армии были немцы. Их было сотни полторы, все в белых касках, а один — в нашей красноармейской шинели. На углу фашисты устанавливали пулеметы.

— Товарищ комбат, немцы! — шепнул Бирюков.

— Где?

— Да вот они!

Бирюков ткнул в сторону немцев стволом автомата и метнулся в кусты, к огромной сосне. Он

крикнул лейтенанту Мосьпану, командиру взвода автоматчиков:

— Товарищ командир, давайте скорее, вон их сколько!

Десятка два немцев обернулись на крик Бирюкова, вскидывая автоматы и винтовки. В этот миг Бирюков, стоя за сосной и чуть пригнувшись, дал по ним, на уровне груди, длинную очередь. Рядом прогремела очередь лейтенанта Мосьпана.

Бирюков, ясно увидев, как от его очереди рухнули на снег три немца, бросился к другой тройке, которая уже установила пулемет. Мелькнули перекошенные от ужаса лица врагов. Один немец пытался открыть огонь. Бирюков изо всей силы ударил его прикладом по плечу, и тот упал и завертелся на месте. Другой и третий не успели подняться: пули ударили им в грудь, и они легли трупами на подмосковной земле, на скрипучем утреннем снегу.

Только сейчас Бирюков оглянулся. Лейтенант Мосьпан и автоматчики Терехов, Минеев и Ермоленко расстреливали немцев с этой же короткой дистанции. Уцелевшие немцы, бросаясь зигзагами из стороны в сторону, мчались к домикам в лесу. Комбат взмахнул рукой. Граната разорвалась чуть впереди бегущих. Сквозь дым Бирюков увидел, как падали немцы. В ушах свербило от пронзительного воя врагов.

— Бейте! Без промаха бейте, товарищи! — весело прокричал Бирюков. И встретился взглядом с тем немцем, которого он ударил по плечу. Тот раскрыл было рот.

— Молчи!

Бирюков схватил немца за ремень, оттащил в сторонку, в овражек, связал ему руки ремнем. Потом деловито подобрал и бросил к блиндажу немецкий автомат.

Немцы уже скрылись в окопчиках у домиков. Оттуда свистели пули.

«Тут дела надолго!» — подумал Бирюков и, согнувшись, пробежал за угол Дома Красной Армии, чтобы захватить еще диски для своего автомата.

Начальник разведки дивизии сказал ему:

— Молодец, товарищ Бирюков. Лихо действовал. Теперь надо добивать врага, вышибать его оттуда, от домиков. Бери бойцов, действуй.

Десять красноармейцев и автоматчиков тотчас окружили Бирюкова.

— Действовать решительно и смело, товарищи!— сказал Бирюков, оглядывая соратников.

Из-за угла дома выбежал лейтенант Мосьпан. Бирюков обрадовался: есть кому командовать!

Он деловито навесил на себя сумку с патронами, захватил три полных диска, восемь гранат. Лейтенант Мосьпан, получив задачу от подполковника, спросил Бирюкова, как бы он думал действовать.

— Я бы пошел тремя группами: в лоб и в обход справа и слева.

— Правильное решение. И я так думал! — сказал лейтенант.

— Давайте! Быстро! — приказал начальник разведки. Бирюкову хотелось узнать от него, как же это вышло, что немцы пробрались в наш тыл, где же была наша разведка, где было боевое охранение? Но со стороны фронта усилился артиллерийский и минометный огонь врага по нашему переднему краю; там, в окопах, были три наши роты, а немцы у домиков находились в тылу у этих рот.

«Вот как! Потом придется разобраться!» — подумал Бирюков.

Через мгновенье три группы уже двинулись вперед, к домикам. Слева шли два автоматчика и

три красноармейца, в центре — лейтенант Мосьпан с автоматчиком и четырьмя бойцами. Бирюков с тремя красноармейцами пошел справа, лесом по овражку. В воздухе стоял сплошной вой снарядов и мин, гремели разрывы. Трещали, падали с шумом ветви сосен и берез. Впереди и слева взахлёб лаяли пулеметы и автоматы. Сбоку рявкнула мина, взвыли осколки. Бирюков оглянулся на стон. Красноармеец обхватил левой рукой правое плечо, разбитое осколком, окровавленное. Он пристально посмотрел на Бирюкова и тихо, побледнев, опустился на снег.

— Отведите его назад! — приказал Бирюков и в этот миг увидел: на той стороне овражка здоровенный немец устанавливает на бугорке ручной пулемет.

— Ах, фашистская нечисть!

Бирюков старательно прицелился, опершись о ствол березы, и с чувством облегчения расстрелял немецкого пулеметчика. Он ясно увидел, как тот скрючился и на снегу закричали алые брызги.

Скользя и спотыкаясь, Бирюков скатился в овражек. Поднялся на бугорок и, забрав пулемет, вернулся к бойцам.

— Давайте идите в Дом Красной Армии! — И он отдал бойцу трофейный пулемет.

Бойцы ушли назад. Бирюков проводил их взглядом, в то же время не упуская из виду ничего вокруг. Ему было нестерпимо жарко. Он бросил в рот горстку снега.

«Покурить бы!» — подумал он. И пошел по склону овражка — осторожно, скользя от дерева к дереву. Впереди между деревьев мелькнула зеленая шинель. Бирюков мгновенно залег в небольшой ровик, изготовился к бою.

«Вот как хорошо выходит!» — вдруг удивился он и как будто со стороны увидел и себя в ровике

на снегу, и тех — двух немцев, которые шли прямо на него с черными автоматами наготове. Когда они подошли шагов на двадцать, Бирюков перерезал их короткими очередями — одного и другого.

— Туда вам и дорога!

Потом он быстро пробежал с полсотни шагов вперед. Домики теперь были уже слева, и окопчики, в которых засели немцы, были тоже слева. Теперь надо было смотреть еще зорче. Вон между стволов пробежал немец к военному городку. Неужели заняли военный городок? Вот бы прочесать их там из автомата.

Над ухом Бирюкова свистнули пули. Холодная тошнота страха вдруг обдала его. Обернувшись, Бирюков увидел немецкого офицера в очках, стрелявшего в него, и в этот же миг его безотказный ППШ ударил жаркой горстью пуль в живот фашиста. Офицер с воплем, оскалив зубы, упал. Бирюков перебежал на десяток шагов дальше, стал за сосной. Впереди был бугор. Вот сейчас надо выброситься туда и ударить по немцам уже с тыла. Тут он услышал, как чей-то голос окликнул его: «Бирюков, не ходи!» Вокруг никого не было. У Бирюкова перехватило дыханье. И тут же он взял себя в руки.

— Да что же я — струсил, что ли? Броском на этот бугорок, большевик Бирюков!

Пригнувшись, он метнулся на бугорок и замер за деревом. Впереди между кустов стояла группа немцев. Тут же были окопчики. Передний немец поднял винтовку. Рыжий, щетинистый, он смотрел, не мигая, наглыми глазами.

— Русс, сдавайсь!

Стиснув зубы, Бирюков вскинул свой автомат и застрочил, застрочил. На снегу сразу возник завал трупов и раненых. В глазах Бирюкова нестерпимо ярко мелькали пятна крови на вмятом снегу.

Живые немцы скрылись в окопчиках. Бирюков упал на колени и стал бросать в окопчики гранаты— одну за другой, припадая и залегая перед каждым взрывом. Когда же из окопчиков высовывались головы, он вскидывал автомат и посылал очереди.

Оглянувшись, Бирюков увидел подбегавших бойцов седьмой роты.

— Я здесь! Сюда, товарищи!

Через мгновенье в окопчики полетели десятки гранат, черными столбами встала земля...

2

К Дому Красной Армии собрали трофеи — восемь пулеметов, минометы, винтовки, пистолеты. Подошли пятнадцать пленных. И Бирюков привел одного немца. Потом со всех ног бросился в овражек. Связанный немец лежал там же, где его оставил Бирюков. В глазах его был ужас, на лице — жалкая косая улыбка.

— Ты не бойся, чортова голова. Гут, гут! А Гитлеру будет вот! — и Бирюков показал руками, как будет сломано Гитлеру горло.

Товарищи окружили его, и от них он узнал, что лейтенант Моспан, раненный в грудь навылет, скончался. Это он кричал, предупреждая Бирюкова за мгновенье до смертельной раны. За товарища боялся...

Бирюков слышал грохот орудий, треск винтовок и пулеметов. Великий бой за Москву, за родину продолжался. На душе Бирюкова было светло, спокойно. И в мыслях была стройная ясность. Он слышал шумные одобрения товарищей. В памяти его — удивительно сразу! — стояли все картины, все подробности сегодняшнего боя. Да, он, Петр Акакиевич Бирюков, автоматчик 1-й Московской гвардейской дивизии, член московской организации

ВКП(б), доброволец гражданской и отечественной войны, вел себя в этом бою достойно. Как здорово побили сегодня немцев! И он, Бирюков, отлично уничтожал немецких захватчиков. Но ведь и все боевые друзья, смелые соратники, тоже отлично истребляли врага. Да ведь это значит, что начался новый этап борьбы. Начался разгром фашистских полчищ — беспощадные и грозные удары по врагу!

— Отдохни немного! — с нежной и заботливой улыбкой сказал Бирюкову начальник разведки дивизии.

— Отдохнуть? — изумился Бирюков. — Слышите?

Справа, из-за огромного парка, доносился грохот ожесточенного боя, слитный гул танков.

— На соседа нажимают! — сказал тихо начальник разведки.

— Где же тут отдыхать? Надо немцев лупить! — коротко и бодро отозвался Бирюков. Вскоре с группой бойцов он исчез за деревьями.

«Правда», 10 декабря 1941 г.

В БЛИНДАЖЕ

(Быль)

1

В блиндаже было тепло. В печурке, вырытой прямо в земляной стене, весело горели чурки. Пламя освещало лица четырех связистов, телефонные аппараты, стволы березового наката, винтовки, прислоненные к стенам, мягкое душистое сено. Блиндаж старый, обжитой и уютный. Раньше здесь были огневые позиции батареи, сейчас разместилась промежуточная станция связи артиллерийского полка.

Недавно смолк сплошной рев орудий с немецкой стороны. В блиндаж доносились лишь отдельные артиллерийские выстрелы, частое тарахтенье пулеметов. Связи со штабом полка не было, и сержант Николай Микуров тревожился все больше. Здесь, на станции, он был всего два дня. Связистов знал еще мало. Запотылок и Самохин — из одного с ним взвода связи, Белоусов — из другого подразделения. Вот Белоусов и Самохин, напряженно согнувшись, сидят у аппаратов, с трубками, плотно прижатыми к ушам. У Самохина болят зубы. Щека его повязана платком. Это очень смешно. Третий, Запотылок, грузный и веселый, лениво дремлет на сене. Кто они, эти новые боевые соратники? Узнать бы, что у каждого на душе.

На Северо-западном фронте, в том бою, когда Микуров был дважды ранен — в ногу и шею, —

ему помогли, спасли его товарищи. Смуглое лицо Микурова вдруг озарилось улыбкой, блеснули крупные зубы, ласково и нежно заискрились черные глаза. Хорошие ребята, с такими ни в каком бою не пропадешь! Да и вся дивизия, в которой служил там Микуров, — славная, ордена Ленина дивизия! После выздоровления он попал в гвардейскую, да еще Московскую дивизию. А все-таки ему было жаль расставаться со своей частью.

Сержант Микуров поднял голову. Явственно слышался топот многих ног, скрип снега.

— Тише, товарищи!

И без этого все замерли. Микуров осторожно отодвинул край плаща-палатки, который закрывал узкий проход — траншею из блиндажа. У самого входа траншея была прикрыта козырьком из березовых стволов. Три земляные ступени выводили на поверхность земли.

Сержант услышал немецкий говор, окрик:

— Русс, сдавайсь!

В этот же миг в узкий проход упала немецкая граната. Связисты мгновенно укрылись за выступом. Грохнул разрыв. Осколки с воем пронизали плащ-палатку, ударили в стены блиндажа: посыпалась земля; клубилась тошнотная гарь.

— Убьют! — вырвалось у Запотылка.

— Молчи! — приказал сержант.

В проход упала вторая граната. Она катилась, шипя и подпрыгивая. Связист Самохин, метнувшись от аппарата, схватил немецкую гранату за ручку и выбросил ее. Граната разорвалась снаружи. Блиндаж содрогнулся. Едкая гарь застилала глаза. Самохин резко сорвал со щеки повязку и взялся за винтовку. Связист Запотылок вздрагивающими руками надел противогаз. Сержанту захотелось обругать его. Но снова грохнул разрыв, и заклубилась гарь. Микурова охватила ярость.

Он взял винтовку и быстро, пока не рассеялась гарь, выглянул из траншеи, из-под козырька.

В лицо пахнул крепкий зимний воздух. Блиндаж — в редком лесу. Березы стояли тихие, опушенные мягким серебряным инеем. Меж деревьев ходили немцы. Поодаль виднелись привязанные к кусту лошади с вьюками. И совсем рядом с блиндажом, спиной к нему, стоял, раздвинув ноги, щуплый немец. Быстро, почти не целясь, Микуров выстрелил, и немец упал навзничь. Зеленая пилотка его, слетев, торчком встала на снегу. Метрах в пяти дальше другой немец, вытаращив глаза на сержанта, вставлял детонатор в гранату-лимонку. Так же, почти не целясь, Микуров выстрелил второй раз, и немец свалился вперед, схватившись за грудь и уронив лимонку.

Сзади невидимый сержанту враг бросил еще гранату. Она ударилась о катушки с проволокой. Сержант успел уже юркнуть в блиндаж за выступ. В траншею слетели две катушки и земля. Сержант, согнувшись, выдвинулся в траншею. Солдат ловчился забросить гранату прямо в блиндаж под козырек. Вскинуть винтовку, прицелиться в узкой траншее было невозможно. Микуров упер винтовку в землю, левой рукой навел ствол на немца и большим пальцем правой руки нажал спусковой крючок.

Немец свалился, граната разорвалась у него в руках. Осколки растерзали его. Они же сбили и засыпали выходившую из блиндажа трубу. Из печки вылетели на сено чурки, угли, зола. Связисты затушили их.

Тут затрещали немецкие автоматы. Связисты опять укрылись за углом. Красноватые трассирующие пули врагов били в стены. Земля разлеталась пылью и комьями. Пули впивались в березовые стволы наката и стоек, сырое дерево шипело, но не

загоралось. Издалека донесся взрыв. Немцы наверху загалдели и убежали.

2

— С кем связь есть? — спросил Микуров.

— С полком нет связи! — ответил Самохин.

— С дивизионом есть! — отозвался Белоусов.

— Сообщи!

Белоусов вызвал дивизион, волнуясь и торопясь, прокричал:

— Тридцатый? Слушай, тридцатый! Я — Днепр. Да, Днепр. Нас окружили фашисты. Забрасывают гранатами. Да. Забрасывают гранатами. Просим помочь.

Запотылок, снявший противогаз, никак не мог уложить его обратно в сумку. Белоусов растерянно опустил трубку.

— Что там? Что они говорят?

— Их тоже окружили и обстреливают немецкие автоматчики!

— Все равно — проси помощи! — вскрикнул Запотылок.

Белоусов прижал трубку к уху

— Тридцатый, тридцатый!..

Микуров ясно увидел, как он побледнел.

— Что еще?

— Связь порвана, товарищ сержант.

— А ты слушай. Слушай лучше. Связь восстановят!

Все четверо слушали, еле дыша. Запотылок, с карабином и противогазом в руках, забившийся в угол блиндажа, вдруг прохрипел:

— Танки! Слышите — танки! По шоссе идут танки!

— Замолчишь ты или нет? — с досадой прикрикнул на него Микуров, сам похолодев сердцем и

весь превратившись в слух. Снаружи доносился прерывистый рев моторов. Он нарастал. Но затем гул стал слабее. Сержант вздохнул с облегчением.

— Это же самолеты! А ты говоришь — танки! — с укоризной сказал он Запотылку.

— Все равно не спасемся. Все равно смерть!

— Какая тебе смерть? Чего ты раскис! А ну-ка, дай противогаз!

Самохин взял из рук Запотылка противогаз и ловко уложил его.

Микуров посмотрел на связистов с пристальным вниманием. Запотылок отвернулся. Белоусов и Самохин с трубками около ушей глядели на сержанта широко раскрытыми глазами. И, чувствуя, как железная решимость поднимает его, как новой силой налились руки, все тело, Микуров отчеканил:

— Будем сидеть и отстреливаться! Сколько немцев уже убито! Их стало меньше. Сдаваться не будем. Позор, и — замучают. Последняя пуля для себя. Ясно?

Запотылок, вздрогнув, отвернулся, Белоусов подал Микурову свою винтовку.

— Товарищ сержант, возьмите. Полный магазин, А я вашу заряжу.

Серые глаза его блестели. В сердце Микурова пахнуло тепло дружбы.

— Давай, товарищ Белоусов! Понятно, отобьемся. Четыре подсумка по тридцать патронов у нас, Хватит!

— У меня еще десять патронов в сумке, — сказал Самохин.

— Хорошо!

3

Микуров протиснулся в траншею и выглянул. Как и раньше, торжественно синело небо, сверкал иней. Метрах в пятидесяти, у второй зем-

лянки, столпились немцы. Там, в той землянке, помещались связисты другой части. Вход в нее был сверху, как в погреб. Фашисты притащили длинное бревно, подложили его под край двери. Два немца стояли рядом, подняв руки с гранатами.

«Сейчас откроют дверь и перебьют всех наших!»

Микуров прицелился из винтовки Белоусова в немца с гранатой и выстрелил. Тот упал мертвый. Микуров ударил в другого. Раненный, немец упал и пополз за березу. Остальные разбежались.

«Много их еще! — подумал сержант. — Где же наши? Пора притти на выручку!»

Он притаился в траншее под козырьком. Самохин переменил ему винтовку.

4

Вдалеке была слышна перестрелка, ухали разрывы снарядов и мин.

Вдруг жарко зашептал Самохин:

— Товарищ сержант, связь! «Дон» отвечает, товарищ сержант.

— Доложите им обстановку!

Связисты придвинулись к Самохину. Тот, прикрыв трубку ладонью, старательно выговаривал:

— Дон! Дон! Я — Днепр. Слышите меня? Кто говорит? Я — Днепр!

— Да скорее ты! — Белоусов замахнулся на Самохина.

— Товарищ майор? Вы? Я — Днепр. Нас окружили немцы. Шлите помощь, иначе мы погибли. Что? Держаться? Отстреливаться? Есть, товарищ майор!

Самохин поглядел на связистов.

— И я то же говорил, — быстро произнес Микуров, — держаться, отстреливаться!

— А помощь? А помощь послали? — визгливо спросил Запотылок.

— Высылают. Майор сказал — высылают.

Опять наступила тишина. Она тяготила, душила. И вдруг Микуров услышал, как враг пробежал по крыше блиндажа. Кто-то наверху долго стоял без движения, потом стал топтаться.

«Сейчас бросит гранату!» — подумал Микуров и юркнул в блиндаж. Но граната не падала. Еще послышались шаги. Вокруг блиндажа собралась, видимо, целая толпа немцев.

С того конца траншеи кто-то прокричал:

— Товарищи, не стреляйте!

Связисты сунулись было к выходу. Микуров отстранил их рукой.

— Куда?!

Из темноты, из-за выступа, он видел, как по земляным ступенькам в траншею спустился человек в красноармейской шинели. Вот он снял с себя вещевой мешок, положил на землю, двинулся — словно пополз — по траншее. Руки его тряслись. Дергалось заросшее жестким рыжим волосом горбоносое лицо. Когда он подошел к козырьку, Микуров скомандовал:

— Стой!

Тот, вздрогнув, застыл на месте. Блудливые зеленые глаза его шарили, вглядывались внутрь блиндажа.

— Чего тебе?

— Сдавайтесь, ребята! Все равно их много. Вам с ними не справиться! — сказал тот свистящим шопотом.

— Кто ты? Какой части? — спросил Микуров, с отвращением разглядывая зеленоглазого.

— Сдавайтесь, ребята, сдавайтесь! — твердил тот, вздрагивая и озираясь.

— Ох ты шкура, шкуреха! — Микуров вскинул винтовку, чтобы расстрелять предателя.

Запотылок, как-то оказавшийся рядом, схватил его за руку.

— Не стреляй, не стреляй!

— Ладно! А ты выходи назад! Скажи, что в блиндаже все убиты.

Тот, сгорбившись, быстро выполз из траншеи. Послышался резкий вражеский говор, крики, потом приглушенные голоса.

Микуров, сжав винтовку руками, вслушивался. Позади тяжело дышали связисты. Наконец снова раздался тот же голос:

— Товарищи, не стреляйте!

И снова, дрожа по-собачьи, зеленоглазый прополз в траншею.

— Сдавайтесь, ребята, выходите.

— А ты сказал, что здесь все убитые?

— Они велят трупы вытаскивать. Сдавайтесь!

— А ты, подлец, живьми нас хочешь выдать?

Микуров снова вскинул винтовку. Запотылок с силой оттолкнул его от выхода, подал свой карабин зеленоглазому и, согнувшись, выскочил из блиндажа в траншею. Вот он выпрямился.

— Назад! — крикнул Микуров.

Но уже стукнули вражьи выстрелы, и из головы Запотылка ударила черная густая кровь. Он упал, взмахнув руками, словно схватывая себя под колени, головой к блиндажу, ногами к выходу. И в это же мгновенье Микуров, стиснув зубы, выстрелил в немецкого лазутчика. Тот осел на земляной ступеньке, оскалившись и стеная.

— Предатель! Собака! Собачья смерть ему!

5

Командир взвода связи старший сержант Федор Волощук, улучив свободную минуту, читал в

своем блиндаже Чехова. В дверь бурей ворвался старший лейтенант Зубков, командир батареи.

— Дай связиста, который знает дорогу на «Днепр».

— Для чего вам связист?

— Он проведет группу красноармейцев.

— Куда?

— Автоматчики окружили «Днепр». Надо выручать.

— Я сам пойду туда!

Волощук выскочил из блиндажа вслед за Зубковым и направился в землянку командира полка. Через десять минут отряд Волощука из восьми человек — два его связиста и пять саперов во главе с младшим лейтенантом Писаревским — устремился на выручку товарищей. До них было всего шесть катушек — это три километра, но прямая дорога вела через поляну. Волощук повел отряд в обход — лесом.

Вскоре засветлела опушка березового леса. Волощук положил свой отряд у крайних берез в цепь, скомандовал:

— К бою!

Впереди, по снегу, между кустиками ползли трое. Кто они?

— Младший сержант Сычевский, вперед! Узнать, кто это ползет.

Оказалось, наши!

Сычевский уже возвращался, помогая раненому красноармейцу ползти. Тот был ранен в голову, еще не перевязан, кровь стекала из-под шапки, густела и застывала на лице. За ними ползли еще двое, перевязанные наспех.

У Волощука сжалось сердце: и ранены, и руки отморозили, ободрали о снег. На повязках проступила алая изморось.

Бойцы уже хлопотали около товарищей, перевя-

зывали их, оттирали руки снегом. Залубяневшими от мороза и волнения губами рассказывали красноармейцы-зенитчики, как они подверглись налету автоматчиков.

— Много их было? — спросил Волощук.

— Больше сотни.

— Ладно. Вы, трое, добирайтесь до части. Этой тропой через лес. Нам надо спешить.

— Куда вы? Вас же мало!

— Каждый гвардеец за пятерых!

Волощук повел свой отряд по опушке, выслав вперед двух дозорных. По лесу рассыпалась звонкая трескотня выстрелов. Опять впереди, на этот раз вдоль опушки, Волощук увидел переползавших людей. Это были наши люди. Они стреляли в сторону врага. Невидимый за могучей березой красноармеец с азартом прокричал:

— Товарищ старшина, вон, вон немец ворошится!

— Уничтожить огнем! — крикнул старшина.

— Есть уничтожить огнем!

Спрятавшись за березой, с удовольствием наблюдая, как разгоралась перестрелка, старший сержант Волощук пристально оглядывал местность, оценивал обстановку. За опушкой тянулась полянка, дальше — глубокая продольная выемка и за нею — крутая насыпь автострады Москва — Киев. Немецкие автоматчики били с той стороны шоссе. Но и по эту сторону насыпи впереди тоже били немцы. Вон там, на буграх, два фашистских пулемета. Немцев здесь немало. А там, в блиндаже, на промежуточной станции — боевые товарищи связисты...

Волощук вызвал через красноармейца старшину группы, которая вела огонь. У старшины было с ним всего шесть человек. Как же с такими силами атаковать врага? Маловато сил.

6

Сколько часов прошло с тех пор, как грохнул разрыв первой вражеской гранаты?

Связисты в блиндаже сидели молча, прислушиваясь напряженно, жадно к каждому звуку, доносившемуся сверху. Утром, до нападения врага, у каждого были житейские желания. Самохин сердился, что у него болят зубы. Микуров ворчал, что давно не был в бане. Да мало ли чего хочется и о чем думается на войне!

Теперь все это отошло, пропало, сменилось ожиданием — не приближается ли враг, не падают ли опять в траншею гранаты? Не спешат ли на выручку свои?

Старший сержант Волощук, ведя своим, теперь усилившимся, отрядом перестрелку с врагом, взволнованно раздумывал, как же выполнить боевую задачу? Было бы с полсотни бойцов — охватить тремя группами врага, атаковать его внезапно и уничтожить. По этой стороне шоссе немцам путь отхода один: вон на тот мостик, тут-то и забросать их гранатами.

Из-за деревьев к нему подошел красноармеец.

— Кто вы? — спросил Волощук.

— Курсант курсов младших командиров. Нас здесь человек сорок, два ручных пулемета.

— Проводите меня к командиру.

Они нашли младшего политрука недалеко от опушки, у березовой поленницы. Волощук подошел, вытянулся и четко доложил:

— Старший сержант Волощук, командир взвода связи. С отрядом выполняю задачу по разгрому немецких автоматчиков и по освобождению окруженных врагом товарищей связистов. Прошу дать мне людей, я имею всего пятнадцать человек со мной.

— А противник?

— Два пулемета и автоматчики на этой стороне, и на той стороне шоссе тоже есть. Я считаю — немцев до сотни.

— А как вы думаете действовать?

— Атаковать немедленно. Ваша группа — слева. Старшина с бойцами своими — справа, и я со своим народом — по центру. Выходит — полуокружение врага!

Младший политрук задумался. Волощук нетерпеливо поглядывал на него.

— Хорошо! Я согласен.

«Вот молодчина! Настоящий комиссар!» — подумал Волощук.

Выйдя к опушке, они вдвоем еще раз осмотрели местность. Бежать атакующим надо было метров двести. Это было очень опасно, но другого решения не существовало: местность впереди открытая, и все дело во внезапности и быстроте.

Волощук быстро прошел к старшине, объяснил ему, как надо действовать, поговорил со своими бойцами, с младшим лейтенантом Писаревским. Потом вышел, старательно прячась за деревьями, на самый край опушки. Теперь комиссар наверняка уже подготовил курсантов. Пора! Волощук поправил ремни снаряжения. И, набрав воздуху полную грудь, прокричал торжественно и звонко:

— Батальон, слушай мою команду! Внимание! За родину, за Сталина, в атаку! Вперед, ура!

С винтовкой в руке, Волощук бросился вперед. Оглянувшись, он увидел бегущих за ним товарищей. Слева к Волощуку примкнули курсанты. Спереди и чуть справа от него ударили немецкие пулеметы. Пули срывали с бугорков горсти снега, взвизгивали вокруг. Волощук крикнул курсантам-пулеметчикам:

— Огонь!

И, видя, как все бойцы и курсанты уже залегли, сам упал на снег. Осторожно подняв голову, Волощук осмотрелся. Когда кончился день? Вот уже и сумерки скоро. Надо спешить. Пулеметы врага почему-то молчали. Волощук вскочил и побежал, прокричав:

— Товарищи, вперед! Ура!

Он увидел, как вскочили и побежали вперед бойцы старшины. Но тут хлестнули немецкие пулеметы, и они залегли. В центре и налево люди продолжали бежать вперед. Вдруг Волощук заметил чуть справа, метрах в тридцати, немецкого пулеметчика. Тот стрелял по бойцам старшины. Волощук вскинул винтовку, она не стреляла. Дыхание перехватило. Доставать пистолет времени не было. Схватив за рукав курсанта, Волощук показал ему на пулеметчика:

— Бей!

Тот выстрелил, и немец, пригнувшись, схватился рукой за раненое плечо.

— Ура! Бей! — в восторге закричал Волощук. Он видел, как из старых окопчиков выскочили немцы. Они с воплями карабкались по насыпи и скрывались за шоссе.

Курсанты и бойцы подбегали уже к насыпи. «Но там же немцы залегли, перебьют на шоссе!» — мелькнула у Волощука мысль, и он закричал:

— Стой! Ложись!

Все залегли перед насыпью. Волощук приказал пулеметчикам-курсантам держать под обстрелом шоссе; остальным — подобрать трофеи, снести в кучу.

А сам с замирающим сердцем побежал к блиндажу связистов в лесу. Кто же это наколотил столько немцев? И даже офицера угрохали, — вот скрючился у самого козырька. А этого разорвала чья-то граната: снесла полголовы.

Волощук остановился в изумлении. Вдруг он услышал шорох, вскинул винтовку к плечу и тотчас опустил. Из траншеи к нему метнулся сержант Микуров. На покрытом копотью лице сияли черные глаза.

— Товарищ командир взвода, как я рад! Благодарю вас очень!

Волощук хотел сказать и не смог: горло перехватила тугая схватка. Он молча стиснул Микурова в объятьях. Из траншеи уже вылезали и Самохин, и Белоусов, такие же закопченные и ликующие.

7

На другой день, отдохнувшие, вымывшиеся, Микуров и Самохин сидели в просторной землянке взвода связи, перебирали, вспоминая, все подробности боя.

— Что-то сейчас дома делается? Хоть бы одним глазком поглядеть! — мечтательно выговорил Микуров.

— А где дом-то?

— Кировская область. Село Угманово. Я там учителем в школе работал.

— А я — в Москве, слесарем на Краснопресненском заводе лакокрасок. Товарищ сержант, дайте лист бумаги.

— Зачем?

— Дело есть!

Взяв лист бумаги, Самохин отошел к столу. Микуров задумался. Как хорошо встретили их вчера! Как их все обласкали! Все их называли героями. Даже неловко как-то...

Самохин вышел из-за стола подтянутый и строгий.

— Написал?

Микуров взял лист.

«В первичную организацию ВКП(б) артполка. От красноармейца Самохина Василия Ивановича.

Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). У меня есть желание быть кандидатом в члены ВКП(б), чтобы быть стойким и мужественным до конца разгрома и уничтожения гитлеровской банды. Обязуюсь быть достойным большевистской партии Ленина — Сталина».

Связисты заглянули друг другу в глаза.

— Правильно, товарищ Самохин. Я тоже сейчас пишу заявление.

Руки их сошлись в пожатии.

НА ПОЛЕ НЕДАВНЕГО БОЯ

Мы едем на поле стремительных и напряженных боев. По обочинам прекрасного Киевского шоссе — березовые рощи в декабрьском инее. В этих рощах по весне бывало невыразимое очарование вальдшнепиной тяги. Зимой тут раздавался скрип лыж отдыхающих советских людей. А сейчас, в эти дни, здесь прошла огненной поступью великая отечественная война.

По реке Наре располагалась линия нашей обороны. Враг прорвал ее броском, вклинился в нашу глубину на два с лишним десятка километров. Но недаром в русском языке бытует пословица: «Клин клином вышибай».

На немецко-фашистское вклинение тотчас последовали стремительные удары клиньями частей генералов Говорова и Ефремова. И немецкие орды откатились, потеряв несколько тысяч солдат и офицеров убитыми.

Два смежных села П. и Ю. Сюда успели прорваться фашисты. Отсюда они и «драпали». Еще дымятся смрадные пожарища, и дым словно вянет от пронзительной декабрьской стужи.

В придорожной канаве лежат трупы немецких солдат. Вчера они, эти солдаты, выпытывали у жителей, сколько километров осталось до Москвы, и нагло заявляли, что завтра будут в советской столице. В результате нашего контрнаступления се-

годня немцы отброшены далеко назад. Сейчас мы видим жалкие окоченевшие трупы немецких захватчиков. На гитлеровских молодчиках — награбленные фуфайки, дамские шарфы, кофточки...

На западе горит вечерняя зимняя заря. Огромное и кровавое солнце медленно спускается за волнистую кромку бора. Днем сияла небывалая и жуткая в это время года радуга. Мороз крепчает с каждым часом.

На перекрестке дорог притоптывает ногами патрульный красноармеец.

— Холодно?

— Да ничего. Сейчас бы морозцу!

— И так студено!

— Нам холодно, а гансам и фрицам еще холоднее! Пускай померзнут!

В этих бесхитростных словах выражены думы миллионов: да, нам, советским людям, нелегко, но врагу еще тяжелее!..

Окраина села Ю. Вот обгорелый, опрокинутый немецкий танк. За домом — остатки разбитого нашей артиллерией другого танка.

Едем дальше — перелесками, балочками, взгорьями. Трупы лошадей. Трупы немецких солдат. Они уже покрыты инеем — декабрьским русским инеем. Мертвые головы немецких солдат повязаны косынками и платками, и рядом валяются негреющие легкие пилотки.

Вот еще подбитый немецкий танк. И еще, и еще.

Дорога идет по открытому месту, взбирается на высоту. Это знаменитая высота 210,8. Здесь немцы пытались задержаться. Они обрушили на наши наступающие части десятки и сотни авиационных бомб. И все же были вынуждены в панике отступить дальше.

На заснеженной вершине, словно насмерть испуганные воющие псы, торчат хоботы немецкой зе-

нитной батареи. Полуавтоматические и автоматические зенитные пушки, брошенные немцами! Это серьезный знак. До сих пор немецкие зенитки убирались в глубокий тыл в первую очередь. И это очень приятно: видеть в нашем расположении захваченные вместе со снарядами немецкие зенитки.

Падают синие сумерки. По дороге — движение наших частей. Темнеют громады немецких танков — сгоревших и подбитых. Приятно видеть трупы врага, видеть его технику, попавшую в наши руки.

Ожесточенная борьба продолжается под Москвой. Все больше и больше трупов и разбитых немецких танков недвижно лежит в наших подмосковных снегах и сугробах.

Их число будет расти.

«Правда», 6 декабря 1941 г.

КОМАНДИР ТАНКА

Справа от гулкого асфальтированного шоссе, всего метрах в ста, чернеет небольшая еловая рощица — узкий мысок угрюмого лесного массива.

Рощица как рощица. И не видно, что среди елок стоит стальная громадина нашего танка. Зато от него очень хорошо видны и поляны, и опушки леса по обе стороны шоссе.

А само шоссе — вон оно, стремительно метнувшись в лощинку, взлетает на бугор и исчезает за низкой линией горизонта, метрах в восьмистах. Там — враги, оттуда в любое мгновенье могут выскочить фашистские танки. Враг усиливает нажим, стремясь прорваться к Москве. Отсюда, вот от этой деревни Большие Ржавки, до Москвы всего-навсего километров сорок. Вчера немцы зацепились за окраину Крюкова и захватили перекресток дорог за тем бугром, в полутора километрах. Да, в любое мгновенье надо ждать сюда врага.

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...—

запевает башенный стрелок Алексей Патаев и умолкает: на плечо его строго легла рука командира танка. И оба они, и еще двое — механик-водитель Георгий Панасов и стрелок-радист Михаил Халецкий — настороженно прислушиваются. Издалека слышен гул моторов.

Танк уже второй день стоит здесь, в засаде. Вчера другой танк ушел. Его командир сказал Седлецкому, командиру этого танка:

— В моей машине неисправности, надо ехать на ремонт.

— Езжай, я буду здесь!

Гул моторов нарастает. Седлецкий осматривает в оптический прибор всю округу. С невыразимой ясностью входят в сознание и деревянные дома деревни, и опушенные серебристым инеем березы, и тревожно-поспешное движение на шоссе.

— Бомбардировщики! — вскрикивает Халецкий.

В звонкой синеве неба восемнадцать немецких самолетов разворачиваются над деревней, образуя огромный ревущий круг. Один за другим они пикируют, набирают высоту, вновь пикируют и вновь поднимаются — серые, отвратительные. Земля вздрагивает от ударов бомб. Над деревушкой вздымаются каштаново-огненные столбы разрывов.

Руки Седлецкого застывают на механизме пушки. Крепкое слово срывается у него:

— Падло проклятое!

Он переглядывается с товарищами.

Лишь вчера они встретились в своем батальоне. Вчера приняли эту боевую машину. И тотчас по приказу заняли здесь оборону. За эти часы напряженного ожиданья каждый из них уже успел рассказать про себя, про свою жизнь, про борьбу.

Смолк вдали гул немецких бомбардировщиков. Пылают дома и строения в деревне. Сизый дым клубится в морозном воздухе. Иссиня-черные глаза Владимира Седлецкого подергиваются влажным туманцем. Может быть, вот так же отпылали родные места, — и Котовск, что близ Днестра в Молдавии, и неподалеку МТС имени Котовского,

Родные бескрайные степи, оплывающие жидким переливным стеклом под жарким солнцем, в золоте пшеницы, в оранжевом сиянии подсолнухов, в темной густой зелени кукурузы и клещевины.

Родные места: и пламень прудов на закате, и трепетные тополя, и вишневые сады и хаты, и силосная башня, видная за десятки километров. Сама просится из сердца песня, и вот он, бригадир тракторной бригады, садится на ступеньку фургона, берет гармонику...

В грозный восемнадцатый год родился в семье бойца-котовца Владимир Седлецкий. Две сестры и два брата росли без родителей, сиротами.

Владимир Седлецкий батрачил у куркулей до 1929 года — пас гусей, индюшек, свиней. Он учился в вечерней школе. Комсомольцы устроили его на работу в «Военстрой», через полтора года он вернулся в колхоз, работал на молочной ферме. Здесь в 1937 году вступил в комсомол. Вскоре стал трактористом. Перед уходом в армию в 1939 году Владимир Седлецкий был уже бригадиром, и тракторная его бригада выделялась успехами, дисциплинированностью, дружной, веселой спайкой. Вечерами на стану бригады звенели песни, сюда собиралась молодежь.

Какая это была жизнь! Любимая работа. Любимая семья. Жена и сын Валя — ему сейчас уже три года. Где они? Что с ними? Где сестренки и брат?.. Украину топчут немецкие сапоги. Дым пожарищ стелется над матерью-родиной. Стоны мучеников в фашистской неволе слышны по городам и селам, и кровь народа кричит об отмщении.

— Та не буде по-вашему, лютые вороги! — одними губами, истово, как клятву, говорит Владимир Седлецкий. Смуглое лицо его сурово и гневно. В нитку сжались черные брови. И снова настораживается он. Слух его ловит нарастающее гуденье

самолетов — такое же, как и прежде. Стало быть, опять идут бомбить. А потом обязательно пойдут в атаку танки. Так было под Ельней, так было под Рославлем. В памяти Седлецкого горячей чередой проносятся схватки, атаки...

Под Рославлем танковый полк, в составе которого действовал Седлецкий, ринулся в атаку, прорвался в тылы врага. Три танка, восемь орудий и склад артиллерийских боеприпасов уничтожил тогда Седлецкий. Немало немецких офицеров сдалось тогда в плен танкистам.

А позднее полк — не по своей вине — оказался в немецком окружении. Танкисты прорвали две линии окружения. Семнадцать раз бросались они в атаку на врага. Владимир Седлецкий четырнадцать раз атаковал врага на своем танке. Когда пушка была подбита, он бросался на фашистов, расстреливая их из пулемета, давя их гусеницами.

В последний раз, атакуя деревню, занятую врагом, Седлецкий напоролся на огонь противотанковой пушки. Она была укрыта в доме. Фашисты разбили наш первый танк с дистанции в 150 метров и перенесли огонь на машину Седлецкого. От удара снаряда в броню заглох мотор. Танк остановился. Седлецкий, оглушенный и озлобившийся, расстрелял из пулемета расчет немецкой пушки. Потом вернулся к своим. Мотор работал неправильно, еле тянул. Когда его осмотрели, то оказалось, что четыре цилиндра вышли из строя от того удара...

Враг опять наседал. Снаряды и мины рвались вблизи, вздымая зловеще-черные вихри. Надо было отходить. И Седлецкий, приказав экипажу снять пулеметы и забрать гранаты, сам, собственными руками зажег свою боевую машину. Танкисты уходили кустарником к большому лесу. Вот уже начались березы и елки. Только тут Седлецкий оглянулся. Сердце мучительно сжалось.

Над кустами взвивалось густое красное пламя...

Пробираясь лесом к своим, Седлецкий собрал отряд в сто двадцать пять человек. Тут были и политработники и командиры. И все они признали старшинство Седлецкого, признали вожака в нем — мальчишески юном, закопченном, но со стальным блеском в глазах и непреклонной волей в тоненьком тенорке...

Вскоре по выходе к своим Владимир Седлецкий снова пошел в бой — на новом, другом танке. Это было под селом Большое Павлово. Два боя были победными. В третий раз фашистский снаряд попал прямо в танк. Машина содрогнулась. Сквозь все щели внутрь танка брызнул огонь. Седлецкий успел зажмурить глаза. Брови его сгорели.

Мотор запылал. Танкисты выскочили через передний люк, — в башенный люк выходить было невозможно, вокруг были немцы.

Ползком скрылись в лесу. До своих было четыре километра. Но вскоре танкистов окружили. Четыре автоматчика, стреляя, подбегали к ним. Седлецкий, припав на колено, швырнул гранату. И в этот же миг метнул гранату механик-водитель. Три автоматчика упали мертвые. Последний остановился ошалело. И танкисты расстреливали его из наганов, а сами — прочь, ползком, на животе. Вот тут Седлецкому пришлось задержаться. Указательный палец на правой руке висел сломанный. Башенный стрелок взял две палочки, приложил их к пальцу, вытянул его и туго забинтовал. Тронулись дальше. И палец потом сросся.

Грохочут разрывы, вздрагивает земля. С елок сыплется иней. Прильнув к прибору, Седлецкий смотрит в сторону врага, на шоссе. Над линией горизонта возникает башня, показывается танк. Затем вторая башня.

— Механик-водитель! Завести машину! Немецкие танки!

— Есть завести машину!

Твердая опытная рука тотчас запускает мотор. По шоссе идут к деревне уже шесть танков. За ними — две колонны немецкой пехоты.

— Экипаж, к бою!

Седлецкий старательно и спокойно наводит перекрестие прицела на люк водителя переднего немецкого танка. Грохочет выстрел. Передний танк, вздрогнув, останавливается, окутанный дымом от разрыва снаряда. Немцы быстро вываливаются через боковые и башенные люки и прячутся за машину.

Снова гремит выстрел.

— Горит! — кричит механик-водитель.

Радист-стрелок ударяет из пулемета по пехоте. Солдаты в панике разбегаются, падают, копошатся и застывают на снегу. Живые хотят укрыться на опушке леса. Но до нее — белоснежная поляна, а пулемет Халецкого хлещет и хлещет.

Над вторым немецким танком—пламя, черные клубы дыма. Остальные машины разворачиваются, идут вправо и влево от дороги. Одна из них уже начинает стрелять. Вот вздрагивает наш танк, гудит броня. Седлецкий так же спокойно ловит в перекрестие лоб третьего танка. Механик-водитель громко докладывает:

— Товарищ командир, прямым попаданием фашистского снаряда разбит триплекс!

— Закрыть лючок, переменить триплекс!

Вот в перекрестии и третья цель. Опять выстрел, цель поражена.

И в ту же минуту удар по башне. Сами зажмуриваются на мгновенье глаза. Живы? Да, все живы!

— Попало под башню. Разбило пулемет. Осколки

летели ко мне! — звонко докладывает радист-стрелок.

— Зацепило?

— Нет!

— Помогайте башенному стрелку!

— Есть помогать башенному стрелку!

Седлецкий стреляет по четвертому танку, и он загорается сразу весь.

Пятый, развернувшись, удирает назад прямо по шоссе. Шестой уходит вдоль опушки леса, сминая молодые елочки.

Седлецкий стреляет по пятому, но тот успевает скрыться за бугром. Надо бить по шестому, но башня в эту сторону не поворачивается, пушка заклинилась.

Бой окончен. На шоссе и около него полыхают два немецких танка, угрюмо чернеют еще два — подбитых.

— И надо же ей было заклиниться! — негодует Седлецкий на пушку.

Механик-водитель докладывает, что под линией управления появилась вода, стало быть, пробит радиатор. А может быть, повреждено еще что-нибудь?

— Включи скорость.

Скорость включается. Танк послушно трогается с места. Маскировочные елочки падают. Седлецкий радостно улыбается. Машина в порядке. Теперь скорее отремонтировать, привести в порядок оружие. Потом — снова в бой.

В деревне он выскакивает из башенного люка. И тотчас наводит полный боевой порядок среди замешкавшихся артиллеристов. Голос его звонок и властен. Юному командиру подчиняются. На

него поглядывают с уважением и горделивой радостью.

В сумерках, озаренный отблесками пожаров, Владимир Седлецкий стоит около своего танка. Он совсем маленького роста, и смуглый пушок на верхней губе лишь подчеркивает его юность — яркую, боевую и победную, как вся наша жизнь.

ВОТ ОНИ КАКИЕ — НЕМЕЦКИЕ ГРАБИТЕЛИ И УБИЙЦЫ

1

Сияет зимний солнечный день. На елях и березах сверкает пушистый иней. Над крышами колхозных домов вьются мирные дымки. Мороз-красный нос, крепчая, пощипывает щеки и уши, перехватывает дыхание. А ребята с визгом и хохотом катаются с горы на салазках. И хороша же ты, наша русская подмосковная зима! В сердце, в самую глубину, вдруг пахнуло воспоминаниями далекого и милого детства.

Уж ты, зимушка-зима,
Ты холодная была...

И вдруг это волнующее и родное впечатление гаснет от прерывистого, словно захлебывающегося воя немецких самолетов. Тревога и злоба вздымаются в душе. Вой самолетов приближается. Бегите, спасайтесь, ребятки, со своими салазками. Что же вы там мешкаете, колхозницы, идущие от колодца с ведрами, полными воды? Ведь вас сейчас будут бомбить, а потом расстреливать из пулеметов немецкие убийцы и варвары. Они начали это на рассвете 22 июня, и не было с той поры дня, чтобы не лилась кровь советских людей...

Уже видны сбоку над лесом мрачные, похожие в синеве неба на кресты, бомбардировщики врага. Они не одни. С пронзительным свистом проносятся длинные «Мессершмитты».

Все ближе вражеские самолеты. И вой их словно липнет к тебе.

Вот слух улавливает сквозь этот вой новый звук. Сердце радостно стукает:

— Наши!

Да, наши! Из бескрайной синевы несется густое и чистое гуденье. Ага! Фашистские бомбардировщики трусливо заворачивают назад. Догоняйте, разите их, соколы! Взлететь бы с вами!

«Мессершмитты» бросаются навстречу, перехватывая удар. Возникает и перемещается, скрываясь за стеной леса, воздушный бой. Грандиозно ревут моторы.

Вдруг появляется «Мессершмитт». Он летит прямо сюда. В сердце — холодок. Где же наши? И это запечатлевается в душе: с высоты стремительно и неотразимо пикирует на врага наш «ястребок». Протягиваются к врагу голубоватые нити трассирующих пуль. И как выразить радость и восторг, когда над твоей головой сталинский сокол стреляет и сбивает врага? А «Мессершмитт», клюнув носом и нелепо перевалившись через крыло, уже падает, падает, падает. От него отделяется черная точка. Вспыхивает купол парашюта. Только бы не удрал немецкий летчик в сосновом лесу!..

2

Нет, не удалось ему скрыться в лесу. Он еще болтался на стропах парашюта, а в соснах его ждали наши фронтовики!

И вот он сидит в домике у дороги, озираясь злобно и бессильно, — фельдфебель Георг Брей из Карлсруэ, немецкий оккупант и убийца.

Узкое лицо, курчавые волосы, крючковатый толстый нос и горбатая спина у этого арийца. Ему тридцать два года. С 1934 года он — член нацио-

нал-социалистской партии, с 1939 года служит в военной авиации, дрался в Голландии, с сентября — на Восточном фронте, недавно был в Варшаве, оттуда прилетел на новом самолете и — сбит был в первый же боевой вылет!

Он сын инженера, окончил гимназию, руки у него тонкие, выхоленные.

Что же у него там, за этими бегающими темносерыми глазами? Товарищи наши засыпают его вопросами, он отвечает словоохотливо, а глаза шарят, шарят, — ищут решения его судьбы.

Да, он расстреливал советских людей. Но ведь это война. Он солдат, исполнял приказ. А с советскими людьми у него всюду, где он бывал, были самые лучшие, дружеские отношения. Ни о каких грабежах, ни о каких зверствах не может быть и речи! Немецкая армия — самая культурная, цивилизованная армия во всем мире!

Через стены домика слышно шумное движение, возбужденные возгласы. Все поворачиваются к двери. Она распахивается, клубится морозный пар, входят бойцы. Они вводят еще немецкого летчика.

Рослый рыжий детина в меховом комбинезоне,— летчик-наблюдатель с немецкого корректировщика. И как же ненавидят наши фронтовики этот вражеский самолет! Они надавали ему прозвища:

— Кривая нога!

— Горбыль!

Появление этого «горбыля» означает, что вскоре последует или налет бомбардировщиков, или огневой налет минометов и артиллерии. А сегодня «кривая нога» сбита. На нашей передовой линии грянули аплодисменты и «ура», когда в воздухе запылал «горбыль».

Обер-фельдфебель Андреас Пенцен из Шлезвиг-Голштинии, 28 лет, спасся на парашюте. Он, как

и тот, — «наци» с 1934 года; в авиации же с апреля 1940 года; драться стал на Восточном фронте.

На поросшем рыжей щетиной лице его — маска равнодушия. Но никуда не упрятать ему ни страха, ни злобы. Хищно насторожены его огромные малиновые уши. Напряжены темнокаштановые зрачки. Длинные пальцы холеных, как и у первого, рук вьются, вьются, влажные от пота...

И он тоже говорит о культурности немецкой армии:

— В СССР немецкие войска ведут себя культурно. К населению мы особой любви не проявляем, но и население к нам особой любви не проявляет. На занятой земле мы установили теперь настоящий мирный порядок.

— Ох, гадина! — с глубоким яростным выдохом выкрикивает женский голос.

Фронтовики расступаются. От двери проходит женщина.

— Да успокойся, Таня, успокойся! — Подруга обнимает Таню. Им проворно подвигают стулья. Они садятся, не спуская глаз с немецких летчиков. Головы немцев, словно под очередями пулеметного огня, глубоко уходят в плечи.

Боец подает Татьяне кружку воды. Та пьет, и в тишине очень слышно, как нет-нет да и стукнут зубы о край кружки.

И каждый из нас ждет, ждет с замиранием сердца страшных мужчине-воину женских слез. А глаза подруг — и Татьяны и Нионелы — блестят, они сухие.

Попрежнему не спуская глаз с фашистов, вперебой рассказывают подруги, только что вернувшиеся из немецкого тыла наши партизанки:

— В Волоколамске уже не одну неделю висят восемь повешенных советских людей. Они уже прочернели и замерзли и все висят.

Немецкие солдаты грабят все. Белье все забирают. Валенки снимают с ног. С женщин на дороге снимают пальто, головные платки.

Враги все население забирают, сгоняют в сарай, держат там, пока сами не продвинутся. Держат по многу дней! Не кормят, отбирают последний кусок хлеба.

Подруги говорят тихо. На лицах, молодых и хороших, глубокие насечки морщин. Глаза их сухи. Нет таких слез, чтобы выплакать все горе, все ужасы, все обиды, которые вынесли от немецких захватчиков обе эти женщины и — на их глазах — многие советские люди...

Немцы настороженно слушают переводчика, и у черного фельдфебеля на лбу появляются капли пота, лицо его сереет. Тонкими посиневшими губами шепчет он:

— Может ли это быть!

Рыжий фельдфебель злобно огрызается:

— Я об этом не слышал, я этого не видел!

Немецкие летчики, сгорбившись, умолкают. И так ясно чувствуется: трупным смрадом несет от них, дьявольских слуг своего кровавого хозяина.

КОМАНДИР РОТЫ

1

Всю ночь избушка содрогалась, мелко дребезжали стекла. Лейтенант Попов не раз выходил проверять часовых, осторожно пробираясь между спящими на лавках и на полу красноармейцами.

Его рота — из состава мотострелкового батальона — была в резерве командира танковой бригады.

Попов, вздрагивая от каленой стужи, обходил с разводящим часовых. Под ногами повизгивал снег. От сильного ветра перехватывало дыхание. На небе сквозь быстрые облака тускло светила луна. Лейтенант всматривался в кровавые разливы зарев за передним краем обороны немцев, в смятенное полыханье ракет. До наших передовых позиций было полтора километра. Немцы подошли к деревне П. в обход, проселками — они хотели здесь прорваться, перехватить Ленинградское шоссе. Тогда наши части оказались бы в очень тяжелом положении. Немцам до Москвы оставалось бы всего километров двадцать пять...

Лейтенант с хитрецой усмехнулся. Он думал: «Чорта с два немцам прорваться теперь к Ленинградскому шоссе. Сразу прорваться не сумели, сил нехватило. А теперь — и подавно! Выдохлись,

подлецы! Здорово мы их измотали. Зато у нас — о-го!»

Он повернулся в сторону шоссе и насторожился.

Сквозь раскаты наших артиллерийских выстрелов с Ленинградского шоссе (до него тут было два километра) доносился могучий шум огромного движения.

— Наши свежие дивизии идут! — улыбался лейтенант.

Загремели залпы наших минометных батарей. Над леском взвилось пламя. Лейтенант не дышал, пока не услышал с немецкой стороны «бу-бу-бу-бух-бух-бух» — сплошной серии разрывов, словно сказочный великан вышел на молотьбу...

— Не давайте немцам, чертям собачьим, спать! — говорил он, вполне одобряя работу артиллеристов.

В полночь разведчики привели пленного немца. Собственно, разведчики были другой части. Лейтенант Попов ходил со своей ротой ей на подмогу вчера. Вот там в разведку и выпросился сержант Хасигов.

Лейтенант, только что уснувший сидя за столом, вскочил от громкого говора и крепких слов.

— Немец, товарищ лейтенант! — сказал сержант Хасигов, крупнолицый горбоносый осетин, в возбуждении выкатив черные глаза. Он был сейчас багровый от волнения и с мороза.

— Давай его сюда!

Красноармейцы, гневно размахивавшие руками и говорившие все разом, вытолкнули к столу немецкого солдата. Лейтенант, спросонья схватившийся было за пистолет, рассмеялся. И высокий хороший лоб, и румяные щеки и усики — все смуглое лицо лейтенанта светилось в неудержимом смехе. А бойцы грозили немцу кулаками, и глаза их остро блестели.

— Ух, михрютка!

— Сундук с клопами!

Лейтенант с трудом нахмурился.

— Тише, товарищи красноармейцы!

Говор умолк. Лейтенант рассматривал немца. Невысокий и тощий, тот трусливо ежился. На голову натянут шерстяной чулок. Лицо искажено страхом, и оно поразительно грязное. — в каких-то пятнах и подтеках. Глаза бегают. Шея обмотана грязным дамским кашне.

— Да вы только посмотрите, товарищ лейтенант! — сержант Хасигов распахнул на немце рваную зеленую шинель, серую вытертую куртку. Лейтенант и красноармейцы грохнули смехом. Пламя семилинейной лампы копьем вымахнуло из стекла.

На голом грязном теле немецкого солдата была дамская сорочка с кружевами.

— Мадам, чтоб твою! — простонал кто-то сквозь смех.

— Куда ты залез? Я тебя спрашиваю — куда залез в наши сугробы? — Красноармеец Иванов поднял полу немецкой шинели. На ногах у солдата были заколодевшие от мороза ботинки. Иванов, притопнув ногой, хлопнул рукой по валенкам:

— Вот как советская власть заботится! Смотри, чорт! На смерть вас гонят! Эх ты, мясо!

— Ну, хватит, товарищи! Спокойно! — строго сказал лейтенант Попов. — Где его забрали?

— Из блиндажа вытащили! — Сержант Хасигов, сильно жестикулируя, продолжал: — Я подкрался, слышу: сопит. Я ему говорю: — Комхер, хундерветтер![1] А он как запищит — папа-мама! Ну, вышел. Кинжал я с него снял и сюда!

— Так! — лейтенант погладил свой лоб, огля-

[1] Иди сюда, чорт возьми! (Сержант неточно произносит немецкое ругательство «доннер-веттер».)

нулся на политрука роты Бадаляна. — Поздно мы с тобой немецкий язык стали учить, политрук! Вот что с ним сделаешь?

— Придется сейчас же в штаб отправить. Там поговорят.

— Так-то так! — в раздумьи протянул лейтенант, в упор разглядывая немца. Тот пытался улыбнуться — старательно раздвинул губы, на пегом лице появилась жалкая гримаса.

— Ух, рожа!

— Вот так рожа!

— Товарищ лейтенант, а помните, какие немцы летом были? — сказал сержант Ивашкин, снайпер-наблюдатель. — Они были чистенькие, на груди серебряные крылышки.

— Вот и полетят они...

Снова грохнул смех.

— Так. Ну-ка, дейтше зольдат, комхер! [1] — сказал лейтенант.

Немец шагнул к столу: со страхом, часто мигая, глядел он на лейтенанта.

Не сразу припоминая слова, тот спросил:

— Наме? Компани? Регимент? Дивизион? [2]

Немец быстро и покорно заговорил, дергая то одним, то другим плечом.

— Нох айн маль! Еще раз! — приказал лейтенант.

Немец повторил. Лейтенант записал.

— Так. Тиеме Герберт. Солдат шестой роты 86-го пехотного полка 10-й панцырной дивизии. Это — танковой дивизии.

— Все старые знакомые! — усмехнулся политрук.

— Вифиль зольдатен им компани? [3]

---

[1] Немецкий солдат, ко мне!
[2] Имя? Рота? Полк? Дивизия?
[3] Сколько солдат в роте?

— Фюнф унд цванциг!

— Двадцать пять солдат в роте осталось. Многовато!

— А мы еще убавим! — сказал сержант Ивашкин, и опять все рассмеялись.

— Товарищ лейтенант, вы за ним поглядывайте! Чего это он все дергается? — с беспокойством в голосе сказал красноармеец от дверей.

— Не беспокойся! У нас не дернется! — сварливо сказал сержант Хасигов.

— Ты ж вон какой! Медведь кавказский! — не остался в долгу красноармеец.

В избушке было жарко. Плавал слоями сизый табачный дым. Немец вспотел, сильнее задергал плечами.

— Да его вши едят! Вши! — Ивашкин всплеснул руками. — А почесаться боится!

— Культура, чтоб...

— Ванн ангрифф? Когда наступление?

— Их вайс нихт![1] — Глаза немца забегали быстрее, они ускользали от взгляда лейтенанта. И Попов решил:

— Врет! Значит, опять что-то затевают!

— Ну, ведите его немедленно в штаб! Сержант Хасигов, доведете его в штаб!

— Есть, товарищ лейтенант! Эй, зольдат, как это по-вашему? Комм! Комм! Катись комом!

Сержант Хасигов подтолкнул немца. Тот побледнел, но, увидев смеющиеся лица, успокоился. Сделав два шага, он блудливо оглянулся и яростно зачесался подмышками сразу обеими руками.

— Вшивая команда!

— Не одна меня кусает, а их много развелось!

Смех и шутки проводили немца.

---

[1] Я не знаю.

Красноармейцы уселись на полу, продолжая разговор.

— Товарищ лейтенант, — обратился сержант Ивашкин, — ей-богу, немец другой теперь. Не то что летом!

— Да ведь и мы другие стали! — горячо заговорил политрук Бадалян, и все посмотрели на него. — Как я боялся с начала войны. Танки! Кто-нибудь только скажет, а глаза уже крутятся, ноги на месте не стоят. А теперь мы их так раскатываем! Сам товарищ Сталин сказал, что мы теперь — гроза для немецких захватчиков!

Ефрейтор Кочергин встал, прислонился к стене,— маленький, ловкий.

— Под Бородаевкой остались со мной два пулемета. Немцы лезут по кустам. Фатхулин открыл огонь. И я тоже. Немцев не видели, били на крик в кусты. Потом лейтенант наш прибежал, поблагодарил: «Раненых, говорит, не успевали оттаскивать».

— Правильно! — подтвердил лейтенант Попов.— Целый взвод немцев положили.

Сержант Ивашкин ревниво заговорил:

— А как Натальино забрали? Тоже наложили больше роты немцев. Это тебе не гроза? Тогда еще наш лейтенант на трофейном велосипеде прямо в батальон с донесением поехал. Тут пулеметы, мины, пожар, а он чешет, а он чешет!

Лейтенанта Попова охватило сильное и все же приятное смущение. Вдруг мелькнули в памяти родной Ташкент, десятилетка, военное училище. Потом бои под Ельней, там в августе Александр Попов стал кандидатом партии. Там он впервые почувствовал, что станет настоящим хладнокровным командиром. Вот сейчас боевые товарищи

говорят — они признали его. Чувствуя, как горит лицо, лейтенант Попов сказал:

— Хватит, товарищ Ивашкин! Я вот что думаю, товарищи! Плохо ведь у немцев дело-то! Оборвыши! В ротах, немец сказал, по двадцать пять солдат осталось! Я думаю, скоро мы их двинем отсюда. Давно я этого часа дожидаюсь!

— Надо сейчас и переходить в наступление! А то смотри-ка, — до Москвы рукой подать! — горячо сказал сержант Ивашкин.

— Товарищ Сталин знает, когда отдать приказ! — веско и значительно произнес ефрейтор Кочергин. И все сразу стали серьезными, строгими.

— Товарищ Сталин каждого понимает, — начал красноармеец Иванов, и все повернулись на его тихий и глубоко взволнованный голос. — Я до батальона в стрелковой дивизии служил. Это еще в июле было, за Смоленском. Танков нет. В небе одни крокодилы немецкие. Ну, тяжко! Вспомнить — и то тяжко. Когда я в нашу танковую бригаду попал — и горе забыл! А раньше думал: где наши самолеты? Где наши танки? Тяжело без них пехоте, тяжело. Теперь читаю доклад товарища Сталина, и сам товарищ Сталин сказал: в эту войну пехоте очень трудно без танков и авиации.

— Товарищ Сталин сказал, как нам дальше действовать! — сказал политрук.

— Он за всех думает. Он все знает! — продолжал Иванов. — Может, я мало понимаю. Чего я в жизни видал — девятьсот двадцатого года рождения? А я сердцем знаю. И мать мне говорила, — она у меня, ух, умная. Весь колхоз ее уважает. Слушайся, говорит, Иосиф Виссарионыча, он все знает, за все душой болеет. Народ думает, думает, а он скажет. Как раз то скажет, что народ думает, что народу надо.

Лейтенант Попов глубоко вздохнул.

Да, это очень верно, что немцы уже не те, что летом. А мы, защитники своей родины, мы только набираем, развертываем свои силы. Вот — измотали же немецкие полчища под Москвой. До столицы совсем недалеко, а как ни бесится Гитлер — войска его сделать ничего не могут. И ни разу не окружили они наших войск за все последнее наступление. А ведь мы только начали развертывать свои силы, только начали! Интересно бы сейчас узнать, что делается по всему Западному фронту. Сразу окинуть все одним взглядом.

Потом, спустя много дней, лейтенант Попов узнает, что это была предпоследняя ночь перед нашим контрнаступлением на гитлеровские орды.

На крайнем левом фланге Западного фронта контрнаступление уже развернулось. 2-я танковая армия генерала Гудериана к концу ноября угрожала полным окружением Тулы, захватом Каширы и магистрали Москва—Куйбышев с выходом на Рязань.

Распоряжением ставки Верховного Командования на Каширу и Михайлов были направлены сильные резервы.

Кавалерийский корпус генерала Белова подошел к Кашире почти одновременно с немецкими частями генерала Гудериана.

Товарищ Сталин вызвал по телефону секретаря Каширского горкома ВКП(б), потом генерала Белова и командира казачьей дивизии генерала Баранова.

Товарищ Сталин поставил задачу: не только удержать Каширу, но и разбить части Гудериана.

Разговор был ночью. К утру кавалеристы по распоряжению товарища Сталина получили четыреста автоматов, вскоре к ним пришла на подмогу свежая танковая бригада.

В условиях встречного боя кавалеристы нанесли немцам удар, заставили их перейти к обороне. Потом последовательными ночными атаками выбили немцев из ряда населенных пунктов. Части Гудериана, разбитые, бросая танки, орудия, машины, откатились к Мордвесу, потом — к Веневу. Сюда же откатывались и части, разбитые в это же время под Тулой и Михайловым.

Все это произошло в первых числах декабря. И по всему Западному фронту, на всем его протяжении в семьсот километров по кривой, силы немцев были измотаны, развивать активных действий уже не могли.

Бывший главнокомандующий германских войск Браухич, незадолго до наступления, писал в приказе:

«... Противник уже не может провести крупных операций. Наш лозунг — «только вперед!»

Начав наступление 16 ноября 1941 года, немцы бросили в бой против войск нашего Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий при поддержке до 800 самолетов.

Германский генеральный штаб и его «верховный» главнокомандующий жестоко просчитались в своих планах захвата Москвы и уничтожения частей Красной Армии.

Это второе генеральное наступление немцев на Москву обошлось им только до 6 декабря лишь на Западном фронте в 777 танков, 534 автомашины, 178 орудий, 119 минометов, 224 пулемета и в 55 000 убитыми.

Немцы лихорадочно подтягивали все свои возможные резервы. Но эти резервы быстро таяли. Мы перешли в наступление 6 декабря 1941 года. В итоге с 16 ноября по 10 декабря, по неполным данным, захвачено и уничтожено без учета действия авиации: танков — 1434, автомашин — 5416,

орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870. Убитыми немцы потеряли свыше 85 000.

И опять — в вопросах реального соотношения сил германский генеральный штаб основывался лишь на авантюристических успехах гитлеровской фашистской клики и — вполне понятно — грубо просчитался.

Свежие полнокровные наши армии были подтянуты на Западный фронт и ринулись на врага. Мы потом, после победы над гитлеризмом, узнаем в подробностях об этом ярком выражении советского военного искусства, вдохновляемого и руководимого ежечасно Сталиным.

Для немцев появление этих новых армий было совершенно неожиданным.

Недоступной пониманию врага оказалась и та неисчерпаемая моральная сила советских патриотов, которая в огне тяжелых испытаний, в боях великой отечественной войны непрерывно росла.

— Унмеглих! Невозможно! — воскликнул командир отборной дивизии СС — «Империя» Битрих и записал в своем приказе на наступление 2 декабря:

«Перед фронтом дивизии СС «Райх» («Империя») противник, используя задний край опушки леса, ловко ведет оборонительный бой, чтобы не допустить поддержки со стороны нашего тяжелого оружия. Далее он окапывается во всех населенных пунктах. Его солдаты на позициях борются не на жизнь, а на смерть...»

Командиру дивизии гитлеровских головорезов невозможно понять это. Лейтенанту Попову Александру очень понятно, он видит, как выросли бойцы его. Да, и он думал то же, что высказали сейчас товарищи, — самое сокровенное, выношенное в борьбе:

«Товарищ Сталин все знает, все понимает. И мы все понимаем товарища Сталина — и моя рота, все мои боевые друзья, весь наш славный Западный фронт и весь советский народ».

Дрожь восторга и вдохновения охватила лейтенанта Попова, — ему с необычайной и легкой ясностью открылось, и он понял еще глубже, всей душой то могучее народное чувство, которое так просто и так мудро выражают советские люди:

— Наш великий и родной Сталин.

Неожиданно, всем существом, всей душою своей лейтенант Попов запел:

На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битве и труде...

Политрук Бадалян, ефрейтор Кочергин подхватили:

Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Лейтенант Попов встал, встали красноармейцы. Песня росла.

Сталин—наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет!

Содрогалась избушка от артиллерийских залпов. Блестели глаза. Молодые голоса звенели:

С песнями борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

3

Под утро так же вздрагивала избушка, дребезжали стекла. Лейтенант Попов проснулся. Вкусно запахло жареным. Красноармейцы завтракали. Они

пересмеивались. На душе у лейтенанта было радостно и светло. Как хорошо пели ночью...

С песнями борясь и побеждая...

Он вышел из избы. Дул резкий ветер, бросался горстями снега. По бугру за деревенькой мела злая поземка. И лес за поляной был тоже злой, колючий. Над ним виднелась колокольня, — это в деревне. На востоке, над темной стеной бора, вставало огромное розовое солнце. С запада находила серая с ржавыми краями туча. В деревне Н. часто рвались мины. Сквозь вьюгу перестукивались пулеметы. Послышался гул самолетов. Девятка наших штурмовиков пронеслась к линии фронта. Потом еще девятка и шестерка, все штурмовики.

Лейтенант Попов проводил их взглядом.

— Что-то там происходит!..

Лейтенант Попов с большим вниманием прислушался к огню в направлении деревни П.

— Не нравится мне что-то! — сказал сам себе лейтенант, возвращаясь в избушку.

С окон были сняты маскировочные одеяла и плаща-палатки. Сквозь узорчатые стекла сочился багрянец зари. Тепло, громкий веселый говор отвлекли лейтенанта.

Он успел позавтракать, когда за ним прибежал связной. На улице его обдало снегом. Туча закрыла уже полнеба, метелица разгуливалась.

— Рота у вас готова? — спросил комиссар Ланаленко в штабе батальона. Жестокая простуда еще позавчера свалила командира, и комиссар все взял в свои руки. Его озабоченное лицо встревожило лейтенанта.

— Рота готова к выполнению любой боевой задачи! — доложил Попов.

Снаружи послышался гул автомобилей. Потом голоса, шаги. Дверь распахнулась. Сквозь пар

вошли люди. Еле помещаясь под потолком, прошел вперед к столу генерал-майор в серой шапке, в кожаном пальто и меховых сапогах. В избе стало тесно. Плотной стеной до самых дверей стояли штабные командиры, танкисты.

— Товарищ командир бригады, мотострелковый батальон... — начал рапорт комиссар Лаваленко.

Командир бригады пожал руку комиссару, развернул на столе карту.

— Из деревни П. немцев вышибить немедленно. Задачу ставлю батальону танков и вашему мотострелковому батальону.

Лейтенант Попов не дышал, пораженный: когда же немцы захватили деревню П.? И почему же так спокоен командир бригады?

— Конечно, со стороны немцев это очередное нахальство. Авантюра. Но если бы они прорвались на Ленинградское шоссе, — тогда хлопот не оберешься.

Командир бригады помолчал. Попов ощутил всю значительность этой краткой паузы. Он подумал, что вот-вот начнутся большие события. Командир бригады хочет, чтобы здесь не было много хлопот. А где же и как сам он хочет хлопотать?

Генерал повернул голову к майору, командиру стрелкового полка. Это его батальоны не удержали сегодня деревню П. Майор вытянулся. Лейтенант Попов сейчас остро не любил майора и все же он замер: вот сейчас генерал задаст ему. Глаза стали светлыми и холодными:

— Вашему полку надо исправить все промахи. Иначе я буду вынужден переменить о вас свое мнение!

— Будет сделано, товарищ генерал!

— Так-то оно будет лучше! И помните: маневр,

маневр! Эти фашистские нахалы не выносят флангового удара. Маневрируйте!

— Есть, товарищ генерал!

Генерал обвел глазами всех. Сейчас его синие глаза были попрежнему теплыми и глубокими.

— Желаю удачи, — сказал он весело.

— Все будет в порядке, товарищ генерал!

Лейтенант Попов восторженным взглядом провожал генерала. Тот встретился с его взглядом и улыбнулся ему.

4

Лепила косая пурга. Серое небо свисало над головами. Дома деревни П. черными пятнами виднелись метрах в полутораста. Позади неясно чернела кромка леса. Оттуда рота лейтенанта Попова вслед за танками вышла вот сюда, к окраине деревни, в обход справа. Теперь рота залегла вдоль огромной ямы. Пулеметы лейтенант выставил на фланги.

Недалеко от крайнего дома пылал наш легкий танк. Другие танки отошли за бугор. Но и из охваченного огнем танка еще прогремели выстрелы по врагу...

— Товарищ Иванов, выделить пушку! — приказал лейтенант Попов своему связному.

— Есть! — Иванов прополз вперед на бугорок, двигая перед собой снег руками.

Лейтенант Попов передвинулся на более удобное место. Он поднял бинокль, и тотчас стали крупными и дома, и заборчики около них. С другого конца деревни слышались быстрые рычащие очереди немецких автоматов, огонь наших танковых пушек и пулеметов. Там тоже наступали наши.

Красноармеец Иванов хорошо устроился на бугорке, за снеговым бруствером. Ему были видны

пустынная улица, долина реки справа за деревней и лес на той стороне. А где же пушка? Иванов заметил в глубине деревни перебежку немцев от дома к дому. Но пушки все не было видно.

— Притаилась, подлюга! — со злостью прошептал Иванов. — Караулит...

Ватные штаны на его коленях промокли, и ноги сильно озябли; в рукавах телогрейки было сыро и холодно от набившегося снега.

— Да где же ты, проклятая?.. Может быть, ее тут и нет? Перекочевала на тот край, а я тут мерзну, как дурак? — сердился Иванов. Правее ямы загудел мотор. Тронулся танк. Но едва показался он над бугром, — около третьего дома блеснул огонек выстрела, и Иванов увидел противотанковую немецкую пушку.

Она стояла между домами. Она была замаскирована бумагой. Около нее суетились немцы в белых касках.

Иванов обернулся, помахал лейтенанту Попову рукой.

— Товарищ лейтенант, вот она, пушка!

— Уничтожить расчет. Бить наверняка!

— Есть!

— Рота, приготовиться!

По цепи побежало, побежало:

— Рота, приготовиться!

Красноармейцы стали осматривать винтовки, гранаты.

— Товарищ Ивашкин, к танкам бегом. Доложите, что перехожу в атаку. И чтобы поддержали! Сигнал — движение роты.

— Есть!

Сержант Ивашкин убежал. Лейтенант Попов улыбнулся политруку Бадаляну.

— Сейчас рванем! Иди со взводом Фролова. Зажги, подай пример. Ворвешься в деревню —

сразу закройся справа пулеметами. Желаю удачи!

— Есть!

Политрук, оправляя снаряжение, убежал.

Лейтенант Попов не спускал глаз с Иванова. Молодец, не торопится, тщательно выцеливает врага. Лейтенант мысленно оглядел свои взводы, пулеметчиков. Все ждали его команды, он это знал. И у каждого — как у самого лейтенанта сейчас — сильнее билось сердце, руки крепче сжимали оружие. Сейчас одним броском вскочить в дома, зацепиться, там дело пойдет лучше!..

На бугорке щелкнул выстрел. Иванов видел, как упал немецкий солдат. Так же спокойно он прицелился и выстрелил в другого, и тот упал. Остальные немцы убежали за угол дома.

Иванов повернулся к лейтенанту сияющим и мокрым от снега лицом.

Попов спустил предохранитель своего автомата и торжественно и звонко прокричал нараспев:

— Рота, за мной! За родину, за Сталина, вперед! Ура!

Он стремительно бросился к домам, — сквозь пургу, по неглубокому еще снегу. Рядом с ним бежал Иванов.

Лейтенант слышал крики бойцов, тоже бегущих и обгоняющих его. На бугор выходили наши танки, из их пулеметов вымахивали огненно-красные язычки.

«Куда они бьют? Куда они бьют?» — подумал лейтенант, и тут он увидел выбегающих на улицу немцев и автоматчика, готовившегося стрелять из-за колодца. Вот он, упав на колено, вскинул свой черный автомат. Тоже припав на колено, лейтенант Попов выпустил в него длинную очередь. Белая каска слетела, вспыхнула рыжая голова и легла на сруб колодца.

Мимо лейтенанта с ревом проскочили танки.

Красноармейцы мчались далеко впереди, стреляя в немцев. Те перебегали через улицу слева направо. И падали от огня — тут и там на снегу чернели трупы.

Лейтенант Попов догнал красноармейцев только у третьего дома. Вот она, противотанковая пушка. На снегу около нее алели пятна крови.

— Иванов, откатить пушку к лесу!

— Есть!

Красноармейцы ухватились за колеса пушки и покатили ее между домами, потом прямо через огород. Впереди протрещал немецкий автомат, тотчас рванула граната, другая.

— Врешь! — грозно крикнул там красноармеец.

Сержант Ивашкин метнулся туда. Обернулся от угла дома.

— Автоматчика разорвало! — крикнул он лейтенанту. — Тут мотоциклы, велосипеды. Целая куча!

— Обыскать все дома!— приказал лейтенант Попов. Танки были уже около церкви. Это очень далеко, они вели огонь с места. По правой стороне деревни быстро продвигался взвод Фролова. Лейтенант улыбнулся, увидев, как мелькнул полушубок политрука Бадаляна. Что же думали немцы? Ну, да, думали. Подумаешь под таким ударом с фланга. Маневр! Командующий говорил про маневр! Но что же думают немцы?

Откуда-то справа брызнули с визгом пули. Лейтенант Попов припал на колено за огромной ветлой. Недалеко от него лежал красноармеец с залитым кровью лицом. Дальше ползли раненые бойцы. Санинструктор Четвергов, громко ругаясь, подбежал к раненому, подхватил его на руки. Тот коротко охнул.

— Потерпи, браток! — вздохнул Четвергов и побежал под пулями за дом.

Лейтенант Попов крепко выругался.

— Поймали, сволочи фашистские!

Он выглянул из-за ветлы. В прогалы между домами на той стороне виднелись огороды на скате в долину реки и лес на той стороне. Огонь был оттуда. Пули мягко шлепнули в ствол ветлы. Лейтенант посмотрел на сержанта Ивашкина.

— За мной! Не отставай!

Они мгновенно перебежали уличку, выглянули из-за дома. На огороде за сарайчиком они увидели сержанта Хасигова с пулеметными расчетами его взвода.

— Хасигов, прочесать лес на той стороне!

— Есть! — гаркнул Хасигов и подал команду:— Первому расчету выдвинуться за угол! Прохорков, действуй! Кочергин, занять позицию слева!

Расчеты быстро выкатили пулеметы, открыли огонь.

— Так. Вот это дело. Что?

Рядом с лейтенантом тяжело дышал улыбающийся красноармеец Иванов.

— Догнал!

— Не высовывайся так!

Пулеметы били по опушке леса на той стороне реки. Попов пристально вглядывался в бинокль. Лес был безмолвным.

— Товарищ командир! — раздался позади детский голос.

Лейтенант Попов вздрогнул.

Мальчик лет тринадцати, в меховой шапке, в полушубке и больших валенках, шмыгая носом, жарко говорил:

— Немцы вон за тем домом на горе и за стогом. Я сам видал, честное пионерское.

— А ты откуда?

— Я здешний.

— Ванюша, — позвал, улыбаясь, сержант Хасигов.

— Товарищ командир! — вскрикнул Ванюша, просияв, и быстрым шариком прокатился к сараю.

Хасигов ласково обнял его.

— Товарищ лейтенант, это он с нами в разведку ходил. Где немцы, Ванюша?

Из кустов за рекой взлетела, ввинчиваясь в воздух, ракета. Взрыв, и пунцовый шар, рассыпая искры, описал дугу в направлении места, где находилась рота лейтенанта.

— Огонь вызывают, сволочи! Сержант Ивашкин, к танкам бегом. Поставить задачу — огонь по дому и по стогам.

— Есть! — Сержант, пригибаясь в прогалах домов, побежал вдоль улицы.

Сержант Кочергин уже вел огонь по дому за рекой. Одна очередь прошла мимо в дальний лесок, и там вдруг забегали немцы.

— По бегущим гадам — огонь! — азартно прокричал сержант Хасигов.

— Есть огонь! — отозвался Кочергин и за тремя короткими пристрельными очередями дал длинную. Немцы падали направо и налево. Сержант Кочергин перенес огонь на дом. Сбоку выбежал немецкий солдат.

— Какой прицел ставить, товарищ лейтенант? — одним духом выпалил красноармеец Иванов.

— Ставь десять!

— Есть!

Тот опустился на колено и встал — не видать, чорт возьми, с колена; прислонился к углу дома, потеснив лейтенанта. Целился он долго, долго. Лейтенант уже подумал: чего это он не стреляет? И тут грянул выстрел, и немец бухнулся в снег, быстро дергая ногами, словно продолжая бежать.

Иванов повернулся и присел. Тяжелая немецкая

мина разорвалась за домом. Пронзительно взвизгнули осколки, взлетели щепки, качнулся весь дом.

Попов, стряхивая землю, глубоко вздохнул и сказал:

— У нас дома и стены помогают!

— Не слышу! — Иванов ткнул обеими руками в уши.

— Пройдет! Сержант Хасигов, скрытно продвинуться вперед! Под минами не лежать! Зарыться! Тщательно наблюдать, вести огонь!

Махнув рукой Иванову, Попов побежал вдоль деревни догонять взводы. Попрежнему сыпался сырой снег. Наступали сумерки.

Позади одна за другой рвались немецкие мины. Что же это такое? Почему наша артиллерия не подавит немцев? Уйти все равно не уйду, но ведь потери будут, людей жалко. Да, жалко, очень жалко людей. Вон от школы ведет огонь наш танк. Молодцы танкисты. Теперь артиллерией бы накрыть немцев.

И тут вверху над деревней прошли за реку наши снаряды и мины. Залпами. Залпами. Залпами.

Из-за церкви навстречу лейтенанту вывалила целая толпа. Это были красноармейцы, только что освобожденные из немецкого плена. Все они были раздеты, босы, в окровавленном обмундировании. Глаза их, ввалившиеся на почерневших, залитых кровью лицах, пылали такой радостью, таким счастьем, что у лейтенанта Попова перехватило горло.

— Пленных отбили, товарищ Попов! — сказал подбежавший политрук Бадалян. — В сарае заперты были, на морозе.

— Веди их скорее по домам, замерзнут.

— Есть! А в этом доме — лейтенант замученный. Красноармейцы мне сказали, что немцы захватили его в плен тяжело раненного.

Попов пробежал к дому, вошел с бьющимся серд-

цем и сдернул шапку. В разбитые стекла несло снегом, он лежал на столе, на полу, на лице лейтенанта. Тот скрючился на полу. Руки его были вывернуты и сломаны. Ноги босые. Пальцы на них раздавлены в кашу мяса и белых косточек. На виске, во вьющихся светлорусых волосах серели комки мозга. А вчера, когда мотобатальон ходил на выручку, Попов видел этого лейтенанта. Он запомнился ему своим сияющим видом, непомерной подвижностью — от избытка жизненных сил. Как же его мучили! Вот и замучили!

— Отомщу, дорогой товарищ! — словно клятву, произнес Попов.

Он медленно вышел на улицу.

Навстречу ему шел командир танкового батальона капитан Кока.

— Ну, товарищ Попов, поздравляю! Деревня вся наша. С такой пехотой, как твои орлы, только и воевать!

— Служу Советскому Союзу!

5

Деревня П. была вся в наших руках. Танки ушли на заправку. Попов выставил сильное боевое охранение, а роту разместил в домах. Старшина вскоре доставил горячий обед. Раненые были отправлены. Освобожденным из плена красноармейцам было доставлено обмундирование, и все они вернулись в свой полк, в свои подразделения.

Пурга улеглась. Вызвездило. Мороз крепчал. В хрустально чистом воздухе с особенной силой звенели артиллерийские раскаты, резко шелестели снаряды. В тылу врага все шире разливались зарева пожаров.

Попов и политрук Бадалян побывали в каждом отделении.

Бойцы сильно устали. Они уже переговорили, вспомнили все подробности боя. И в каждом отделении бойцы прежде всего говорили о замученном лейтенанте, о страданиях пленных. Попов очень хорошо понимал состояние бойцов. И он, как и каждый из них, молод и очень сильно любит жизнь, а вспоминая замученного товарища, он вдруг видел самого себя умирающим в лютых пытках и муках.

И гнев и ненависть к врагу охватывали его. И у каждого — лейтенант Попов это знал и очень хорошо понимал — у каждого была потребность в действии, в большом боевом деле, несмотря ни на какие тяготы и опасности войны.

«Вот это и есть настоящий боевой порыв», — подумал Попов, видя, с какой тщательностью, с каким старанием занимались оружием Иванов, Хасигов и все остальные.

И когда глубокой ночью был получен приказ командования фронтом о переходе с утра во всеобщее наступление по всему фронту и вся рота, как один человек, закричала в радости, в восторге, — лейтенант Попов сквозь свою радость, свой восторг ощутил в себе что-то более значительное и могучее.

Он занимался подготовкой роты. Был митинг, были сказаны простые и пламенные слова. Потом он приказал красноармейцам немедленно лечь спать, и все послушно улеглись.

Задолго перед рассветом началась артиллерийская подготовка. Позади, на огневых позициях батарей, раздались залпы огромной силы. Содрогнулась земля, и от огненных всплесков закачалось небо. В сторону немцев пронеслись снаряды первого залпа, потом уже и не различить было ничего в этом потрясающем сплошном гуле. Он длился бесконечно. Над передним краем обороны фашистов панически часто взлетали ракеты: красные —

вызов огня, и зеленые — вопль о помощи, о бедствии.

Мотострелковый батальон в темноте занял исходное положение в долине реки. Предстояло сбить врага, выйти на дорогу к переправе и дальше действовать совместно с танковым батальоном.

Рота Попова в предрассветных сумерках ползком, по-пластунски продвинулась через реку и дальше по оврагу в лес. Разведчики без шума сняли немецких автоматчиков. В бабьем тряпье те дрожали, словно мокрые собаки.

Попов вывел роту чащей леса к дороге. Тут и там чернели воронки, и снег был покрыт копотью. На востоке ярко зазеленело небо. Вставало утро. Был каленый мороз. Дорога глубокой выемкой спускалась в узкую в этом месте долину реки к мосту. Здесь стояли противотанковые пушки немцев. Попов представил себе — вот наши танки поднимаются по лощине от моста, натыкаются на огонь и горят...

Он бросил свою роту в атаку.

— За родину! За Сталина, ура!

По лесу раскатились могучие крики красноармейцев, выстрелы из винтовок, очереди из пулеметов и автоматов. В глубокие немецкие блиндажи полетели гранаты.

Попов из своего автомата перерезал немецкого офицера, сбежавшего откуда-то на дорогу.

Расчеты орудий были истреблены.

Изредка утирая рукавом взмокшее малиново-красное лицо, Попов из-за толстой березы стрелял по немцам, бежавшим снизу, от моста. Оттуда уже слышался рокот моторов наших танков. И они скоро подошли.

Надо было стремительно развивать успех. Теперь, взобравшись на танк позади башни, Попов с чувством глубокого удовлетворения посмотрел

на бойцов роты, превратившихся в танковый десант. На дороге и по обе стороны в лесу он увидел трупы врагов, пушки. И радость опахнула его.

Танк тронулся. За башней на броне было тепло. Из выхлопных труб бубнила бензиновая сладковатая гарь. Лейтенант Попов вдруг увидел цветущий сад в Ташкенте, из-за розового куста ему улыбнулась мама.

— Валенок сожжете! — крикнул Иванов.

Попов очнулся от внезапного сна, посмотрел на рыжую подпалину от раскаленной трубы на валенке и рассмеялся.

— Ничего, товарищ Иванов! Понимаешь? Разгром, разгром начался. Видишь?

На востоке развертывала боевые знамена заря.

ВОЛОКОЛАМСК — НАШ!

1

Город взят нашими частями сегодня утром. Еще дымятся пожарища, на окраинах воют и рвутся вражеские мины. Но война уже прошла через город дальше на запад.

Какие радостные лица у советских людей! Как торжественно и светло на душе в эти суровые и грозные декабрьские дни! Давно ли Гитлер грозился на весь мир, что немцы начали последнее решающее наступление на Москву? Людоед мобилизовал все, что только было в его силах, для разгрома нашей обороны.

Надо помнить:

Тринадцать танковых дивизий — больше половины всех бронетанковых сил Германии — было брошено прямо на Москву.

Тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий наступали на нашу столицу только против частей Западного фронта.

Фашисты были уверены в победе. В деревне Юшково немецкие солдаты спрашивали: сколько километров осталось до Москвы? — и хвастливо заявляли, что завтра они будут в городе.

Бойцам на фронте было очень трудно.

Но за спиной бойцов стояла родная и великая столица родины. И из Кремля — на всю страну — звучал голос вождя, голос борьбы и победы.

Голос вождя отзывался в сердце каждого совет-

ского патриота, вселял веру в непобедимые силы нашего народа!

И вот — свершилось!

Гитлер уже не вопит о захвате Москвы. Германское командование объявляет о «стратегическом» отходе немецких войск от Москвы на запад, затем — о переходе на «позиционный» характер военных действий.

Как же это выглядит на деле?

2

Среди богатого живописными местами подмосковья одно из самых ярких мест — долина реки Истры. Эти места запечатлены в чарующих картинах Левитана, здесь любил бывать, жить подолгу А. П. Чехов.

Новой красой исполнена долина Истры с тех пор, как ее коснулась созидающая рука социалистической стройки. Построена плотина на Истре. Среди лесов простерлись чудесные зеркала вод.

Немцы, отступая под ударами наших частей, взорвали плотину. Они рассчитывали укрыться за водной преградой, за стремительным потоком кипящей студеной воды.

Истра ревела, выхлестнувшись из берегов. Четыре метра глубины!

Гвардейцы командира Белобородова захватили городок Истру, в лютые морозные ночи перебросили штурмовые мостки через Истру, потом навели переправу. Под ударами гвардейцев фашистские полки «Дейчланд» и «Фюрер» продолжали бежать и за рекой.

По замыслу генерал-лейтенанта Рокоссовского, группы генералов Катукова и Ремизова вклинились с флангов немецких частей, действовавших на Волоколамском направлении.

Это движение было стремительным. Немцы пытались задержать наши части, разбросав многие тысячи мин. Но расчеты врага не оправдались. Пресловутый «стратегический отход», а также переход немцев на «позиционный» характер войны принял весьма своеобразные формы.

И на Волоколамском шоссе, и на просеках, и на полевых дорогах, и на лесных тропах — всюду мы видели немецкие автомобили, мотоциклы, велосипеды. Всюду мы видели пушки — тяжелые, зенитные, противотанковые, горы боеприпасов, снаряжения, различного военного имущества. Около села Красного немцы бросили в лесу 36 танков. Около села Сычи наши части захватили 30 танков.

Я взялся было считать пушки, танки и автомобили. Не доезжая до Волоколамска, сбился со счета. Цифры были уже трехзначные!

В разговорах среди наших командиров — новая тема: как бы скорее учесть и собрать трофеи. Их много. И собрать все это — непростое дело!

А части идут и идут вперед, отбрасывая врага и захватывая новые трофеи.

Вот это и называет германское командование «стратегическим отходом», «позиционной войной»!..

3

Волоколамск. Старый русский город, давший имя свое чрезвычайно важному оперативному направлению («на Москву!») и ставший в эти дни боев всемирно известным.

А сейчас Волоколамского направления больше нет. И Волоколамск попрежнему наш, советский.

Но никогда не забудутся дни боев на этом направлении. Не забудем никогда и не простим ни за что бешеным собакам фашизма тех зверств и расправ над советскими патриотами, которые чинили они

на этом направлении и в самом городе Волоколамске.

В деревне Бели на улице под березами — могилка, на колышке — занесенная снегом кепка мальчика. Неделю назад немцы расстреляли двух тринадцатилетних мальчуганов — Сережу Акимова и Васю Шильникова. Немцы уводили коров. Мальчуганы осмелились протестовать. Они были немедленно расстреляны на глазах у жителей деревни.

В Волоколамске только сегодня сняты с виселицы восемь советских патриотов, среди них — две женщины. Все они были повешены немцами на другой или третий день после того, как фашисты ворвались в город. Они повешены на толстых веревках, руки их связаны позади, на теле у каждого и сейчас видны следы страшных пыток...

В Волоколамске немцы сожгли десятки пленных красноармейцев, — это установлено категорически многими десятками очевидцев. Запах горелого мяса еще слышен вблизи ужасающего пожарища, обуглившиеся кости видны на пепелищах.

И все это простить? И все это забыть? Никогда! И с новой яростной силой стучит в сердце священный лозунг:

— Смерть немецким оккупантам!

4

Уходит короткий серый день. На окраине Волоколамска, в деревне Пушкари, — веселые и короткие сборы.

Танкисты и бойцы подполковника Савостьянова, участвовавшие вместе с бойцами других частей в ночном штурме и захвате города, приведя себя в порядок, выступают для преследования и уничтожения противника.

Среди них и заместитель политрука Владимир Седлецкий. Он еще ни одного дня не был вне боя с той поры, как после разгрома четырех немецких танков его боевая машина была отремонтирована. Сколько новых сокрушительных ударов нанес экипаж Седлецкого врагам!

Танкисты и бойцы Савостьянова захватили за последние дни 28 тяжелых орудий, 12 горных мортир и 4 зенитных орудия, несколько десятков противотанковых пушек.

Под деревней Гряда немцы пытались было контратаковать наши части и были уничтожены все до единого. В этой схватке подполковник Савостьянов был ранен, но продолжал командовать, не выходя из строя.

Среднего роста, сероглазый и русый, с окающим волжским говорком, подполковник Савостьянов посмеивается:

— Волоколамск наш! Теперь надо вперед, бить врага без передышки, до конца!

Ревут моторы. Лязгают гусеницы головного танка, выступающего с задачей бить врага без передышки, до конца.

И все это — радостные и уверенные лица, смех и шутки фронтовиков, шум боевых машин — сливается в светлое и сильное впечатление нарастающей победы.

«Правда», 21 декабря 1941 г.

ПОЭМА О ПОБЕДЕ

1

Центральная студия кинохроники выпустила документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

Это картина — взволнованная и волнующая. Она смотрится с трепетным интересом и производит неизгладимое, яркое впечатление.

Под Москвой разгромлены отборные немецко-фашистские дивизии. Их было более восьмидесяти! Здесь было больше половины всех немецких бронетанковых дивизий, и они были разбиты!

А наши части теснят и теснят врага на запад, преодолевая его сопротивление. Пробираясь по пояс в снегах, в сугробах, во фланги и тылы фашистов, славные фронтовики нередко спят на снегу, не разводя костров. А поутру герои вновь идут на запад, разя и опрокидывая врага.

Все дальше от переднего края до Москвы. И как же радостно и светло на душе: Москва от фронта все дальше; позади, на востоке, остались уже и дальние рубежи обороны столицы.

Москва, любимая и прекрасная, веселая и мужественная, сердцу и разуму каждого советского патриота стала она милее и ближе.

Москва, овеянная славой и излучающая волю к борьбе и победам. Город, притягивающий, пленяющий сердца и души. Город чудесных строек — метро, улица Горького, стадионы, канал Москва—

Волга, новые заводы. Город строек, исполненных пафоса, творчества и созидания.

Москва — трибуна на всю страну, на весь мир. Москва — Красная площадь, и наши парады и демонстрации, юность, радость, наша мощь, миллионы улыбок, старинные башни, рубиновые звезды, мавзолей бессмертного Ленина. Кремль и бодрствующий днем и ночью бесстрашный и мудрый кормчий великого государства.

Москва — наше волнующее прошлое, суровое боевое сегодня и прекрасное, лучистое завтра.

Сюда, в священный для каждого советского человека город, стремятся думы и чувства.

И вот на нашу святыню, на радость и гордость советских людей, на Москву бросает немецко-фашистские орды зверья кровавый Гитлер. Теперь они, разбитые, катятся на запад под ударами наших войск.

Невозвратно в историю ушли эти месяцы — октябрь, ноябрь, декабрь. Живут и будут жить эти дни в памяти советского народа. Дни смертельной опасности нашей Москве, дни величайших усилий на фронте и в Москве, и в тылу, дни грозной борьбы и великой победы.

В первой половине октября немецко-фашистские орды прорвались на дальние оборонительные рубежи Москвы — под Волоколамск, Можайск, Малоярославец.

Немецкое командование подхлестывало войска посулами, обещаниями, что с захватом Москвы война кончится победой гитлеровской Германии, а солдаты с награбленным добром будут отпущены по домам.

Советский народ, выполняя сталинский стратегический план ведения войны против фашизма, ответил на угрозу столице новым напряжением сил.

Население Москвы от мала до велика по первому

призыву МК ВКП(б) и Моссовета взялось за то, чтобы сделать свой город неприступной крепостью.

Показом Кремля, Москвы и москвичей в те дни начинается документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

И сразу захватывают эти мужественные и выразительные кадры.

Товарищ Сталин возложил оборону Москвы на генералов Жукова и Артемьева. Мы видим их на экране вместе с их ближайшими соратниками и помощниками.

Трудные, напряженные и опасные были эти дни в октябре, когда на дальних рубежах Москвы день и ночь грохотали орудия, день и ночь шли кровопролитные бои.

Смотришь на кадры кинофильма, а память подсказывает... В декабре немцы были под самой Москвой, их танки ревели моторами и лязгали гусеницами под Крюковом, Красной Поляной и Яхромой. Немцы подтягивали дальнобойные орудия, чтобы открыть огонь по Москве. На юге немецкие части двигались на Каширу, на Коломну, с тем чтобы охватить столицу глубоким кольцом.

Немцы в это время подошли гораздо ближе к Москве, чем в октябре. А настроение у всех — и у фронтовиков, и у москвичей — было еще более уверенное и бодрое. Почему? Да потому, что каждый советский патриот знал: выросли наши силы под Москвой и в самой Москве, в то время как силы врага уже измотаны нашей героической обороной и они на исходе.

В дни, когда немецко-фашистские орды рвались к Москве, на всю страну, на весь земной шар прозвучал голос вождя советского народа и Красной Армии.

Все советские люди, все друзья Советской страны, все трудящиеся за рубежами нашей страны, затаив

дыхание, с замиранием сердца слушали доклад товарища Сталина о XXIV годовщине Октябрьской революции на традиционном заседании 6 ноября и его речь на Красной площади на параде 7 ноября.

Товарищ Сталин вскрыл, проанализировал весь ход великой отечественной войны всего советского народа против нашего заклятого врага — немецкого фашизма. Вождь народов Советского Союза, великий полководец Красной Армии указал мудрый план дальнейшего победного ведения войны. С неслыханной силой выразил он чаяния, надежды и волю всего советского народа.

Вот товарищ Сталин на экране, и голос его звучит, проникая в самое сердце:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Какими словами выразить всю радость, востор-

женный подъем и бурный прилив сил всех советских людей!

Черная угроза нависла над столицей, а товарищ Сталин в Москве, он выступает, и в докладе, и в речи его — непоколебимая вера в силы народа, в творческие силы масс, ясность в нашем историческом завтра, «может быть, годик», а победа будет за нами!

И вот с новыми силами советские патриоты — москвичи и подмосковные колхозники — строят могучие пояса укреплений вокруг Москвы; на предприятиях производятся минометы, автоматы, снаряды, мины; вагоны с оружием отправляются на фронт. Зенитные орудия стреляют, содрогаясь; над городом — непроницаемая для вражеских самолетов шапка разрывов.

Кинофильм ярко показывает, как Москва в эти дни ковала оружие для разгрома врага.

Вся страна, следуя указаниям своего вождя, собирала силы для могучего контрудара по врагу. Родина, советский народ слали и слали в Москву, на фронт свежие части, боеприпасы, снабжение, могучую технику. И вот кинофильм ведет нас на фронт, на огневые позиции артиллерии, к нашим танкам, к нашим самолетам, к нашей пехоте, к нашей кавалерии, к авиадесантным частям.

Вот они, наши героические фронтовики, измотавшие немецкие дивизии на подступах к Москве— на дальних и на ближних подступах.

В славных боях под Москвой рождалась и крепла боевая гвардия Страны Советов.

Генералу Белову вручают гвардейское знамя, бойцы-гвардейцы проходят мимо своего генерала, они кричат «ура», и Белов целует знамя. А дальше мы видим неотразимую атаку конногвардейских частей. И танки гвардейского соединения Катукова бросаются в грозную атаку.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
Проклятою ордой!

Звучит песня, шагает наша доблестная пехота. И на плече рослого стрелка — противотанковое ружье.

Стремятся в воздушном океане наши самолеты, и грозные бомбы падают на врага.

Чувство гордости и радости так и подмывает сердца. Да, это наша героическая Красная Армия. Могучая современная армия, в рядах которой бьются за родину миллионы советских патриотов, на вооружении которой все виды оружия, самая разнообразная техника.

Мы видим могучие танки, им нипочем сугробы, леса, заграждения. Броня, грозные траки гусениц сметают, стирают все со своего пути.

Мы видим артиллерию — сталинскую, советскую артиллерию: тысячи орудий, бросающих сокрушающий раскаленный металл на головы врагов. Подвижные полковые орудия, короткоствольные гаубицы, корпусная и тяжелая дальнобойная артиллерия, зенитные и противотанковые орудия,— мы видим их в действии. И снова гордость стучится в сердце. Эта мощь — реальный результат победы сталинской политики и индустриализации страны.

Вот эти орудия стальными поясами прикрыли нашу любимую столицу! Какой же вражьей силе устоять против залпов наших орудий?

Да, это наша родная Красная Армия, плоть от плоти и кровь от крови советского народа. Над ее созданием, организацией вооружения беззаветно трудился и трудится весь советский народ, все народы Советского Союза и каждый советский патриот, осуществляя мудрый сталинский план разгрома и победы над врагом.

И кадры фильма, показывающие части Красной Армии, все роды оружия, ярко свидетельствуют о том, что советский народ, партия воплотили во всей этой грандиозной мощи мысль и волю великого и мудрого Сталина.

Какой же вражьей силе устоять против этой мощи, непрерывно питаемой всем советским народом, неиссякаемой мощи, ибо в нашей стране, ставшей по указанию Сталина военным лагерем, армия и народ едины, монолитно едины фронт и тыл!

Мы видим, что воины нашей армии отлично одеты, они подготовлены к войне в зимних условиях. Мы видим лыжные батальоны, отлично обученные для боевых действий зимой с ее заносами и сугробами, метелями и морозами.

Но вот на экране — разбитые немецкие орудия, горящие танки, автомобили. Груды боеприпасов. Трупы. Пленные. Жалкое отребье. Вот они — промерзшие горе-вояки, забравшиеся под Москву.

Пускай фашисты дурачат кого угодно, уверяя, будто их наступление было прекращено из-за русских морозов. Морозы несладкими оказались для фашистских дивизий. Но мы-то знаем и мы видим в картине, какая сила нанесла врагу сокрушительный удар.

Гитлер, бросая свои орды в «последнее» наступление на Москву, приказал «в ближайшее время разделаться любой ценой со столицей Москвой».

Кровавый и наглый шут просчитался.

По указаниям товарища Сталина военный совет Западного фронта подготовил контрудар с задачей не только сорвать наступление немцев, но и начать под Москвой разгром фашистских полчищ.

Советский народ с любовью и благодарностью вспоминает и прославляет своих генералов. Под руководством Сталина, осуществляя его замыслы,

его волю, его директивы, наши генералы талантливо и победно вели войска в бои под Москвой, на разгром немецких войск.

Имена Жукова, Конева, Соколовского, Рокоссовского, Болдина, Лелюшенко, Юшкевича, Масленникова, Говорова, Власова, Голикова и других защитников Москвы стали широко известны советскому народу.

6 декабря 1941 года войска Западного фронта, измотав живую силу и технику врага, перешли в наступление.

Вскинув грозные жерла, по всему фронту загрохотали пушки, гаубицы, минометы. Поднялись, разлетаясь вдребезги, вражеские укрепления, проволочные заграждения.

С неба били по врагу сталинские соколы, сбрасывая тысячи бомб, расстреливая врага из пушек и пулеметов. Запылали немецкие танки. Столбами вставали, чтобы упасть прахом, логовища врага.

Вслед за артиллерийским и авиационным шквалом идут в атаку на врага танки. Их очень много. Стальной порыв их неудержим. Попавшаяся на пути огромная сосна от удара идущего в наступление танка разлетается кусками.

Могучая советская техника прокладывала пути-дороги пехоте и кавалерии.

И вот во взаимном действии с артиллерией, авиацией и танками в бой бросаются лыжники, стрелки. На броне танков, в санях, прицепленных к танкам, стремятся советские воины на врага.

Лыжники в белых маскировочных халатах птицами несутся на лыжах с горы.

Гремит по всему фронту грозный клич:

— За родину! За Сталина! Ура!

И отборные немецкие части не выдерживают

ударов. Гитлеровские брехуны врут об организованном отходе, о выравнивании линии фронта. Кадр за кадром мы многое видим: сотни брошенных танков, оружия, автомобилей, горы боеприпасов и снаряжения, трупы и пленных. Если все это называется «организованным отходом», то что же тогда назвать паническим бегством?

А как красноармейцы, взявшие штурмом населенный пункт, за шиворот вытаскивают фашистов из ям, из подвалов, на это нельзя смотреть без смеха.

Сбивая врага, отбрасывая на запад и преследуя его по пятам, наши доблестные части освобождают сотни населенных пунктов.

Потрясающи встречи населения и героев-освободителей. Ребятишки взобрались на трофейный танк. Старушка-колхозница целует проходящих красноармейцев и... крестится.

— Наши пришли! Наши!

И никогда не забудут советские люди, не забудут и не простят злодеяний, неслыханных зверств немецко-фашистских преступников. Сожженные дома, трупы замученных, расстрелянных колхозников. Мать над трупом дочери. Мальчик у трупа своего отца-колхозника. Трупы изнасилованных, а потом зверски убитых женщин. Сожженные, обгорелые тела красноармейцев.

В Волоколамске немцы повесили двух девушек и шесть парней. Все они — советские патриоты, отдавшие жизнь за родину, за советский народ. У виселицы, около раскачивающихся на веревках трупов героев, клянутся отомстить за них фронтовики. И в память на всю жизнь врезается: виселица, восемь повешенных.

Подвиг их бессмертно будет жить в сердцах советских людей.

Кровавый след оставили за собой немецко-фа-

шистские изверги! Они убивали людей за то, что те были русскими, славянами, советскими гражданами.

Они глумились надо всем, что дорого сердцу советского народа, русских людей. От домика Чехова на Истре остался пепел. Знаменитое творение архитекторов Растрелли и Казакова, Ново-Иерусалимский монастырь, взорван руками варваров. Дом великого русского композитора Чайковского в Клину разгромлен. Сожжены дома и школа в Ясной Поляне. Неслыханно оскорблена немцами память Льва Толстого, которым гордится все прогрессивное человечество. Могилу гения русской и мировой литературы они осквернили, устроив здесь солдатское кладбище.

Убийства, пожары, взрывы, насилия — вот подлинный лик немецкого фашизма.

Отброшены немецкие варвары на запад. Возвращаются жители в свои родные места. Из лесов выходят партизаны. Отдыхать некогда. Сколько дела! И председатель Солнечногорского горсовета товарищ Батов, партизан, на крыльце дома уже окружен жителями и сразу берется за дело.

Провалился гитлеровский план окружения и захвата Москвы. Великой радостью, новым трудовым подъемом отозвались советские люди в Москве и по всей стране на весть о победе. Такова уж природа советского человека: на события отвечать крепкими делами!

— Все для фронта, все для победы!

Части Красной Армии продолжают гнать врага, наносить ему удары. Отбит Калинин. Отбит Волоколамск. Отбит Можайск. Отбиты многие города.

Стерты с лица земли десятки немецких дивизий.

Москва — прекрасная, гордая, свободная и любимая.

Через Бородинское поле, мимо обелиска-памятника — славы русского оружия — части Красной Армии, бодрые, сильные, неудержимо стремятся на запад.

«Правда», 16 февраля 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторы Ю. Лукин и А. Рябинина

Подписано к печ. 4/V 1942 г. А-50245. Тираж 100 т. экз.
$9^1/_4$ печ. л. 13 уч.-авт. л. 56160 зн. в печ. л. Зак. № 369.

Цена 3 руб. 50 коп.

Набрано в тип. «Искра революции». Москва, Арбат, Филипповский, 13.

Отпечатано в 3-й типографии «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

3 р. 50 к.